

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

СЛАВИСТИКА СССР И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

20–40-х годов XX века

Москва

1992

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)**

СЛАВИСТИКА СССР И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

20-40-х годов XX века

Сборник статей и материалов

Москва, 1992

001
С-47

**БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ РУССКОГО ЯЗЫКА
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ**

86865

Ответственный редактор

М.А.Робинсон

ISBN 5-201-00751-1

Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1992

АКАДЕМИЧЕСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД
 (Документальные этюды из истории славяноведения в
 конце 1930-х - начале 1940-х годов)

На смену преследованиям, невниманию, забвению славяноведения, вызванными общей политической и идеологической ситуацией в нашей стране в 1920 - 1930-х годах¹ и приведшими славянские исследования к кризисному состоянию, в конце 1930-х годов, опять-таки под давлением не столько научных, сколько внешнеполитических факторов, в общественном мнении стало укрепляться сознание необходимости всестороннего изучения истории и культуры славянских народов. В связи с этим в Академии наук стали ставиться вопросы о расширении и углублении славяноведческих исследований, о создании новых творческих коллективов и структурных подразделений, занимающихся славистикой. О том, как шел процесс возвращения славяноведения в сферу академической науки, с какими трудностями при этом сталкивался, свидетельствуют документальные материалы Московского и Санкт-Петербургского академических архивов. Они приоткрывают, в частности, не известные до сих пор или почти забытые страницы из истории отечественного славяноведения предвоенных лет. Некоторые из них мы предлагаем вниманию читателей.

1. НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

1939 год стал поворотным в истории отечественного славяноведения. В этом году была открыта кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете Московского государственного университета (первая специальная славяноведческая кафедра в Советском Союзе); таким образом, восстанавливалось отсутствовавшее с начала 1930-х годов преподавание славяноведческих дисциплин в университетах страны и подготовка молодых славяноведов (в 1941 г. была открыта кафедра славянской филологии на филофаке ЛГУ, в 1943 г. - аналогичная кафедра на филофаке Московского университета). В том же 1939 г. был создан сектор славяноведения в Институте истории АН СССР, возглавлявшийся (как и университетская кафедра

ра) В.И.Личевой. Таким образом, в рамках Академии наук впервые специальное, пристальное внимание было обращено на историю зарубежных славян (единичные лингвистические работы в области славистики велись в Институте языка и мышления им. Н.Я.Марра, литературоведческие исследования осуществлялись и вовсе лишь в индивидуальном порядке).

После закрытия в 1934 г. Института славяноведения в Ленинграде и свертывания славистических исследований в других академических институтах и вузах страны, после репрессий, которым подверглись многие слависты, казалось почти невозможным хотя бы возвращение к прежним формам и объемам исследований. Между тем академик Н.С.Державин неоднократно обращал внимание властей на бедственное положение славяноведения, доведенного до крайности, и настаивал на всемерном расширении работ в этой области науки².

Еще в начале 30-х годов, отставив необходимость создания специального научного института, изучающего в комплексе славянские народы, Державин заверял, что советское славяноведение будет основываться на марксистско-ленинской методологии и отражать интересы строительства социализма в стране, подчеркивая в то же время коренное отличие новой науки от дореволюционной славистики, обслуживавшей "реакционную" политику правящих классов и царского самодержавия³.

На рубеже 30-40-х годов никто из советских славистов не отважился проанализировать упадок славянских исследований в послереволюционное время. Так, в одном из выступлений на заседании Отделения литературы и языка (ОЛЯ) АН СССР академик А.С.Орлов, который был хорошо осведомлен о положении дел в славяноведении в начале 1930-х годов, не совсем искренне и как бы с удивлением заметил: "Славистика - это вещь неожиданно почему-то вымершая, т.е. громадное количество было народа, которые занимались славистикой, славистическими вопросами, и область была большая, но затем это все внезапно оборвалось"⁴. Н.С.Державин (правда, не публично) высказывал мнение о том, что славистику до такого состояния довели "враги народа"⁵.

Поэтому особенно интересными представляются опубликованные в печати суждения о положении советской славистики чешского ученого, в те годы жившего в СССР и занимавшегося разработкой вопросов славянской истории, профессора З.Неедлы. Это одновременно взгляд изнутри и со стороны. В главном его рассуждения совпадают с подходом к этой проблеме Державина. З.Неедлы считал, что необходимо "обновить" славистику, однако, по его мнению, это не означает восстановления уровня дореволюционной науки, которая не соответствовала интересам и задачам советской действительности. Он полагал, что научное славяноведение с самого начала стало играть политическую роль, обслуживая интересы славянской буржуазии, одновременно было носителем идей панславизма, идей политического и культурного объединения славян под эгидой русского самодержавия - "оплота реакции" в Европе в XIX в. Отсюда делался единственно возможный вывод, что славистика представляла из себя опору реакции. Вместе с тем Неедлы пытался объяснить природу этой "реакционности", в то же время ограждая от обвинений сам предмет изучения: "Однако реакционность старой славистики вытекала не из самого факта изучения славянских народов, но из того, что она была ориентирована на царскую Россию как на самую могущественную, в течение долгого периода единственную самостоятельную политическую славянскую силу". Такая ориентация славяноведения, по мнению автора, была неприемлема для советской науки, но образование СССР должно было "знаменовать и в славистике крупный революционный переворот". Правда, вместо того, чтобы, осуществив этот переворот, пойти по новому пути, "советские историки на первых порах просто-напросто забросили эту область". Называя такой подход "неправильным решением", Неедлы особое внимание обращал на то, что полный отказ от изучения истории и культуры славянских народов являлся одной из крупнейших ошибок "школы" Покровского, отрицавшего "целую научную дисциплину". Насущной задачей советских славистов ученый считал энергичное развитие этой области науки "по марксистскому пути"⁶.

И вот в 1939 г. были пробиты первые бреши в глухой сте-

не игнорирования славяноведения. Славянская тема громче зазвучала на заседаниях гуманитарных отделений Академии наук. Так, в 1939 и 1940 гг. несколько сессий Отделения истории и философии были посвящены проблемам славянского этногенеза и ранней истории славян (в связи с подготовкой и обсуждением I-го тома многотомной "Истории СССР")⁷, а также "актуализации" работ вновь созданного сектора славяноведения (при рассмотрении планов и отчетов Института истории)⁸. После начала Великой Отечественной войны специальная сессия была посвящена вопросам истории борьбы славянских народов против германской агрессии (доклады В.И.Пичеты, З.Р.Неедлы, Д.С. Густинчича, Б.А.Рыбакова)⁹.

Аспекты развития отечественного славяноведения, его будущая судьба особенно часто обсуждались на заседаниях Отделения литературы и языка. Так, на собрании 27 апреля 1939 г. при обсуждении плана "Истории всемирной литературы" (по которому XUI и XUII тома отводились литературам восточных и западных славян) директор Института мировой литературы (ИМЛИ) И.К.Душпол поставил прежде всего вопрос о подготовке филологов-славистов, способных написать историю славянских литератур, для чего, по его мнению, одаренным аспирантам нужно создать "исключительные условия"¹⁰. Его поддержал профессор В.М.Жирмунский, подчеркнув, что проблема развития советского славяноведения является "очень существенной": "По разным линиям встает этот вопрос, и мне кажется, что отмахнуться от него никак нельзя. Нужно поставить изучение славянских языков и литературы во Всесоюзной Академии достаточно широко. В частности, институты литературы, Ленинградский и Московский, должны что-то сделать для того, чтобы организовать секцию славянских литератур, чтобы готовить аспирантов под руководством старших представителей этой специальности, которая когда-то имела центром нашу Академию (подчеркнуто мной. - Е.А.). А сейчас мы забрасываем эту специальность. И если это не будет сделано, то я убежден, что у нас в Институте работа над славянскими томами будет сорвана"¹¹.

При обсуждении на ОЛЛ результатов обследования деятель-

ности Института языка и мышления (ИЯМ) член-корреспондент АН Л.В.Щерба отметил, что в Академии наук, к сожалению, вообще "не занимаются русским языком и славянскими языками". Сравнивая положение дел в славянском языкознании с славянской исторической наукой, Щерба подытожил: "Институт истории что-то сделал, а мы ничего не сделали и у нас славянский язык не организован. Это недопустимая вещь". Он напомнил, что лингвистов-славистов осталось не много, их нужно собрать, объединить и использовать их опыт. В выступлении сообщалось, что не только в стенах Академии, но и в Комитете по делам высшей школы уже "неоднократно раздавались голоса ... что необходимо иметь специальный Институт, или центр ... где бы русский и славянские языки надлежащим образом разрабатывались"¹².

Почему же так долго молчавшие ученые вдруг наперебой заговорили о развитии славистических исследований? Возможно, ответ содержится в выступлении И.П.Лебедева-Полянского на заседании 25 июня 1939 г. при обсуждении плана работы Отделения на 1940 год: "В отношении славяноведения, - сказал он, - есть такая директива (подчеркнуто мной. - Е.А.) относительно того, чтобы поставить это более широко". В свою очередь, он подчеркивает "необходимость обеспечить разработку вопросов славянской литературы"¹³. И.К.Душол напомнил, что он и Н.С.Державин "ровно год тому назад подавали докладную записку Президиуму"¹⁴ о необходимости развития работы по истории литературы славянских народов. Однако это не было никак подхвачено и дело кончилось тем, что слависты наши превратились в историков, связались с Институтом истории, там создан сектор славяноведения, а мы оказались такими безрукими, что упустили наши собственные кадры"¹⁵.

Тревогу относительно состояния изучения славянских литератур разделял и В.А.Десницкий, который заявил, что "подавал заявление по этому поводу четыре года тому назад с возвращенным планом по истории славянской литературы, указывая, что это проблема политически чрезвычайно важная". Выступающий подчеркнул, что русская славистическая наука должна быть

ведущей. "В настоящее время, - продолжал он, - мы не можем даже самой элементарной практической потребности удовлетворить потому, что в отношении славистики у нас пустое место". Таким образом, естественно Десницкий подошел к проблеме воспитания научной смены: "Дело в том, что если в области славянских языков имеются известные фонды, которые мы должны и будем использовать широко для подготовки молодых кадров, то в области славянской литературы вопрос обстоит так, что здесь необходимо создать совершенно новые кадры славяноведения... Это можно сделать только в течение нескольких лет"¹⁶.

Академик А.С.Орлов, касаясь предложений по возрождению славистики, советовал выделять ее в самостоятельный "раздел" науки, а также, учитывая "то совершенно незначительное количество славяноведческих сил, которые мы имеем", определить, "какие с этими силами могут быть разработаны темы - исторические, филологические или литературные, какому типу славистики мы отдаем предпочтение. Здесь, - подчеркивал академик, - надо исходить из реального учета реально имеющихся у нас наличных сил. И прежде всего здесь надо воспользоваться теми патриотами, которые у нас в настоящее время имеются"¹⁷.

Но как должно быть организовано дальнейшее развитие славистических исследований? Наряду с другими все чаще звучало на заседаниях ОЛЯ предложение о создании самостоятельного института (опыт рассредоточения славистических исследований по различным институтам уже достаточно убедительно показал свою несостоятельность). А.С.Орлов высказывался за "совершенно отдельное существование" Института славяноведения. "Вы скажете, - обращался академик к членам Отделения, наверняка вспоминая бесславно закончившего свои дни предшественника такого института, - это старая форма - Институт востоковедения, Институт славяноведения и т.д. Но я должен сказать, что для определенного времени такие несколько универсальные узлы"¹⁸, как институт славяноведения, был бы весьма подходящей формой, он обростал бы кадрами, вырабатывал бы необходимые кадры, а потом уже из них произо-

шла бы определенная дифференциация. Ведь не надо забывать, что старые слависты в старое время были всегда такими универсалами. /.../ Мне кажется, что практически создание такого института не является утопией¹⁹. По мнению Орлова, вопрос о положении славяноведения должен быть обсужден не только в ОЛЯ, но и в других отделениях, и в Президиуме АН, так как проблемы славяноведения соприкасаются со многими другими смежными областями науки. Так, например, полагал академик, "при перестройке всего лингвистического гнезда" необходимо учитывать и славянское языкознание. Во главе нового комплексного Института славяноведения Орлов предлагал поставить Н.С.Державина²⁰.

К сожалению, в то время все эти предложения оставались лишь предметом дискуссии группы ученых. Но эти обсуждения, безусловно, способствовали продвижению вопроса о развитии дисциплин славистического комплекса. На это же был направлен и доклад "Перспективы развития славянской филологии в СССР", подготовленный специальной комиссией ОЛЯ к майской 1940 г. сессии Отделения. От имени комиссии доклад было поручено сделать С.П.Обнорскому. Сохранился достаточно обширный проект резолюции по докладу²¹. В этом документе констатировалось, что, "несмотря на обозначившийся за последнее время значительный сдвиг к лучшему, славянская филология все еще не заняла по праву ей принадлежавшего места в ряду других соседних наук". Предполагалось осуществить ряд мер, направленных на развитие этой науки. Среди них:

1) укрепление и расширение деятельности Кабинета славянских языков ИЯМ, который должен заниматься изучением не только славянских языков, но и вопросами письменности славянских народов, славянских древностей, фольклора. К осуществлению этой широкой программы должны быть подключены не только ленинградские слависты, но и исследователи из других городов, а Кабинет славянских языков ИЯМ выполнял бы функции координатора;

2) создание Отдела славянских литератур в Институте мировой литературы в Москве или Институте литературы в

Ленинграде с целью углубленного изучения истории славянских литератур нового и новейшего времени;

3) создание при ОЛЯ Комиссии славянской филологии, в задачи которой входила бы координация работы в области славяноведения;

4) разработка ряда тем совместно с Украинской и Белорусской академиями наук;

5) учреждение специального печатного органа по славянской филологии, где публиковались бы не только научные статьи, но и рецензии, и информация о новейших достижениях в этой области. Кроме того, издание серии работ по славянской филологии, которые отчасти восполнили бы пробел, образовавшийся после прекращения издания "Энциклопедии славянской филологии". (При этом Отделение обращалось с просьбой к Редакционно-издательскому совету возможно скорее издать труды по славянской филологии.);

6) организация в ближайшее время Всесоюзной славянской конференции.

Помимо этого в целях популяризации славянистических знаний в широких кругах предлагалось поручить крупным специалистам написать статьи для массовых общественно-политических журналов и газет. Следовало также обратить внимание Гослитиздата, Учпедгиза и других крупнейших издательств на необходимость расширения издания переводов известных славянских писателей, словарей, грамматик, курсов истории славянских литератур и т.п.

Особую заботу ученых вызвала подготовка молодых кадров. Этому посвящены два пункта проекта резолюции. В них говорится о необходимости поднять изучение славянской филологии прежде всего в ЛИФЛИ и Ленинградском университете, с этой целью учредить в них кафедры славянской филологии и предусмотреть возможности специализации студентов в данной области. Кроме того, нужно расширить подготовку славистов через аспирантуру в университетах и академических институтах.

В этом документе не говорится о создании Института славяноведения, но перечисляются давно назревшие преобразова-

ния в славяноведении, о необходимости которых неоднократно ставили вопрос ученые-слависты и специалисты смежных наук.

Ввиду важности вопроса о дальнейшей судьбе славяноведения на Бюро ОЛЯ было решено вынести на обсуждение Президиума АН в конце 1940 г. доклад С.П.Обнорского "О постановке славянской филологии в СССР"²².

Поскольку в 30-е годы славяноведение было далеко не приоритетной наукой, а, наоборот, весьма критикуемой и осуждаемой, само собой стало вполне естественным и практически необходимым отделение исследований в области русской истории, языка, литературы от изучения зарубежных славян (хотя и в русистике находилось немало объектов для идеологической борьбы). Такой прагматический подход давал возможность многим ученым, особенно старой школы, остаться в научном строю, продолжая работу в смежных, более "безопасных" областях науки. Однако к концу 30-х годов все более очевидной становилась научная, политическая и практическая потребность славянских исследований не в урезанном, а в полном объеме. Эти годы можно с полным правом считать началом возрождения отечественного славяноведения.

Свою немалую лепту в этот процесс внесли не только отдельные ученые-слависты, но и академические институты и отделения АН. Несмотря на то, что предложения ОЛЯ по развитию славистических исследований в нашей стране не всегда находили отклик в руководящих кругах или же далеко не сразу внедрились, они тем не менее не только подготавливали мнение научной общественности относительно значимости славяноведения, но и представляли программу конкретных действий, которые могли бы вывести эту область науки из прорыва и как можно быстрее залечить нанесенные ей раны. Однако медлительность тех органов, от которых зависело принятие важных для славяноведения решений, отодвинула их реализацию. Факторы военного времени придали дополнительный стимул положительному разрешению проблемы, но ее окончательное научно-организационное оформление пришлось уже на послевоенный период.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР В АКАДЕМИИ НАУК (конец 1930-х годов)

Несмотря на то, что постановление Президиума АН 1934 г. предусматривало сосредоточение исследований по славянским литературам в Институте литературы в Ленинграде, они там так и не были развернуты. Запущенность разработок в этой области особенно остро дала о себе знать несколько лет спустя при обсуждении плана подготовки и издания "Истории всемирной литературы" (ИВЛ).

На заседании группы литературы Отделения общественных наук 14 мая 1937 г. академиком Н.С.Державиным был поднят вопрос о целесообразности "организации в Институте литературы отдела или группы славянских литератур и славянского фольклора". Ученый считал, что в план ИВЛ на ближайшие пять лет необходимо включить "хотя бы одну западнославянскую и одну южнославянскую литературу". При этом, отмечал Державин, "основной проблемой изучения славянских литератур должна быть история развития реализма в связи с национальным возрождением у славян и историей революционного движения"²³. Такое направление исследований, безусловно, должно было отвечать общей идеологической направленности гуманитарных наук того времени.

Выступивший на том же заседании В.М.Жирмунский поддержал идею создания отдела славянских литератур и предложил включить в ИВЛ "историю польской и чешской литературы и фольклора". При этом он выделил вопрос о кадрах, "отметив особенную остроту его для отделов западноевропейской, славянских и древнерусской литератур"²⁴. В свою очередь, В.П. Адрианова, отмечая важность организации отдела славянских литератур в Институте литературы, подчеркивала значение этих литератур "для изучения древней русской литературы", поскольку, по ее мнению, "целые группы явлений могли бы быть разработаны совместно со славистами"²⁵.

Однако отдел славянских литератур не был создан в Институте литературы в Ленинграде.

В те же годы в Москве существовал еще один институт литературоведческого профиля - Институт мировой литературы

им. А.М.Горького (ИМЛИ). Институт был учрежден в 1932 г. при ЦИК СССР как "литературный учебный центр" и "лаборатория для изучения художественной литературы народов Союза ССР". Статус "высшего литературного учебного и научно-исследовательского учреждения" ИМЛИ сохранял до 1937 г. По Положению об Институте 1937 г. в его структуру входили: 1) Научно-исследовательский сектор (с секцией по изучению жизни и творчества Горького); 2) Научно-учебный сектор; 3) Центральная библиотека (с кабинетом Горького); 4) Сектор рукописей и литературных документов; 5) Архив Горького; 6) Сектор художественно-образовательных материалов (Литературный музей); 7) Музей Горького; 8) Научно-издательский сектор.

В этой структуре два подразделения представляют интерес для истории славяноведения. Так, в научно-исследовательском секторе предполагалось изучение истории мировой литературы, литератур народов СССР и общелитературных проблем. Первое из этих трех направлений включало и изучение истории славянских литератур. Центральная библиотека Института содержала художественные произведения на языке оригинала, в переводах, литературно-художественную периодику. Книжно-журнальные собрания распределялись по кабинетам, среди которых был Кабинет славянских литератур. Кроме того, библиотека располагала греческими, румынскими, албанскими, венгерскими изданиями. Мыслилось, что литературные кабинеты в своей библиотечной и библиографической работе должны быть тесно связаны с научной работой соответствующего исследовательского сектора Института²⁶.

В 1937 г. возникла реальная перспектива передачи Института мировой литературы в ведение Академии наук²⁷, но в связи с этим руководство ИМЛИ высказывало опасение, что в академической системе Институт "будет всегда на последнем месте после техники, физико-математических и социально-экономических наук"²⁸. Тем не менее в 1938 г. был окончательно решен вопрос о подчинении ИМЛИ Академии наук СССР, сохранены и уточнены его задачи и структура. Так, подразделение, призванное изучать литературу народов мира полу-

чило название Отдел мировой литературы, который включал в себя, наряду с другими, Секцию славянской литературы. При этом оговаривалось, что по литературам прибалтийских и балканских народов будут в дальнейшем созданы специальные под секции. Однако отмечалось, что в первую очередь будут образованы секции французской, немецкой, английской и американской, итальянской, античной и восточной литератур²⁹. Создание славянской секции, по-видимому, отодвигалось на второй план.

До вхождения ИМЛИ в Академию наук его деятельность сосредоточивалась "на собирании материалов, которые должны были явиться базой для развертывания научно-исследовательской работы по литературоведению". Вместе с тем руководство ИМЛИ считало, что без достаточно серьезных научных исследований "приступить к организации учебной работы не представлялось возможным"³⁰. К научно-исследовательской деятельности Институт приступил с 1938 г.³¹ Однако в основных направлениях работы Института на 1938-1941 гг. не были запланированы исследования по славянским литературам³².

Поскольку не была создана Секция славянской литературы, единственным славистическим подразделением в ИМЛИ на протяжении нескольких лет был Кабинет славянских литератур Центральной библиотеки, который выделился в марте 1937 г. из Кабинета романских, прибалтийских, славянских и еврейской литератур. В новом кабинете работал всего один штатный сотрудник - Н.П.Лазич. Кабинет охватывал литературы зарубежных славянских народов; восточнославянские литературы были отнесены к Кабинету национальных литератур народов СССР³³. В начале 1937 г. Кабинет славянских литератур насчитывал 1550 книг. До конца года было приобретено еще 670 книг (в том числе через "Международную книгу" поступило 3 экземпляра на сербском и 1 - на польском языке). Больше всего насчитывалось польских книг (910)³⁴. Кабинет комплектовал не только славянскую художественную литературу, но и издания по славянскому языкознанию, истории, общеславянским проблемам³⁵. С 1938 г. в Кабинете работали два сотрудника (Н.Лазич и Е.Беркова); они составляли "биб-

лиографию славянских авторов, переведенных на русский язык за советский период". Среди приобретений 1938 г. особую ценность представляло издание "Српске народне пјесме" (Вена, 1841) с автографом Вука Караджича. Кабинет, получивший отдельное помещение, провал работу по систематизации и расстановке книг. Однако в этот период Кабинет славянских литератур считался беднее других по своим фондам. К началу 1939 г. Кабинет насчитывал свыше 3 тыс. книг³⁶. Они должны были стать базой для начала исследований по славянским литературам.

В 1938 г. Н.С.Державин в докладной записке на имя президента АН СССР В.Л.Комарова, подробно изложив плачевное состояние отечественного славяноведения, предложил, среди прочих мер по исправлению создавшегося положения, немедленно организовать отдел славянских литератур (с временным включением в его программу этнографии и фольклора) в ИМЛИ, где филологи-слависты имели бы неплохое подспорье в работе в виде книжных фондов славянского кабинета³⁷.

Поддерживая предложение Державина, директор ИМЛИ И.К. Лупшол также писал В.Л.Комарову о целесообразности создания в его Институте секции славянских литератур на базе кабинета (но без изучения восточнославянских литератур и этнографии). Такая секция могла бы состоять из руководителя, старшего научного сотрудника, секретаря, двух аспирантов и одного докторанта³⁸.

В свою очередь, академик-секретарь Отделения общественных наук А.М.Деборин в письме к президенту АН отрицательно высказался о создании подобного подразделения в ИМЛИ, считая, что "при таком составе поставить серьезно научную работу совершенно невозможно". По его мнению, не следует отрывать изучение литератур от изучения языков, поэтому имеет смысл в группу славистов Института языка и мышления в Ленинграде включить несколько человек: из Института литературы и трех-четырех аспирантов, которые составили бы сектор по изучению истории языков, литератур и фольклора западных и южных славян³⁹.

Такой проект вызвал резкое недовольство Державина. Свои

несогласие с предложением Деборна он высказал в письме вице-президенту АН Г.М.Кржижановскому (начало 1939 г.). Он писал о недопустимости изучения литературы и языка - разных областей науки - в объединенном отделе славянской филологии в Институте языка и мышления. Подобное решение, по оценке Державина, "является несомненно кустарщиной, снижать до которой академическое славяноведение нельзя"⁴⁰. Вопрос остался открытым.

Оба литературоведческих института - ленинградский Институт литературы и московский Институт мировой литературы - были привлечены к подготовке издания "Истории всемирной литературы". Четкого распределения обязанностей по этому труду между ними не существовало, из-за чего порой возникали недоразумения и конфликты. К 1939 г. было уже определено, что семнадцатый и восемнадцатый тома будут посвящены западно- и южнославянским литературам, а девятнадцатый - венгерской, румынской, албанской, новогреческой и новосеврейской литературам. Ни тот, ни другой институт не имели соответствующих подразделений и кадров, способных обеспечить выполнение намеченных работ по этим томам, не было определено, кто отвечает за их подготовку. Несмотря на это, завершение всей работы планировалось в 1942-1944 гг. В отчетном докладе ИМЛИ на заседании ОЛЯ 27 апреля 1939 г. И.К.Душпол заявил: "Я думал в свое время, и Державин мне сказал, что можно при опоре на него и других товарищей пустить эти славянские тома уже в 1940 году"⁴¹. (Однако подготовка этих томов не велась.)

Вновь, как и в 1937 г., В.М.Жирмунским была поставлена проблема подготовки аспирантов в московском и ленинградском институтах литературы, без чего, по его убеждению, "работа над славянскими томами будет сорвана"⁴².

Ученый секретарь ИМЛИ профессор М.П.Венгров считал, что "нет необходимости создавать два центра по славянским литературам". По его мнению, нужно укреплять те структуры, которые есть, соединять старые и молодые кадры, привлекать специалистов из других учреждений⁴³.

На заседании ОЛЯ 25 июня 1939 г. при обсуждении плана

Отделения на 1940 год академик И.И.Мещанинов обратил внимание на то, что в рамках подготовки ИВЛ вопрос о славянских литературах остался нерешенным. В связи с этим Н.С.Державин изъявлял готовность приступить к написанию истории славянских литератур, но настаивал на внесении его работы в план ОЛЯ с тем, чтобы она была поддержана Отделением. Однако Мещанинов объяснял, что нет смысла включать в план, который подается в СНК СССР, подготовительную работу⁴⁴.

Эта позиция получила поддержку в выступлении директора Института литературы П.И.Лебедева-Полянского, считавшего, что ни монографию об И.Вазове, ни "Историю болгарской литературы", над которой Державин собирался работать в 1940г., не следует включать в совнаркомовский план, "потому что вопрос о том, нужно ли сейчас немедленно приступать к написанию болгарской литературы, в данный исторический момент, безусловно требует обсуждения". Подчеркивая политический ракурс подхода к этому вопросу и зная обидчивость Державина, Лебедев-Полянский заявлял, что "ни в коем случае не должно создаваться такое впечатление, будто заявку Н.С.Державина у нас в Отделении кто-то игнорирует"⁴⁵.

В выступлении П.И.Лебедева-Полянского также звучала озабоченность положением с изучением вопросов славянской литературы⁴⁶, однако он как член комиссии по обследованию Института языка и мышления считал, что в этом Институте могли бы вестись и разработки литературоведческих проблем (что раньше предлагал А.М.Деборин). На это решительно возражал Державин, настаивая на том, что "история славянских литератур никакого отношения к Институту языка и мышления не имеет, все-таки история славянских литератур должна быть сосредоточена в Институте литературы"⁴⁷. Вызывает недоумение тот факт, что директор Института литературы предпочитал ^{передать} изучение славянских литератур в языковедческий институт (возможно, такая позиция зависела от объективных причин - отсутствия необходимых специалистов или субъективных - отношений с Державиным, который, по выражению самого Лебедева-Полянского, "стучался", но "не достучался" в двери Института литературы)⁴⁸.

Стремясь перевести дискуссию на практические рельсы, И.К. Луппол считал целесообразным поручить подготовку славянских томов ИВЛ ленинградскому Институту литературы, имея в виду, что Институту в исполнении этой работы мог бы помочь именно Державин, живший в Ленинграде. По мнению Луппола, к концу 1940 г. можно было бы подготовить один из славянских томов, но для этого необходимо, чтобы "Отделение дало указание Институту литературы в Ленинграде взяться сейчас за славянские тома"⁴⁹.

Но такая "силовая" постановка вопроса не могла не вызвать ответной реакции директора Института литературы. Он объяснил, что вопрос о славянских литературах обсуждался в Институте, но открыть отдел славянских литератур не было возможности из-за недостатка филологов-славистов в Ленинграде, а Президиум не дал им дополнительные штаты⁵⁰.

Раздосадованный тем, что дело не сдвигается с мертвой точки, Луппол в сердцах воскликнул: "Пожалуйста, ставьте в план нашего института подготовительную работу [по славянским томам ИВЛ. - Е.А.], я не прошу ни штатов и ничего". Он напомнил, что год назад просил руководство Академии "организовать сектор по изучению славянских литератур" в ИМЛИ, но ему тогда ответили, что этой проблематикой будут заниматься в Ленинграде⁵¹.

Тем не менее и в данном случае, после столь оживленного обмена мнениями, не было принято конкретного решения, а председательствующий на собрании И.И. Мещанинов закончил дискуссию общими фразами: "Об этом надо подумать" и "Конечно, этот вопрос надо двигать вперед"⁵². Однако никаких реальных изменений не последовало, о чем свидетельствуют отчеты московского и ленинградского институтов литературы за 1939 г., в которых ни слова нет об изучении славянских литератур⁵³. Несмотря на готовность Луппола немедленно начать работы по славянским литературам для ИВЛ в ИМЛИ, планы на 1940 и 1941 гг. не содержат соответствующих позиций⁵⁴. Не были разработаны даже предварительные проспекты по истории славянских литератур, аналогичные опубликованным в 1939 г.

"схемам-планам" по истории английской, греческой и советской литературы.

Процесс возрождения отечественного славяноведения, начавшийся в 1939 г., захватил и область литературоведения. Однако дальше постановки вопроса о необходимости развития исследований славянских литератур и создании для этого научно-организационного центра дело не пошло. Единственный конкретный проект написания истории славянских литератур для многотомной "Истории всемирной литературы" не был реализован (в те годы) из-за несогласованности в деятельности институтов Отделения литературы и языка и отсутствия твердой позиции руководства Отделения и Президиума АН. Отдельные ученые, продолжавшие индивидуальные исследования по славянским литературам, вали их не слишком интенсивно, не будучи уверенными в том, что их труды будут признаны достойными внимания и увидят свет. Политические и идеологические факторы также влияли на развитие славянской филологии в нашей стране.

3. СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР

Существовавший при ЦИК СССР Научно-исследовательский институт народов Советского Востока, затем НИИ национальностей СССР был реорганизован (1936 г.) в Институт языка и письменности народов СССР (ИЯП), который в 1938 г. перешел в ведение Академии наук. В задачи Института входили: 1) "научная разработка на основе учения марксизма-ленинизма" вопросов развития языка и письменности народов СССР; 2) перевод на языки народов страны классиков марксизма-ленинизма и классиков художественной литературы; 3) разработка алфавитов, справочников, словарей для республик; 4) разработка научных вопросов полиграфии; 5) подготовка квалифицированных научных кадров и т.д.⁵⁵ Основной среди этих задач считалась все же разработка алфавитов и орфографий в связи с переходом на русскую графику, подготовка словарей и научная разработка стенографии для языков народов Союза⁵⁶. Институт находился в Москве и имел отделение в Ленинграде. Директором Института был В.А.Петросян. Именно в Ленинград-

ское отделение входил Сектор славянских языков, которым руководил Л.В.Щерба. Среди сотрудников сектора были С.П.Обнорский, В.А.Ларин, С.Г.Бархударов и другие (всего 9 человек). Кроме штатных сотрудников привлекались специалисты, работавшие по договорам⁵⁷. Планируя свою работу на 1937 г., сектор координировал свои замыслы с производственными заданиями Кабинета славянских языков Института языка и мышления (ИЯМ) и в связи с этим сосредоточил основное внимание на составлении грамматики современного русского литературного языка и исторической грамматики русского языка. Кроме того, С.П.Обнорский разрабатывал тему "Орфоэпия современного русского литературного языка", рядом сотрудников составлялся "Библиографический указатель по русскому языку"⁵⁸.

Как видим, другие славянские языки (кроме русского) в планах сектора не были представлены. Трудно сказать, было ли это вызвано нехваткой соответствующих специалистов или иными соображениями. Хотя, надо отметить, отдельные исследования расширяли рамки плановых заданий. Так, в первом полугодии 1938 г. одно из заседаний сектора предполагалось посвятить сообщению Э.И.Коротаевой о синтаксисе польского языка. В издательский план Института на 1938 г. была включена завершенная в 1937 г. монография М.Я.Шульмана "Влияние славянских языков на еврейский", посвященная вопросам языкового взаимодействия и содержащая в качестве приложения "Словарь позаимствований в идиш (*אידיש*) из славянских языков"⁵⁹. Но так или иначе после передачи Института в ведение Академии наук было решено слить его Ленинградское отделение с ИЯМ, где и оказался сектор славянских языков⁶⁰. Таким образом ликвидировался определенный параллелизм в их деятельности.

Однако это решение оказалось, по-видимому, не совсем продуманным, потому что уже в 1939 г. при проверке деятельности Института языка и письменности комиссией Отделения литературы и языка было с сожалением отмечено, что "Институт не обратил должного внимания на изучение русского и славянских языков". Подчеркивалось, что ИЯМ должен быть в

Москве "центром научной лингвистической мысли" (И.И.Мещанинов), и "очень жаль, что вопросами славянского языка в Москве не будут заниматься" (В.М.Жирмунский). В.А.Петросян объяснил, что Институт не имеет в своем составе славяноведов для организации "центра славянских языков". По его мнению, такой славянский центр должен быть организован в Ленинградском институте, "который имеет свои традиции, свои работы, свой план и все остальное"⁶¹.

Руководствуясь материалами обследования и выводами комиссии, Отделение выступило с предложением об объединении двух институтов с тем расчетом, что ИЯП станет Московским отделением ИЯМ, а в последнем будут расширены исследования по славянским языкам⁶². Академик С.П.Обнорский приветствовал возможность подобного слияния, считая, что таким образом будет значительно легче "придать необходимый размах нашим дальнейшим работам в области русского языка и славистики, так как мы сможем использовать все силы московских лингвистов и совместными усилиями ... значительно продвинуть вперед эту работу"⁶³. Однако Президиум АН 16 мая 1939 г. отклонил проект Отделения, повторив, в свою очередь, пожелание об усилении славистических исследований в ИЯМ⁶⁴.

Поскольку ИЯП продолжал действовать как самостоятельный институт, он не мог обходиться далее без сектора славянских языков, который и был создан 1 сентября 1939 г. Общее руководство сектором было поручено Д.Н.Ушакову, его заместителем и руководителем работ по лексикографии — эл С.И.Ожегов, диалектологические исследования возглавил Р.И. Аванесов, исследования по орфоэпии — А.Б.Шапиро. Сектор занялся составлением словаря для русско-национальных словарей, начал разработку инструкции по собиранию диалектологических материалов⁶⁵. При создании сектора мыслилось, что в его планы войдет изучение не только русского, но и других славянских языков⁶⁶. "Отсутствие последних считалось временным явлением, так как сектор в дальнейшем должен был расширяться путем привлечения к его работе ряда славистов, прежде всего А.М.Селищева". Но сектор не осуществил своих намерений. В 1943 г., оглядываясь назад, тогдашний директор

датель сектора славянских языков Г.О.Винокур признал недостатком своего подразделения "отсутствие тем по славистике". По его мнению, чтобы "стимулировать изучение русского языка, надо включить в поле зрения разработку вопросов из области других славянских языков. Но славистика, — подчеркнул Винокур, — была представлена в секторе темами случайного характера"⁶⁷.

Действительно, планы ИЯП на 1940 и 1941 гг. подтвержда-ют это. В 1940 г. предусматривалась работа по теме "Общие лексические элементы в восточно-славянских языках". ОЛЯ без объяснений сняло эту тему. В центре внимания сектора оставались вопросы русской диалектологии, орфоэпии и лексикографии, и лишь отдельные исследования изредка выходили за рамки данной проблематики. Так, 2 марта 1940 г. на заседании сектора славянских языков был заслушан доклад профессора С.Б.Бернштейна "Болгарские говоры Украины". Докладчик остановился на истории болгарских поселений в России в XVIII—XIX вв., используя изученные им архивные документы, изложил историю изучения болгарских диалектов на Украине; на основе классификации болгарских говоров установил, из каких местностей шли переселенцы⁶⁸.

Отдавая дань политическим настроениям в общественной жизни тех лет, в издательский план Института на 1940 г. была включена работа М.Я.Шульмана "О буржуазно-националистическом вредительстве в украинском и белорусском языках" (15 а.л.)⁶⁹.

Сектор славянских языков ИЯП признавал необходимость "полной согласованности в работе" с Кабинетом славянских языков ИЯМ⁷⁰, однако на практике эта координация осуществлялась слабо.

Таким образом, подразделение ИЯП, специально созданное для изучения славянских языков, ограничилось лишь исследованием вопросов русского языка, причиной чему были организационные неурядицы и проблемы с кадрами.

Ситуация несколько изменилась в 1941 г. после начала войны. В ИЯП было принято решение о срочной подготовке нескольких брошюр антифашистской направленности, в частности

работы профессора П.Г.Богатырева "Борьба славян за свой родной язык и культуру против фашизма" (2,5 п.л.) и справочника профессора С.Б.Бернштейна "Славянские языки и народы" (1,5 п.л.). В исследовании Богатырева предполагалось осветить такие вопросы, как: борьба чехов, поляков, лужицких сербов против фашистского угнетения, вклад западных, южных и восточных славян в мировую культуру, фашистские расовые теории, многовековая история борьбы славян за свою культуру и национальное возрождение, идея тесного сотрудничества всех славян в борьбе с угнетателями (план книги был составлен после Всеславянского митинга в Москве 10 августа 1941 г.)⁷¹.

Справочник "Славянские языки и народы", полезность и своевременность которого трудно переоценить, по предложению Бернштейна, должен был дать основные сведения о славянстве: о численности славянских народов, территории их расселения, истории культуры, культурных центрах; вместе с тем предполагалось дать краткую характеристику славянских языков. Справочник, к сожалению, имел существенное ограничение: он должен был охватывать только зарубежных славян⁷².

Обе работы были подготовлены в срок, но сдать их в печать не удалось. Ввиду эвакуации Института в Ташкент связь с Богатыревым и Бернштейном, работавшими по договорам, прервалась и рукописи остались на руках у авторов⁷³.

Вместе с тем к основным направлениям исследований сектора славянских языков в годы войны добавились вызванные требованиями военного времени консультации по переводам со славянских языков и т.д. К юбилею Октября ^{в 1942 г.} на заседании сектора был заслушан доклад Г.О.Винокура "Славяно-русское языкознание в СССР за 25 лет"⁷⁴. Весь сектор в этот период был занят подготовкой Малого толкового словаря русского языка⁷⁵.

Развитию исследований в области других славянских языков в секторе препятствовали, как представляется, не только объективные, но и субъективные причины - сопротивление некоторых сотрудников сектора. Особенно наглядно это проявилось на заседании сектора 27 июля 1943 г. при обсуждении перспектив развития сектора. Исполнявший обязанности заве-

дущего сектором (после смерти в 1942 г. Д.Н.Ушакова) Г.О. Винокур подчеркивал необходимость расширения славистической проблематики и полагал, что разработка истории русского языка могла бы способствовать изучению других славянских языков. "Вопросы сравнительной грамматики славянских языков, - считал он, - органически врастают в общую тему работы сектора"⁷⁶. Дискуссия по этому вопросу выявила как сторонников, так и противников высказанной точки зрения. С.Г.Бархударов, А.Б.Шапиро, С.И.Ожегов считали, что основная задача сектора - изучение русского языка, а другие языки могут "занимать только положение подсобной проблемы", которую будут разрабатывать по мере необходимости отдельные сотрудники сектора⁷⁷. Н.Ф.Яковлев и Р.И.Аванесов утверждали, что "сектор принципиально должен заниматься вопросами славяноведения" без ссылок на нехватку кадров, подчеркивая вместе с тем, что в изучении русского и других славянских языков есть методологическое единство и общность материала⁷⁸. С.Б.Бернштейн же сообщал, что вопрос "о создании отдельного Института славяноведения скоро будет разрешен и славянскими языками будут заниматься там". В секторе славянских языков он предлагал сосредоточиться только на проблемах, которые не будут дублироваться Институтом славяноведения и в то же время будут органически связаны с изучением русского языка (праславянская эпоха, поздние взаимовлияния славянских и русского языков)⁷⁹.

Подводя итоги дискуссии, Г.О.Винокур заключил, что "славистические темы непременно должны стоять в плане сектора", хотя слишком широкая их постановка нереальна⁸⁰. После этого заседания в годовой план сектора были внесены дополнительно две темы: "К вопросу о польско-украинских языковых отношениях" (Г.О.Винокур) и "Вопросы чешско-немецкой топонимии" (С.С.Высотский). По первой теме была подготовлена статья, а по второй доклад, заслушанный на заседании сектора⁸¹. В перспективный план сектора славянских языков на 1944-1948 гг. была включена подготовка сборников по сравнительной фонетике славянских языков, "Библиотеки славянских грамматик" (составленных по единому плану для всех

славянских языков), а также научных биографий выдающихся языковедов-славистов (А.Х.Востокова, И.Добровского, И.И.Срезневского, Ф.Миклошича, А.А.Потебни, Ф.Ф.Фортунатова, И.А.Бодуэна де Куртене, А.И.Соболевского, И.В.Ягича, А.А.Шахматова)⁸².

Однако эти планы Институт реализовать уже не мог. В 1944 г. он прекратил свое существование. Президиум АН принял решение о создании Института русского языка на базе Института языка и письменности народов СССР и Института языка и мышления им. Н.Я.Марра.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Брачев В.С. "Дело" академика С.Ф.Платонова // Вопр. истории. 1989. № 5. С.117-129; Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Сов.славяноведение. 1989. № 1. С.77-82; Горяинов А.Н. Славяноведы - жертвы репрессий 1920-1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Сов. славяноведение. 1990. № 2. С.78-89; Горяинов А.Н. "Ленинградская правда" - коллективный организатор "великого перелома" в Академии наук // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С.107-114; Брачев В.С. Угрожение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С.120-127.
2. Аксенова Е.П. "Изгнанное из стен Академии" (Н.С.Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Сов. славяноведение. 1990. № 5. С.69-80; Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Сов. славяноведение. 1991. № 5. С.83-93.
3. Вестник АН СССР. 1931. № 10. Стлб.42-44; Борьба классов. 1934. № 2. С.115.
4. Архив Российской Академии наук (далее - АРАН). Ф.456. Оп.1. Д.20. Л.79.
5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее - ПФА РАН). Ф.827. Оп.3. Д.20. Л.44.
6. Невеллы Э. К истории славяноведения до ХУШ в. // Историк-марксист. 1941. № 2. С.81.
7. АРАН. Ф.457. Оп.1-1939. Д.3; Оп.1-1940. Д.11, 13, 23.
8. Там же. Оп.1-1941. Д.9. Л.62, 74, 88-90, 132.
9. Там же. Оп.1а-1941. Д.5.
10. Там же. Ф.456. Оп.1. Д.15. Л.25, 26.
11. Там же. Д.29-30.
12. Там же. Д.141, 142, 144.
13. Там же. Д.20. Л.28, 29.
14. Об этой записке см.: Аксенова Е.П. Из истории советской славистики... С.91-93.
15. АРАН. Ф.456. Оп.1. Д.20. Л.53а (скорее всего Лутшал имел в виду ленинградскую группу сектора славяноведения, но специалистом по славянским литературам там был только руководитель группы академик Н.С.Державин; входившие в

группу М.В. Джервис-Бродский, Л.В. Разумовская и У.А. Шустер
были историками).

16. Там же. Д. 63-64.
17. Там же. Д. 80.
18. Имеется в виду комплексный характер института.
19. АРАН. Ф. 456. Оп. I. Д. 20. Д. 80-81.
20. Там же. Д. 82-83.
21. Там же. Д. 60. Д. II7-II9.
22. Там же. Д. 59. Д. 80.
23. АРАН. Ф. 394. Оп. 6. Д. 26. Д. 23.
24. Там же. Д. 23, 24.
25. Там же. Д. 26.
26. АРАН. Ф. 397. Оп. I. Д. I. Д. I, II-13, 56-58; Вестник
АН СССР. 1938. № 9-10. С. 74.
27. Есть сведения, что еще в 1936 г. директор ИМЛИ
И.К. Луппол просил Непременного секретаря АН Н.П. Горбунова
выдать "для ознакомления положение об исследовательских
институтах, находящихся в ведении Академии наук СССР" //
АРАН. Ф. 397. Оп. I. Д. I. Д. 100.
28. Там же. Д. 89.
29. Там же. Д. 105.
30. Там же. Д. II4; Д. 7. Д. I-2. В справке о деятельнос-
ти ИМЛИ, составленной в 1948 г., Институт характеризуется
как научно-исследовательское учреждение, без упоминания о
задачах учебной работы (Там же. Д. I. Д. 123).
31. Там же. Д. I. Д. II4.
32. Там же. Д. 10, 32, 55, 89.
33. Там же. Д. 7. Д. 50.
34. Там же. Д. 15, 29, 40, 57.
35. Там же. Д. II. Д. 56; Д. 12, Д. 37.
36. Там же. Д. 12. Д. 37, IIO об. III (данных о работе
Кабинета славянских литератур в 1939-1940 гг. в фонде ИМЛИ
нет); Вестник АН СССР. 1938. № 9-10. С. 74.
37. ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 62. Д. 19.
38. Там же. Д. 23 об. - 24 об.
39. Там же. Д. 21-22.
40. Там же. Д. 31.
41. АРАН. Ф. 456. Оп. I. Д. 15. Д. 6, II, 12.
42. Там же. Д. 30.
43. Там же. Д. 37.
44. Там же. Д. 20. Д. 26-27.
45. Там же. Д. 85-86.
46. Там же. Д. 28.
47. Там же. Д. 29.
48. Там же. Д. 87.
49. Там же. Д. 53-53а.
50. Там же. Д. 87.
51. Там же. Д. 96, 97.
52. Там же.
53. Там же. Д. 34.
54. Там же. Ф. 397. Оп. I. Д. 55, 89. В это время И.К. Луп-
пол был репрессирован. В 1941 г. новый директор ИМЛИ, чл.-
корр. Н.Л. Мещеряков поставил перед Институтом иные задачи -
подготовку (наряду с научными) популярных массовых изданий;
при этом он готов был отказаться от некоторых прежде tradi-

ционных направлений (изучение византийской литературы и др.) и расстаться со многими сотрудниками, т.е. положительных перемен в отношении к разработке проблем славянских литератур не произошло (АРАН. Ф.456. Оп.1. Д.75. Л.46-47,50).

55. АРАН. Ф.677. Оп.6. Д.11. Л.2-3.
56. Там же. Д.58. Л.69.
57. Там же. Д.11. Л.3,4,17; Д.12. Л.22-22 об.
58. Там же. Д.12. Л.31-31 об.
59. Там же. Д.61. Л.121,39; Д.271.
60. Там же. Д.58. Л.87.
61. Там же. Д.145,192,214.
62. Там же. Д.146.
63. Там же. Ф.456. Оп.1. Д.15. Л.135.
64. Там же. Ф.677. Оп.6. Д.58. Л.128.
65. Там же. Д.105. Л.25,26,27.
66. Там же. Д.119. Л.1.
67. Там же. Д.180. Л.31-31 об.
68. Там же. Д.119. Л.53.
69. Там же. Д.132. Л.145.
70. Там же. Ф.456. Оп.1. Д.25. Л.53.
71. Там же. Ф.677. Оп.6. Д.153. Л.51,52,53,68.
72. Там же. Л.55.
73. Там же. Л.66.
74. Там же. Д.180. Л.5,6,8,17.
75. Там же. Д.62. Л.1.
76. Там же. Д.180. Л.31 об.
77. Там же. Л.32, 32 об.
78. Там же. Л.32 об.
79. Там же. Л.33.
80. Там же.
81. Там же. Л.40, 81 об.
82. Там же. Л.35, 35 об., 89, 90.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ
(1934-1941 гг.)

В 1934 г. в Советском Союзе после длительного перерыва возобновилось преподавание истории и были приняты меры для подготовки кадров в этой области. В данной статье невозможно рассмотреть соображения, побудившие Сталина дать команду на развертывание в Советском Союзе исторического образования, но нужно сказать, что "отец народов" сразу же стал жестко контролировать и мелочно опекать историческую науку.

25 мая 1936 г. декан истфака МГУ Г.С.Фридлянд говорил, например, на совещании деканов университета следующее: "Когда две недели тому назад собралась правительственная подкомиссия по учебникам [истории. - А.Г.], тов. Радек рассказал нам, что тов. Сталин сейчас лично обсуждает, что выбрать - Шлоссера или Лависса и Рабо для издания..."¹. Он же, Фридлянд, подчеркивал на другом совещании деканов необходимость разработки вопросов периодизации истории, поскольку "тов. Сталин ... [сказал], что если период капитализма явился новым порядком, то чем же собственно являемся мы..."².

В условиях прямого вмешательства Сталина в деятельность историков помышлять о развитии на истфаке славяноведения как направления преподавательской и исследовательской деятельности было невозможно: в 1920-1930-е годы высшие советские руководители подозрительно и даже враждебно относились к славяноведению³. В начале 1934 г. было, к тому же, организовано так называемое "дело славистов", в результате которого репрессиям подверглось большинство специалистов по славяноведению⁴.

Между тем пришедшие на истфак специалисты осознавали важность славистической подготовки студентов. Этому способствовали и давние традиции преподавания славистических дисциплин в Московском университете, и, в особенности, вполне оправдавший себя опыт существования на закрытом в

1931 г. историко-этнологическом факультете МГУ, где раньше работали многие преподаватели истфака, так называемого цикла восточных и западных славян. В отличие от дореволюционного преподавания с явно выраженным филологическим уклоном, цикл давал студентам комплексную славистическую подготовку, причем большое внимание уделялось истории славянских стран⁵.

Выход был найден во введении специализации студентов по различным "малым странам", главным образом славянским (их призвали изучать под флагом преодоления ограниченности буржуазной науки, игнорирующей якобы "национальные меньшинства Запада")⁶, и в насыщении славистической тематикой различных общих и специальных курсов. В первом учебном плане истфака, утвержденном в 1934 г.⁷, на IV курсе предусматривалось, в частности, чтение на кафедре новой истории альтернативных (по выбору студентов) курсов по следующим группам стран: а) Прибалтийские государства; б) Чехословакия, Болгария, Югославия, Румыния, Австрия; в) Польша. В 1935/36 учебном году специалисты кафедры истории СССР для студентов IV курса читали факультативный курс "История разделов Польши" и включили в программу общего двухгодичного курса отечественной истории почти треть лекций, так или иначе затрагивавших историю славянских народов⁸. Даже в курсе истории колониальных и зависимых стран преподаватели не могли обойтись без освещения вопросов национально-освободительной борьбы славянских народов Балканского полуострова и политики России в Восточном вопросе⁹. Наибольший интерес к славяноведению проявила кафедра истории средних веков. Заведующий кафедрой Е.А.Косминский не только успешно ставил и решал задачи значительного обогащения содержания лекционных курсов историей славянских стран и соседних с ними народов¹⁰, но и добился введения для студентов IV курса обязательного 40-часового курса лекций по средневековой истории славян¹¹.

Вскоре на истфаке появились первые студенты и аспиранты, интересовавшиеся славистической проблематикой. В октябре 1935 г. в многотиражке МГУ интересным было названо сообщение на одной из теоретических конференций первокурсника "Валева", т.е. известного в будущем болгариста Л.Б.Валева о

борьбе трудящихся за единый фронт в Болгарии¹². Аспирант кафедры истории СССР Л.А.Дербов (впоследствии – профессор Саратовского университета) занимался проблемами русско-польских отношений в ХУП в., аспирантка кафедры новой истории Я.А.Маркович исследовала жизнь и деятельность Розы Люксембург, другая аспирантка этой кафедры Э.Л.Гейликман разрабатывала тесно связанные с историей славян вопросы борьбы за всеобщее избирательное право в Австрии в конце XIX в.¹³

Пятилетие, предшествующее созданию кафедры истории южных и западных славян, было тяжелым в жизни истфака. По горькому признанию Г.С.Фридлянда, сделанному на одном из совещаний деканов, он был организован "на пустом месте", ибо все прежнее имущество исторических подразделений университета "разбазарили и уничтожили..."¹⁴. Но не это было главным: не прошло и двух лет после начала деятельности истфака, как началась потрясшая факультет кампания против "школы Покровского", послужившая прелюдией к массовым репрессиям. Одной из первых жертв стал декан Г.С.Фридлянд, обвиненный в "троцкизме"; за ним последовали многие заведующие кафедрами, профессора, преподаватели. На кафедре новой истории, например, за 1938 г. сменился весь профессорско-преподавательский состав за исключением одного человека¹⁵. Аспиранты в результате не в состоянии были выполнить индивидуальные планы¹⁶, падал уровень подготовки студентов. Особенно тяжелым был психологический климат в коллективе. В многотиражке университета печатались многочисленные статьи о "ротозействе", "политической беспечности" и "пособничестве вредителям" студентов истфака с анекдотическими обвинениями в их адрес. Правда, в статье с многозначительным названием "Безответственность ли?", где фигурировал студент Любомир Валеv, его не обвиняли, а хвалили, но эта похвала тоже имела характер дурного анекдота. В статье отмечалось, что Валеv вместе со студенткой Шухатовой обратил в читальне внимание на полуоткрытый ящик стола с документами Осоавнахима и таким образом пресек безответственное (если не хуже) поведение библиотекарей¹⁷.

Сложившиеся на факультете условия привели к тому, что многие включенные в учебный план 1934 г. курсы, в том числе по истории малых стран, в последующие годы не осуществлялись. Лучшее других дел обстояло на кафедре истории средних веков, где сохранились ведущие профессора и преподаватели. Курс истории славян в средние века был отменен, но постепенно славистическая проблематика стала занимать все большее место на занятиях научных кружков и семинаров, интерес к ней проявляли аспиранты кафедры.

Для развития истории славян особенно много сделали ведущий кафедрой истории средних веков Е.А.Косминский, профессор В.В.Стоклицкая-Терешкович и декан исторического факультета в 1936-1939 гг. И.Д.Удальцов, в доме которого вырела идея создания кафедры истории зарубежных славян¹⁸. Несомненным вкладом Е.А.Косминского в славяноведение было написание ряда глав по истории славянских народов для вышедшего в 1938 г. первого тома вузовского учебника по истории средних веков¹⁹. Что же касается Стоклицкой, то ей, как автору нескольких работ по польской истории, написанных еще до Октября 1917 г., было поручено написать главу "Польша в XVI в." соответствующего тома "Всемирной истории". В связи с этим Стоклицкая выступила с докладами по польской тематике на кафедре, подготовила спецкурс "Польша в XVI-XVII вв.", написала главу "Польша в XVI-XVII вв." для второго тома учебника по истории средних веков²⁰.

Другим направлением работы кафедры истории средних веков в области славяноведения было изучение истории гуситского движения. Из старшекурсников кафедры был создан факультатив, перед участниками которого Стоклицкая поставила задачу готовить сборник документов по истории гуситских войн²¹. Впоследствии студенты расширили эту задачу и, используя результаты работы в семинарах, подготовили под руководством Стоклицкой сборник статей и материалов по истории средних веков, предназначенный для школы²². В конце 1939 г. книга "Средневековье в эпохах и лицах" была завершена (она осталась в рукописи). Среди авторов оказались будущие историки-слависты Н.Д.Ратнер и И.В.Козьменко²³. По-

явились первые аспиранты, специализировавшиеся по истории гуситского движения - Б.М.Кубланова (Руколь), сделавшая в 1938 г. под руководством Стоклицкой аспирантский доклад "Ян Жижка", и Филишов, научным руководителем которого был С.Д.Сказкин²⁴. Ученица Е.А.Косминского С.Якубовская написала на кафедре курсовую работу о немецкой феодальной агрессии в Прибалтике в XIII в., в которой, по отзыву руководителя, "сумела дать резкий отпор фашистской концепции германского "натиска на Восток"²⁵.

Работа над "Всемирной историей" подтолкнула к исследованию славястических сюжетов не только Стоклицкую, но и профессора кафедры древней истории А.В.Мишулина. Он отмечал, что глава о древних славянах представляет для него особый интерес "ввиду всего значения проблемы вторжения славянских народов в Восточную римскую империю в У-VI вв." с точки зрения противопоставления новых взглядов старой прогерманской традиции в науке, отводившей в падении империи исключительную роль германцам²⁶.

Осенью 1938 г. в МГУ был приглашен В.И.Пичета. Он прочел на кафедре истории СССР спецкурс по истории Украины и Белоруссии с древнейших времен до конца 1860-х годов; в спецкурсе значительное внимание уделялось украинско-польским и белорусско-польским историческим связям²⁷.

Немалое значение для будущего славяноведения в МГУ имело то обстоятельство, что Стоклицкая-Терешкович, Пичета, другие профессора и преподаватели сумели заинтересовать историей славянских народов наиболее способных студентов. В многотиражке МГУ часто отмечались успехи будущих историков-славистов И.В.Козьменко, Н.Д.Ратнер, И.М.Тышкевич /Белявской/. "Ира Тышкевич, - говорилось, например, в одной из статей, - серьезный и вдумчивый человек... Основное качество Иры Тышкевич - скромность, она искренне считает себя самой обычной рядовой студенткой. Вопрос - как ты представляешь себе работу после вуза - застаёт Иру врасплох. - Да, - говорит она, - я хотела... работать в области новой истории, но мне трудно с языками... Впрочем... по-моему только педагогическая работа по-настоящему раскрывает возмож-

ности для научной работы"²⁸. Очень хорошо о студентке Тышкевич было написано в другой статье. "Она пришла с педагогической работы, - сообщал автор. - Сразу проявила себя очень серьезным человеком. Она умеет ставить глубокие принципиальные вопросы. У нее двое маленьких детей, но, несмотря на это, она серьезно и успешно занимается"²⁹.

Теплую статью написала о студентке И.В.Козьменко М.В.Нечкина. Характеризуя ее работу над источниками и уже опубликованные научные статьи, Нечкина писала в статье: "Ирина Козьменко быстро, "на глазах" вырастает в прекрасного, широко образованного историка, знающего и чувствующего исторический документ самостоятельного исследователя... Организованность, упорство в работе, внимание к фактору времени - вот качества, которыми обладает Ирина Козьменко"³⁰. Опубликована была и статья самой Козьменко: она рассказывала о методике своей учебной работы, участии в семинарских занятиях, изучении документального материала. "Итак, закончив второй год моей учебы на историческом факультете, - завершает Козьменко статью, - могу сказать, что я нашла здесь то, к чему стремилась, а именно: возможность приобрести знания в области любимой мною истории, работать над подлинниками, наконец, теплое и дружеское отношение ко мне со стороны моих товарищей-студентов"³¹.

II мая 1939 г. на заседании Ученого совета исторического факультета по докладу И.Д.Удальцова было решено создать кафедру истории южных и западных славян³². Спустя несколько дней группа студентов IV курса, в которую входили И.И.Удальцов, И.С.Миллер и др., выразила желание вести научную работу в области славяноведения. Были взяты обязательства подготовить статьи и аннотации для сборника по славистике, который готовил недавно созданный Сектор славяноведения Института истории АН СССР³³. Вместе с Н.Д.Ратнер Миллер и Удальцов стали первыми дипломниками кафедры. В аспирантуру в 1939 г. была принята также И.М.Белявская³⁴.

Решение о создании кафедры истории южных и западных славян было принято, как свидетельствует И.Д.Удальцов, в связи с "особо острым" политическим значением славистичес-

кой проблематики "в условиях разгрома и фашизации Чехословакии"³⁵. "Как вы знаете, - говорил он в одном из своих выступлений, - сейчас изучение на Западе, за границей истории славянства фальсифицируется, ибо изучается в фашистских организациях... Пражский университет разгромлен. И, таким образом, на нашу долю падает изучение истории, подлинной, объективной истории славянства"³⁶.

Несомненно, что разворачиванию работы новой кафедры в наибольшей степени мешало отсутствие преподавателей по ряду важнейших дисциплин. В этом смысле очень помог становлению кафедры З.Р.Неедлы, приехавший в СССР весной 1939 г. В обзоре стенной газеты истфака, опубликованном университетской многотиражкой, было дано изложение беседы сотрудника стенгазеты с Неедлы, где он представлен как "бывший председатель чехо-словацкого общества культурной связи с СССР", который "будет читать лекции в нашем университете. Профессор Неедлы предполагает ознакомить студентов с историей чешского народа, "донести то особенное, что есть в истории Чехо-Словакии, показать... в чем специфичность ее истории". Профессор работает теперь над "Историей чешского народа". "Я - историк, потому что история есть живая наука, она воспитывает человека для современности, - говорит доктор Зденек Неедлы. - Ваша страна мне близка, я не русский человек, но я советский человек"³⁷.

Неедлы, безусловно, много сделал для обеспечения преподавания истории Чехословакии, но на новой кафедре оставались другие трудности. Некоторые перечислены студентом В.Зотовым в статье, опубликованной в университетской многотиражке³⁸. Зотов отмечал, в частности, что плохо обстоит дело с литературой и наглядными пособиями, студенты не знают учебного плана и расписания консультаций, что, наконец, за их учебой нет контроля. Тем не менее кафедра, которую с момента образования возглавил В.И.Пичета, уверенно смотрела в будущее. В июне 1940 г. на государственных экзаменах по истории средних веков выдающимся был признан ответ И.С.Миллера; "четко и углубленно" осветил вопрос о становлении феодализма И.И.Удальцов³⁹. С осени на I и II

курсах учились первые студенты, досрочно выбравшие специализацию по новой кафедре – поляк Ю.Боган, словенец Ю.Густинич, А.Н.Киршевская⁴⁰, а на У курсе по кафедре специализировалось десять студентов, среди которых Знаменская и Ратнер⁴¹.

"Тема наших работ очень интересна, – писал В.Зотов. – Вот, например, т. Николаевский работает над темой "Гус в историографии славянофилов", т. Демидов – над темой "Галицийское восстание 1846 г.", т. Зотов – над темой "Национальный вопрос в Австро-Венгрии накануне первой империалистической войны 1914–1918 гг.", т. Хроменко – над темой "Герцен о восстании 1848 г.", и т.д. Почти всем товарищам приходится иметь дело с научной литературой на чешском, польском, немецком, французском и других языках"⁴².

Все же некоторые студенты, добившиеся хороших результатов в работе над славистическими проблемами, прошли подготовку на других кафедрах. Таковыми были уже упоминавшаяся И.В.Козьменко и известный впоследствии советский дипломат Л.И.Менделевич. 28 июня 1941 г. в многотиражке МГУ была напечатана статья об итогах конкурса на лучшие студенческие работы. Среди 110 представленных на конкурс трудов единоличным обладателем первой премии стал студент Менделевич, автор исследования "Болгария и мировая война 1914–1918 гг.", которое, по отзывам рецензентов, основывалось на огромном материале, было написано на высоком теоретическом уровне и соответствовало требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что, хотя организация кафедры истории южных и западных славян была непосредственно связана с политическими аспектами изучения истории славянских народов конца 1930-х годов, и форсирование ее создания привело на первом этапе деятельности к кадровым и некоторым другим трудностям, ряд предпосылок для работы кафедры уже существовал вследствие имевшихся традиций и развития славяноведения на историческом факультете в 1934–1939 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арх. МГУ. Ф.1. Оп.10. Д.384. Л.203.
2. Там же. Д.384а. Л.105 об.
3. См. об этом: Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX в.) // Сов. славяноведение. 1989. № 1. С.77-82; Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Сов. славяноведение. 1991. № 5. С.83-93.
4. Горяинов А.Н. Славяноведы - жертвы репрессий 1920-1940-х годов // Сов. славяноведение. 1990. № 2. С.78-89.
5. Об организации и деятельности цикла см.: Горяинов А.Н. Славяноведение в Московском университете (1917-1927) // Сов. славяноведение. 1989. № 4. С.51-61; Он же. Цикл южных и западных славян МГУ (1927-1930) // 50 лет исторической славистики в Московском государственном университете. М., 1989. С.13-33.
6. Об этом см.: Лукин Н.М. Каких специалистов будет готовить кафедра истории нового времени // Первый университет. 25.VI.1934; Удальцов А.Д. Историческую науку - на уровень социалистической стройки // Первый университет. 13.II.1936.
7. Арх. МГУ. Ф.1. Оп.10. Д.228. Л.86-89.
8. Там же. Д.239. Л.17-25.
9. Там же. Д.406. Л.27-33.
10. Косминский Е.А. Задачи кафедры истории средних веков // Первый университет. 28.V.1936.
11. Арх. МГУ. Ф.1. Оп.10. Д.228. Л.86-89; Д.406. Л.1-24.
12. Наша конференция // Первый университет. 10.X.1935. (Подп.: С.).
13. Арх. МГУ. Ф.1. Оп.10. Д.342. Л.1-12.
14. Там же. Д.384. Л.203.
15. Там же. Д.619. Л.12.
16. Мыцкун И. Выкорчевать последствия вредительства на Историческом факультете // Первый университет. 4.IV.1937; Из выступлений на университетском активе // Первый университет. 15.V.1937.
17. Первый университет. 28.X.1937.
18. Карасев В.Г. Полувековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ // 50 лет исторической славистики... С.3.
19. История средних веков. М., 1938-1939. Т.1-2.
20. Арх. МГУ. Ф.1. Оп.10. Д.619. Л.11; Стоклицкая-Терешкович В.В. Над чем я работаю в настоящее время // Первый университет. 1.V.1938.
21. Гольман Л. Передовая кафедра // Первый университет. 15.XI.1938.
22. Комкова Т. Группа комсорга Сечан // Первый университет. 28.II.1939.
23. См.: Первый университет. II.I.1940.
24. Арх. МГУ. Ф.1. Оп.10. Д.619. Л.21, 21 об.
25. Мин. Ценная работа // Первый университет. 1939. № 50.
26. Мишудин А.В. Актуальные проблемы марксистского исследования // Первый университет. 26.V.1938.

27. Арх. МГУ. Ф. I. Оп. IО. Д. 608. Л. 50-59.
28. Ерофеев Н. Страсть и упорство // Первый университет. 28. X. 1938.
29. Прицкер. Как мы учимся // Первый университет. 28. X. 1938.
30. Нечкина М. В. Ирина Козьменко // Первый университет. 8. III. 1941.
31. Козьменко И. В. С радостью изучаю историю // Первый университет. 27. У. 1988.
32. Карасев В. Г. Полувековой юбилей... С. 4.
33. Первый университет. 16. У. 1939.
34. Историки-слависты Московского университета: К 40-летию Кафедры истории южных и западных славян. Материалы и документы. М., 1979. С. 7, II 6.
35. Удальцов И. Д. Исторический факультет вчера, сегодня и завтра // Первый университет. 1939. № 50.
36. Арх. МГУ. Ф. I. Оп. IО. Д. 680. Л. 51-52.
37. Берлин И. Интересная и острая газета // Первый университет. 7. X. 1939.
38. Зотов В. Что мешает выполнению курсовых работ // Первый университет. I. XI. 1940.
39. Стоклицкая-Терешкович В. В. Государственные экзамены по истории средних веков // Первый университет. 27. VI. 1940.
40. Васильев П. Хорошее пополнение // Первый университет. 7. IX. 1940; Учиться, учиться и учиться // Первый университет. 3. X. 1940; Отличникам учебы - государственную стипендию // Первый университет. 12. X. 1940.
41. Зотов В. Что мешает...
42. Там же.
43. Осипов И. Премии за лучшие студенческие работы // Первый университет. 28. VI. 1941.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

(Чехословацкий славистический центр)

Предлагаемая вниманию читателя статья представляет не-сколькo расширенный и дополненный вариант доклада, прочи-танного автором 14 ноября 1990 г. на конференции в МГУ "Ис-точниковедение истории славян".

Обращение к проблемам российской эмиграции, долго за-малчивавшихся, стало возможно только в эпоху гласности и перестройки, но тогда ими всецело завладела публицистика. В постперестроечный период, когда эта тема потеряла эле-мент сенсационности и новизны, на наш взгляд, пришло вре-мя ее серьезной научной разработки.

Для истории отечественной славистики изучение россий-ской эмиграции представляет особый интерес, ибо после ок-тябрьского переворота в России представителей этой науки в подавляющем большинстве постигла тяжелая участь: они были либо репрессированны, либо потеряли место работы и вынужде-ны переквалифицироваться. Лишь единицы в академической сре-де продолжали исследования на избранном поприще¹. Возрож-дение славистики могло произойти только перед началом вой-ны по политическим мотивам и на совершенно иной методоло-гической базе. Таким образом, богатые традиции отечествен-ной славистики в лучшем случае были преданы забвению, а то и анафеме. В этих условиях именно российские эмигранты, наводнившие многие культурные центры Европы (Париж, Берлин, Прагу, Варшаву, Белград, Софию и пр.), зачастую выступали прямыми продолжателями и хранителями выдающегося наследия русской славистики.

В этом смысле Прага, еще с начала XIX в. приобретшая славу европейского центра славистики, была особенно при-тягательна для отечественных славистов-эмигрантов, и не случайно именно здесь при прямой поддержке чехословацкого правительства в межвоенный период была создана сеть инсти-туций, позволивших реализовать богатому научному потен-циалу русской славистической элиты. Достаточно сказать,

что в Праге в 20–30-е годы работали представители разных славистических специальностей: историки В.А.Францев, А.В.Флоровский, Н.В.Ястребов, филологи Р.О.Якобсон, А.Л.Бем, Е.А.Ляцкий, этнограф П.Г.Богатырев, искусствоведы Н.П.Кондаков, Н.Л.Окунев и др. Кроме того, в других культурных центрах Чехословакии работали в университете Коменского в Братиславе – филолог В.А.Погорелов, историк Е.Ю.Перфецкий, юрист О.О.Марков, этнограф П.Г.Богатырев; в университете Т.Г.Масарика в Брно – филологи С.Г.Вилинский и Р.О.Якобсон и др.

Для изучения истории русской славистической эмиграции важно определить круг источников: архивных и печатных. В данной работе речь пойдет, как следует из названия, прежде всего о печатных источниках, круг которых чрезвычайно велик, но, к сожалению, трудно доступен, так как многие книги и издания погибли в горниле II мировой войны; в наших библиотеках они представлены фрагментарно и только сейчас выходят из всякого рода спецхранов. Наиболее полная коллекция работ эмигрантов находится в Славянской библиотеке в Праге. Источники по истории русского славяноведения в Чехословакии представлены монографиями ведущих славистов, их статьями в различных сборниках, журналах и газетах, публикациями писем, воспоминаний и пр. Существуют библиографии русских зарубежных печатных изданий². Здесь пойдет речь прежде всего об изданиях, вышедших в свет на территории ЧСР.

Чтобы дать более наглядное представление о славистике русского зарубежья в ЧСР, рассмотрим кратко деятельность главных эмигрантских научных центров и их продукцию.

Президент Т.Г.Масарик и молодое чехословацкое правительство, предложив план так называемой "русской акции", в отличие от других стран, принимая эмигрантов из России, не пошли по пути их репатриации и денационализации. По справедливому замечанию чехословацких исследователей, "президент Масарик стремился к тому, чтобы в Чехословакии сосредоточился культурный потенциал эмиграции, который бы создал новую интеллигенцию для будущей демократической России"³. В свя-

зи с этой программой на материальную поддержку эмигрантов и их организаций из государственной казны были выделены довольно значительные, хотя, как выяснилось, и недостаточные, средства, которые были значительно урезаны в годы мирового экономического кризиса 30-х годов. Потому надеяться приходилось на свои собственные силы.

Русские ученые в ЧСР для обеспечения своего материального существования и поддержания высокоинтеллектуальной научной среды незамедлительно создали в Праге в 1921 г. Союз русских академических организаций и при его поддержке ряд научных центров и учреждений с целью "служить делу развития русской науки с сохранением тех отличительных условий ее роста, с которыми она исторически связана немалыми достижениями и успехами"⁴. Со временем деятельность этой организации перешагнула границы ЧСР.

Русские ученые эмигранты хорошо сознавали свою миссию за границей. "Конечно, не сладка и жизнь эмигранта, - писал историк А.А.Кизеветтер. - Приходится и нам вести свою работу среди различных лишений... Но зато мы пользуемся неоцененным преимуществом. Над нами не тяготеют духовные вериги. Наше слово свободно. Никакая принудительная ука-ка не властвует над нами. И мы имеем поэтому полную возможность чувствовать себя в мировой республике наук на равной ноге со всеми другими ее представителями. Мы можем говорить от имени подлинной русской науки, не умаленной в своем авторитете никакими окриками большевицкого держиморды. И потому наше служение русской науке, помимо удовлетворения нашей личной потребности в научном творчестве, приобретает в условиях настоящего момента характер общественной функции высокого значения. Мы стоим на страже достоинства русской культуры в то время, как большевицкие палачи из всех сил стремятся унизить и растоптать его"⁵.

16 октября 1923 г. на основе комиссии Земгора (Объединение российских земских и городских деятелей в ЧСР) по инициативе профессора юриспруденции П.И.Новгородцева был основан Русский народный университет в Праге. Первоначально его целью было оказание помощи русским студентам чехо-

словацких вузов. Университет имел 4 отделения: общественных наук, историко-философское, естественных и физических наук и отделение по изучению Чехословакии. Управление университетом осуществлял кураторий, куда входили, кроме русских профессоров и общественных деятелей (от Земгора и Союза русских академических организаций за границей соответственно И.И.Каложный и проф. В.И.Исаев), также и представители чехословацкого МИДа (проф. З.Бажант, председатель куратория), МНП (проф. М.Полак и проф. Й.Урбан), Карлова университета (проф. Б.Немец). Ректором университета был избран профессор М.М.Новиков⁶, биолог-евгеник по специальности. По состоянию на 1 июля 1929 г. в состав профессоров университета входили 44 человека, не считая 7 преподавателей курсов русского и иностранных языков. Из них проявляли интерес к славистике А.Д.Бем, И.И.Дашко, Н.О.Лосский, Е.А.Ляцкий, С.С.Маслов, Н.Л. Окунев, П.Н.Савицкий, А.Н.Фатеев, А.В.Флоровский. РСУ, потом Рус.ученая академия закрыты в 1945г.

Преподаватели университета издавали "Научные труды Русского народного университета". Всего вышло 5 томов: в 1928, 1929, 1930, 1931 и 1933 гг., в подготовке их участвовали и другие русские эмигранты. После того, как в 1934 г. университет, приспособляясь к тяжелой экономической ситуации, был преобразован в Русский свободный университет (по образцу Украинского), он стал издавать "Записки научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете". Всего до 1942 г. было издано II томов.

Упомянем о наиболее значительных работах по славистике, опубликованных в названных изданиях. Профессор А.В.Флоровский (1884-1968), славист широкого профиля, опубликовал статьи: "Почитание Вячеслава Чешского, князя чешского на Руси /т.2/; "Ян Гус в русской оценке" /т.3/, "Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX в." /т.4/. Историк А.А.Кизаветтер (1866-1933), преподававший на Русском юридическом факультете, поместил в т.3 статью "Национальное возрождение Чехии". Литературовед Е.А.Ляцкий (1868-1942), профессор русского языка и литературы Карлова университета, опубликовал статью "Ян Неруда - художник ве-

ликих достижений" /т.3/. А.Д.Бем (1886-1945), основатель пражского "Общества Ф.М.Достоевского" в т.3 поместил работу "Отокар Бжезина - выразитель чаяний чешского народа". Историк Б.А.Евреинов (1888-1933) напечатал в т.4 статью "М.А.Бакунин и австрийские власти в 1849-1951 гг. /по материалам пражского национального архива/", а в т.5 - "Последний этап славянокой деятельности Бакунина". Философ права А.Н.Фатеев (1872-1950) опубликовал в т.3 статью "Государственный опыт западной демократии и конституция Чехословацкой республики".

В 8 т. "Записок научно-исследовательского объединения при РСУ" за 1938 г. А.Д.Бем поместил статью "Русские ученые в Праге", а историк и общественный деятель Д.Н.Вергун - "Мероприятия министра Баха к подавлению карпаторусского возрождения 1849 г. с докладными записками А.И.Добрянского".

Из данного краткого перечня видно, что славистические интересы участников "Трудов" РНУ были достаточно разнообразны, но, как правило, сосредоточены в плоскости русско-чешских культурных связей. Именно это направление становится ведущим в деятельности университета: "С самого начала своего существования Русский народный университет в Праге поставил себе задачей, наряду с научно-просветительской деятельностью, культурное сближение между народом русским и чехословацким"⁷. Для этого были организованы специальные курсы русского языка. Кроме того, преподаватели университета ездили по разным провинциальным городам ЧСР и читали там культурно-просветительные лекции по истории русской литературы и культуры и чешско-русским культурным связям. Например, И.И.Лашин прочитал в Кладно лекцию "Чешская и русская музыка", Д.Н.Вергун - "Чешско-русская культурная взаимность", М.М.Новиков в Ужгороде - "Подкарпатская Русь и русская культура" и пр. Культурно-просветительные лекции профессоров РНУ пользовались у местного населения большим успехом⁸.

Одновременно с РНУ в 1923 г. в Праге начал свою работу и Русский педагогический институт им. Я.А.Коменского, гото-

вивший учителей для русских гимназий и школ в ЧСР. В нем преподавали известные русские ученые: филолог С.Г.Вилинский, историки В.А.Францев, Д.Н.Вергун (последний читал курс лекций по славистике), Е.Ф.Шмурло, юристы С.В.Завадский, И.И.Лапшин, литературовед А.Л.Бам и др. Научная работа профессоров Института реализовывалась отчасти в "Сборниках русского института в Праге". Первый из них вышел в свет в 1929 г., второй в 1931 г. Третий - "Пушкинский сборник" также в 1929 г. (все - уже после закрытия ИПИ в 1926 г.) Среди славистических работ указанных сборников следует отметить статьи В.А.Францева "Из истории славянской литературной взаимности. Коллар и русские ученые в Загребе в 1840-1841 гг. (1929) и "Пушкин и восстание 1830 и 1831 гг. Опыт исторического комментария к стихотворению "Клеветникам России" и "Бородинская годовщина" ("Пушкинский сборник", 1929). Институт просуществовал до 1938 г.

С названными научными учреждениями тесно сотрудничало и "Русское историческое общество" (далее - РИО), основанное в марте 1925 г. при Правлении "Союза русских академических организаций за границей". 7 апреля был утвержден Устав Общества и избрано его Правление. Тогда же был заслушан и первый научный доклад. Первым председателем Общества стал известный исследователь истории России Е.Ф.Шмурло (1854-1934). В 1930 г. его сменил на этом посту историк А.А.Кизеветтер (1866-1933), а после его смерти - философ Н.О.Лосский (1870-1965). Секретарем общества до 1933 г. был историк Б.А.Евреинов (1888-1933). РИО закрыто в 1945 г.

"Общество поставило себе задачей, - говорилось в его отчете за 1925-1927 гг., - разработку и освещение вопросов исторической науки, т.е. посылное изучение русского прошлого во всех видах и проявлениях его духовной жизни, не замыкаясь, впрочем, в рамках одной только народности, особенно, когда дело касается прошлых судеб славянства вообще"⁹. РИО объединило русских историков, живущих не только в Праге /51/ и других городах ЧСР /2/, но и за пределами республики /8/¹⁰. Довольно значительное количество докладов, прочитанных на заседаниях Общества, так или иначе касалось

славистических сюжетов. Например, в первый год существования общества В.А.Францев сделал доклад "О поездке И.Добровского и гр. Штернберга в Россию в 1792-1793 годах", П.Б.Струве - "Иностранные печатные произведения как источник русской истории и руссоведения", Н.Л.Окунев - "О фресковой живописи XIV в. в сербских церквях", А.В.Флоровский - "О новых исторических журналах, выходивших в России в 1922-1923 гг.". Из прочитанных в конце 20-х - начале 30-х годов докладов можно выделить доклады А.В.Флоровского "Чеходекабрист (из истории чешско-русских отношений)" и "Князь Витовт и Чехия", В.М.Ковловского - "Тадеуш Костюшко в истории и литературе", Б.А.Евреинова - "К пребыванию Крия Самарина в Праге в 1867-1868 гг.", Ю.А.Яворского - "Литературные отголоски "русско-краинского периода" в Закарпатской Руси 1919 г.", А.Л.Погодина - "Теория академика А.И.Соболевского о двойном происхождении славянских племен", Д.Н.Вергуна - "Памяти П.А.Лаврова", А.В.Соловьева - "Законодательные попытки XIV в. в Польше, Чехии и Югославии" и пр. Ряд выступлений был посвящен памяти Ф.И.Успенского и других славистов. Особый интерес представляло бы обнаружение текстов информационных докладов Г.В.Вернадского, М.А.Андреевой и А.П.Калитинского о 2-м международном съезде византинистов в Белграде (9.V.1927), А.В.Флоровского - о конференции историков Восточной Европы и славянского мира в Варшаве (2.IX.1927) и о русской исторической науке в эмиграции в 1921-1926 гг. (16.I.1928), П.Н.Савицкого о международном съезде историков в Осло (31.I.1929) и пр. II

Незначительная часть этих докладов была опубликована в изданиях РИО, а также в периодике, часть так и осталась неопубликованной. Общество выпустило в свет 3 тома своих трудов под названием "Записки Русского исторического общества" (в 1927, 1930 и 1937 гг.). Последний том почти целиком был посвящен памяти А.А.Кизеветтера и Б.А.Евреинова. В т. I из славистических работ представляет интерес статья В.А.Францева "М.П.Погодин и Ф.Палацкий. Из истории русско-чешских связей в конце XIX ст.", в т. 2 - П.А.Остроухова

"Чешский путешественник о хозяйственном положении России в конце XIX в."

В 1925 г. после смерти известного русского искусствоведа-византиниста академика Н.П.Кондакова (1844-1925) его учениками и почитателями был основан так называемый **Seminarium Kondakovianum**, преобразованный со временем в Институт им. Н.П.Кондакова. Он объединил преимущественно византинистов, учеников и коллег покойного. Деятельность этого получившего мировую известность научного объединения ознаменована многими трудами и изданиями. Еще при жизни Н.П.Кондакова в 1924 г. опубликован сборник статей "К восьмидесятилетию со дня рождения Н.П.Кондакова". В 1926 г. вышел в свет другой сборник - "**Recueil d'études dédiées à la mémoire de N.P.Kondakov**" с большой вводной статьей Г.В.Вернадского о значении научного творчества Кондакова и обширной библиографией трудов ученого. На заседаниях семинара, кроме докладов по проблемам византиноведения, заслушивались сообщения, посвященные памяти известных славистов и византинистов: П.С.Уваровой, И.И.Успенского, С.А.Желябова, В.Н.Бенешевича. С 1927 г. почти ежегодно стал выходить сборник трудов Семинария: "**Seminarium Kondakovianum**" (1927, 1928, 1929, 1931, 1932, 1933, 1935, 1936, 1937, 1938, 1940). Всего вышло II томов. С 9 т. (1937) он получил новое название "**Annales de l'Institut Kondakov**". Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н.П.Кондакова". Здесь печатались серьезные исследования, внесшие значительный вклад в мировую науку. Скоро ежегодник приобрел характер международного научного печатного органа, объединившего византинистов Европы и США. Членами Семинария стали известные русские византинисты: Н.Е.Андреев, М.А.Андреева, Г.В.Вернадский, Н.М.Беляев и др.

Русские эмигранты-слависты вступали в тесные контакты с деятелями чешской и словацкой науки и культуры. Наиболее известные из них были приглашены преподавателями в университеты ЧСР. Так в пражском Карловом университете лекции читали В.А.Францев, А.В.Флоровский, Л.В.Копецкий,

Н.П.Кондаков, Н.В.Ястребов, в Братиславском Университете Коменского – Е.Ю.Перфецкий, В.А.Погорелов, П.Г.Богатырев, О.О.Марков и др., в Брненском Университете им. Т.Г.Масарика – С.Г.Вилинский, Р.О.Якобсон, наконец, в Институте истории искусств в Праге – Е.А.Лапшин и др. Примечательно, что из всех названных ученых регулярно печатались в периодических изданиях вузов только профессора Университета Коменского: В.А.Погорелов, Е.Ю.Перфецкий и О.О.Марков¹².

В 1922 г. в Праге по образцу французского Institut d'Etudes Slaves был создан Славянский институт, фактически начавший свою деятельность в 1928 г. Первым его председателем стал всемирно известный чешский археолог-славист Л.Нидерле. В задачу Института входила координация усилий славистов, объединенных в комиссии, по изучению всех славянских языков, литератур, этнографии, фольклора, древностей, отчасти истории, а также поддержка всестороннего изучения Словакии и Подкарпатской Руси. Членами Славянского института уже в 1929 г. были избраны многие русские ученые-эмигранты: Г.В.Вернадский, В.А.Францев, М.А.Андреева, Н.М.Беляев, А.Л.Бем, А.Ф.Измюв, Е.Ф.Максимович, М.В.Шахматов и др. Все они активно печатали в периодических изданиях Института "Ročenka Slovanského Ústavu", "Carpatica", "Byzantinoslavica", "Germanoslavica" и др. свои статьи и монографии¹³.

Русские слависты публиковали свои статьи также во всех наиболее известных в ЧСР научных журналах: "Slavia", "Slovanský přehled", "Atheneum", "Slavische Rundschau", "Slavische Revue", "Český časopis historický", "Česká revue", "Slovo a slovesnost", "Acta Cyrilo-Methodiana", "Národopisný věstník československý", "Český lid", "Bratislava", "Průdy" и др.¹⁴

Широко представлены были славистические скжеты и в ряде эмигрантских изданий, выходивших на территории ЧСР: "Центральная Европа", "Карпатский свет", "Просвита" (Ужгород) и др.¹⁵

О тесном сотрудничестве с чешскими, словацкими, русинскими учеными свидетельствуют также публикации статей

русских эмигрантов-славистов в многочисленных сборниках в честь чехословацких ученых и общественных деятелей, в память важных событий в истории славян. Так, в сборнике "Slovanský sborník F. Pastrkové" (Прага, 1923) В.А.Францев поместил статью "Славянские девы" кн. А.И.Одоевского. Славянофильская идея декабристов". В 1927 г. в Праге вышел сборник "Rusko v boji za osvobození balkánských Slovánů" со статьями Б.А.Эврейнова "Русская администрация в освобожденной Болгарии" и Е.Ф.Максимовича "Дипломатия России в борьбе за освобождение балканских славян". В книге "Заграничные русские Чехословакии" ("Zahraníční Rusové Československu", Praha, 1928). А.В.Флоровский выступил со статьей "Россия и Чехия в истории своих связей", Д.Н.Вергун - "Встречи профессора Т.Г.Масарика с русскими неославистами". В том же году вышел в свет сборник "Z dějin východní Evropy a Slovanstva. Sborník J. Bidlovi", где опубликовали свои статьи: А.В.Флоровский - "Чех-декабрист А. Враницкий", В.А.Францев - "Начало научной деятельности В.А.Мацевского", А.А.Кизеветтер - "Славянский вопрос у декабристов". В "Карпато-русском сборнике" (Ужгород, 1930) напечатаны статьи В.А.Францева "Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси", А.В.Флоровского "Карпаторос И.А.Зейкан - наставник Петра II-го" и др. В сборник "Slovanská vzájemnost" (Praha, 1938) вошла статья В.А.Францева "Отклики на трактат Коллара о славянской взаимности в русской литературе 30-40-х годов". Книга "Dějiny lidstva od pravěku k dnešku" (Praha, 1939), изданная уже в условиях протектората, содержала статью А.В.Флоровского "Россия, Польша и восточный вопрос во второй половине XVIII в.", а в коллективной монографии "Co daly naše země Evropě a lidstvu" русские ученые А.В.Флоровский и Р.О.Якобсон вместе со своими чехословацкими коллегами в условиях оккупации отстаивали честь чешской науки и культуры перед лицом фашистской агрессии. (Чешские названия статей в указанных сборниках даны в переводе на русский язык.)¹⁶

В заключение нельзя не отметить активное участие русских ученых-славистов в многочисленных съездах славянских

ученых разных специальностей, которые проходили в Праге и других городах Европы. Естественно, что их доклады были опубликованы в изданиях этих съездов и конференций. Так, по случаю съезда славянских географов и этнографов, проходившего в Праге в июне 1924 г., был издан "**Sborník sjezdu slovanských geografů a etnografů**" (1926), где опубликован доклад П.Г.Богатирева "Этнографические поездки по Подкарпатской Руси. Опыт статистического исследования". В октябре 1928 г. в Праге состоялся Международный конгресс библиографов и друзей книги, на котором с докладом "Задачи славянской библиографии" выступил А.Л.Бем, (опубликован в сборнике: "**Congres International des bibliothécaires et des amis du livre. 2". Praha, 1928**). В октябре 1929 г. в Праге был проведен Первый съезд славянских филологов. В работе съезда принимали участие из русских эмигрантов Н.С.Трубецкой, Е.А.Ляцкий, П.Н.Савицкий, В.А.Погорелов, А.В.Флоровский, Ю.А.Яворский, М.В.Шахматов и др.

Материалы съезда были опубликованы в сборниках: "**Josef Dobrovský (1753-1829). (Praha, 1929)**", "**Dobrovský a Brno (Brno, 1929)**" и "**Sborník prací 1. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Sv. II. Přednášky. (Praha, 1932)**"¹⁷.

Союз русских академических организаций за границей и пражская академическая группа выступили инициаторами ряда съездов русских ученых, проведенных в Праге в 1921, 1922 и 1924 гг., в Белграде в 1927 г., в Софии в 1930 г. Труды двух последних были опубликованы¹⁸.

В целях объединения историков-славистов была создана "Федерация исторических обществ Восточной Европы", первый съезд которой состоялся в 1927 г. в Варшаве. В деятельности Федерации активное участие принимал А.В.Флоровский. Второй съезд Федерации состоялся в Праге в 1932 г., последний - в 1943 г. в Нью-Йорке. Материалы ряда конференций Федерации опубликованы¹⁹.

Нельзя не упомянуть также о том, что результаты работы российской славянистической эмиграции нашли отражение в многочисленных книгах, брошюрах, монографиях, опубликованных в ЧСР и других странах Европы²¹.

Названные выше печатные источники дают достаточно целостное представление об интенсивной работе изгнанных из России славистов в чехословацкой эмиграции в межвоенный период. Можно сказать, что они отстаивали честь русской славистики перед лицом мирового ученого сообщества, потому что на родине эта наука переживала тяжелые времена. В то же время нельзя не отметить, что славу международного центра славистики Прага в это время приобрела во многом благодаря работе российских эмигрантов. Объем опубликованной в ЧСР печатной славистической продукции свидетельствует о ее значительных успехах. Не хотелось бы, однако, идеализировать это положение. Архивные источники, прежде всего переписка, дают представление о научной деятельности и жизни русских эмигрантов, тяжело переживавших разлуку с родиной, испытывавших материальные тяготы и постоянную боязнь лишиться места работы. Кроме того, отсутствие в ЧСР необходимой научной литературы, лишение эмигрантов своих подручных библиотек и накопленных за долгие годы научной работы архивных материалов серьезно затрудняли их изыскания, что выразилось прежде всего в значительном, по сравнению с Россией, сужении исследуемой ими проблематики. Русские ученые были вынуждены заниматься здесь почти исключительно сюжетами по богемистике, словакистике и карпатистике, по истории русско-чешских научных и культурных связей, истории общественной мысли XIX в., обеспеченных архивными материалами и необходимой литературой. Значительно меньше работ было посвящено традиционной для российской славистики проблематике славянских древностей и средневековья, изучению церковно-славянских рукописей, проблемам полонистики, болгаристики, сорабистики и пр.

Тем не менее серьезный анализ всего богатства печатной продукции русских славистов-эмигрантов и сохранившихся архивных материалов, особенно в сопоставлении с развитием славистики в СССР того времени, несомненно покажет всю громаду потерь отечественной науки, связанных с вынужденной эмиграцией по милости преступного режима, устано-

ившегося на родине. Наш долг вдумчиво изучать труды наших соотечественников, постепенно вводя их в современный научный оборот, отдавая должное их научным заслугам²².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее см.: Горюхинов А.Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов: Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Сов. славяноведение. 1990. № 2; Аксенова Е.П. "Изгнанное из стен Академии" (Н.С.Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Сов. славяноведение. 1990. № 5.
2. См., например: Русская зарубежная книга. Прага, 1924; Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом 1920–1930. Вып. I. Белград, 1931; Floreovskij A.V. La littérature historique russe (émigration) // Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1930; Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920–1980. Сводный указатель статей. Париж, 1988. XII. 664 с.
3. Emigrace ze SSSR v meziválečném Československu. Přínos vědy a kultury. Katalog výstavy s fondě slovanské knihovny. Praha, 1991. S. 15.
4. Кизеветтер А.А. Работа русских ученых за рубежом // Сегодня. Рига. № 28. 15.X.1930. С.2.
5. Там же.
6. Bazant Z. O významu a činnosti Ruské lidové university v Praze. Общий обзор деятельности за 1928–1929 гг. // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1929. Т.2. С.409–410.
7. Там же. Т.3. 1930. С.1.
8. Там же. Т.4. 1931. С.1.
9. Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге за время со дня его возникновения по 7 апреля 1927 г. // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Т.1. С.5.
10. Там же. С.7.
11. Там же. Т.2. 1930. С.187–192.
12. Библиографические сведения см. в кн.: Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od roku 1760. Praha, 1972. S. 302, 375–376, 387.
13. См., например: Отчет Е.А.Евреинова о научной поездке в южную Чехию в целях работы в частных архивах кн.Шварнберга и гр.Чернина в Тршебове, Чешском Крумлове, Индржховом Градце // *Rosenka Slovan. Ústavy*. 1931. Лворский Е.А. Из карпаторусской книжной старины // *Carpatica*. 1936; Андреева М.А. К истории византийско-славянских гадательных книг // *Byzantinoslavica*. 1933–1934. Praha, 1935; Торговый договор Византии и Дубровника 1451 г. и история его подготовки // Там же. 1936; Что такое восточная Европа и какое ее значение? // Там же. 1937–1938.
14. Назовем некоторые статьи: Францев В.А. О некоторых русских эпиграммах у чехов и поляков // *Slavia*. 1936–1937; Якобсон Р.О., Богатырев П.Г. Славянская филология в

России за годы войны и революции // *Slavia*. 1922; Бем А.Л. Русская литература и язык на Съезде русских ученых в Праге // *Slavia*. 1925; Ляцкий Е.А. О переводах вообще и русском переводе стихов Я.Врхлицкого в частности // *Slavia*. 1931; Погорелов В.А. Формы греческих слов в кирилло-мефодиевском переводе Евангелия // *Slavia*. 1928-1929 и др.

В журнале "*Slovenský prehled*" публиковались А.Л.Бем, П.Г.Богатырев, Н.Л.Максимович и др., в "*Slavische Revue*" А.Л.Бем, К.К.Висковатый, А.В.Флоровский, Р.О.Якобсон и др.; в этнографических журналах: "*Český lid*", "*Narodopisný vestník ceskoslovenský*" П.Г.Богатырев, О.О.Марков, В.А.Францев, Р.О.Якобсон; в известном филологическом журнале "*Slovo a slovesnost*" П.Г.Богатырев, А.В.Флоровский, Р.О.Якобсон; в историческом журнале "*Český časopis historický*" публиковались А.А.Кизеветтер, И.И.Лаппо, Т.В.Вернадский, А.В.Флоровский. В популярном издании "*Česka revue*", помещали свои статьи А.Л.Петров (*K otazce slovensko-ruské etnografické hranice*. 1923) и В.А.Францев (*Slovanofilství*. I.S.Aksakova. 1924) и т.д. В журналах "*Bratislava*" и "*Průdu*" регулярно появлялись статьи Е.Ю.Перфецкого, О.О.Маркова.

15. В журнале "Центральная Европа" М.А.Андреева напечатала статью "Дубровник и его архитектурные памятники" (1932), А.Л.Бем - "Масарик - критик Достоевского" (1932) и "Н.В.Станкевич в Праге. К теме "Западники в славянских землях" (1935), П.Г.Богатырев - "Островский в Чехии" (1927), "Задачи этнографа в Подкарпатской Руси" (1931), "Русский путешественник - ученый в Чехии, Моравии и Словакии, сто лет тому назад" (1938), В.А.Евреинев - "Бакунин и Христо Ботев" (1931), Р.О.Якобсон - "Памяти Вячеслава Вячеславовича Ганки" (1931), "О русском переводчике поэмы Гавличка "Крещение св.Владимира" (1931) и пр. В украинofilьски ориентированном, выходящем в Ужгороде журнале "Просвита" (редактор А.Волошин) регулярно помещали свои статьи Е.Ю.Перфецкий, Ю.А.Яворский и В.В.Саханев, посвящая их изучению Подкарпатской Руси. В "русофильском" ужгородском журнале "Карпатский свет" (1928-1933), выходящем под редакцией Е.Сабова, печатались Е.Ю.Перфецкий, Ю.А.Яворский, В.А.Погорелов, А.В.Флоровский, В.С.Вилинский, В.А.Францев и др.

16. Названия в оригинале см. в кн.: "*Československé práce...*"

17. Содержание сборников указано в библиографии: 1. *Sjezd slovenských filologů v Praze 1929*. Praha, 1968.

18. Труды У съезда русских академических организаций за границей в Софии 14-21 сентября 1930г. София, 1931.

19. *Conférence des historiens des États de l'Europe Orientale et du Mond Slave (Varsovie, le 26-29 juin 1927)*
1. *Travaux de préparation, résumés des communications*; II. *Compte rendu et communications*. Warszawa, 1927/1928. Подробнее см.: *Československá slavistika v letech 1918-1939*. Praha, 1977. S. 130-133.

20. Там же. С.133-136.

21. Назовем наиболее примечательные монографические работы русских эмигрантов в ЧСР: Вергун Д.Н. Введение в

славяноведение. Прага, 1927; *Slovenské eroreje*. Praha, 1928; Бернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927; Вилинский С.Г. Петко Крий Тодоров. Брно, 1933; Вилинский В.С. Корни единства русской культуры. Ужгород, 1928; *K slovenské otázce. Tri koncepcie slovenské vzájemnosti*. Praha, 1930; Вискватый К.К. *Podłoży historii polskiej w epoce Jugosłowiańskiej. Proba historycznego badania epiky ludowej*. Praha, 1933; Максимович Е.Ф. Международное положение во время начала русско-турецкой войны 1877-1878. Praha, 1927; Марков О.О. *K dějinám obyčejového práva na Podkarpatské Rusi*. Bratislava, 1932; Перфенский Е.Е. *Socialne-hospodarské pomery Podkarpatské Rusi ve století XIII.-IV*. Bratislava, 1924; Петров А.Л. Задачи карпаторусской историографии. Прага, 1930; Духовно-полемиические сочинения перся Михайла Огосиговского Андреллы против католичества и унии. Прага, 1932; Погорелов В.А. О народности апостолов Славянства. Братислава, 1927; Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений в X-XVII вв. Прага, 1935. Т.1; *Jan Hus v ruském pojetí. Stranka z dějin české-ruských styků*. Praha, 1935; Францев В.А. Польский славянофил Роман Змоийский. 1822-1867. К истории польского славяноведения. Прага, 1919; *Cesta J. Dobrovského i hr. J. Sternberka do Ruska v l. 1792-1793*. Praha, 1923; Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924; К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924; *Korespondence P. J. Šafaríka. V zájemné dopisy P. J. Šafaríka a ruskými učenými (1825-1861)*. Praha, 1927, 1928, т. 1-2; Десять лет свободной жизни чешскословенского народа. Ужгород, 1928; *Ruské vojska v Cechách 1735-1935*. Praha, 1935; Последнее учение путешествие графа Яна Потопцкого. 1805-1806. Прага, 1938; и др.

22. Подробнее см.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. Книга вышла в свет после того, как данная работа была завершена.

Д.И.ДОРОШЕНКО В ПРАГЕ В 20-е ГОДЫ

(Страница из жизни украинской эмиграции)

В октябре 1990 г. мне посчастливилось обнаружить в Отделе рукописей Центральной научной библиотеки Украинской АН удивительный человеческий документ – письма известного украинского историка–слависта Дмитрия Ивановича Дорошенко (1882–1951) Марии Николаевне Гринченко (1863–1928), украинской писательнице и педагогу. Она была вдовой учителя и большого друга Дорошенко, известного писателя, фольклориста, филолога, педагога, общественного деятеля Украины – Бориса Дмитриевича Гринченко (1863–1910). Письма (всего их сохранилось 10)¹ относятся к периоду от 24.У.1923 до 23.П.1926 г., написаны в основном в Праге и посылались в Киев. Текст писем на украинском языке. Они полны щемящей тоски по родине и в то же время подробно информируют о жизни украинской творческой интеллигенции в Праге и других местах, что и будет предметом данной статьи.

Но прежде всего – несколько слов о личности самого Д.И.Дорошенко. Он родился 26 марта 1882 г. в Вильно (Вильнюс). Учился в Варшавском, Петербургском и Киевском университетах, после окончания последнего в 1909 г. преподавал в гимназиях Киева и Екатеринослава (1910–1914). В период революции он активно включился в политическую деятельность, став товарищем председателя президиума Центральной Рады, возглавляемой М.С.Грушевским (1917–1918). В 1918–1919 гг. мы видим его уже в должности доцента истории Украины в Каменец-Подольском университете. Отсюда он, как и многие его коллеги, не приняв Советской власти на Украине, отбыл в эмиграцию. В 1921 г. он становится профессором истории Украины в Украинском свободном университете в Праге, кроме того с 1926 по 1936 г. работает сначала доцентом, потом профессором Философского факультета Карлова университета. В 1926–1931 гг. сверх того исполнял обязанности директора Украинского научного института в Берлине. В 1936–1939 гг. он преподавал в Варшавском университете, в 1939–1945 гг. снова работал в Праге. С при-

ходом Советской Армии эмигрировал далее на Запад. Преподавал в Мюнхене (ФРГ) и центре украинской эмиграции Виннипеге (Канада). Умер 19 марта 1951 г. в Мюнхене².

Перу Дорошенко принадлежат многочисленные работы по истории и истории литературы Украины с древнейших времен до современности. Все труды по истории культуры, церкви, литературы, политических связей Украины с Западной Европой богато фундированы источниками. Большую научную ценность представляют его историко-биографические заметки по истории Украины³. В поле научных интересов Дорошенко постоянно были разные аспекты истории славян. Из работ последнего направления хотелось бы отметить: "Славянский мир в его прошлом и настоящем" тт. I-III (Берлин, 1922), "Ватрослав Ягич об украинском языке" (Киев, 1927), "Названия "Русь", "Россия", "Украина" в их историческом и современном значении" (Берлин, 1931), "Профессор Антонович, "панславизм" и австрийская полиция" (Прага, 1933), "Что такое восточноевропейская история? О разграничении украинской и русской истории" (Берлин, 1934), "Деятельность Ф. Палацко-го и украинское дело" (Прага, 1934), "Украина и Рейх. 9 веков немецко-украинских связей в зеркале немецкой науки и литературы" (Лейпциг, 1941), "Польско-украинская война 1671 года. Из истории гетманства Петра Дорошенко" (Прага, 1942) и др.⁴

Дорошенко был последовательным противником большевизма, что отчетливо проявилось в его мемуарах "Мои спомини про недавне минуле 1914-1918", тт. I-IV (Львів, 1923-1924) и в написанной отчасти на основе личных воспоминаний двухтомной работе "Исторія України 1917-1923 років" (т. I. Доба Центральної Ради, т. П. Українська гетьманська держава 1918 року. Ужгород, 1930-1932). Таким образом, в эмиграцию он уехал сознательно, поняв всю несовместимость своего мировоззрения, судя по всему умеренного либерала и украинского патриота, с идеями большевистской революции. Поэтому, несмотря на безмерную тоску по родине, возвращаться на "радянську" Украину не желал. В эмиграции Д. И. Дорошенко в отличие от своего тезки, львовского профессора В. В. До-

рошенко, активного участия в политической жизни не принимал, целиком уйдя в научную работу. Однако сотрудничество с немецкими учеными и научными учреждениями Германии в 20-30-е годы, наряду с антисоветизмом, послужили, видимо, главными мотивами его дальнейшей эмиграции в 1945 г. на Запад.

В письмах М.Н.Гринченко, не потерявшей связей с академическими кругами Киева, но жившей в духовном одиночестве, "хотя и среди людей... но, так сказать, сама по себе"⁵, Д.Дорошенко доверительно раскрывал все обстоятельства своей нелегкой жизни в эмиграции. В бытовом отношении - это постоянная забота о заработке, озабоченность тем "как бы прожить сегодняшний день, ибо о завтрашнем не хочется и думать"⁶, под домокловым мечом лишения работы⁷ и воегдашние поиски удобной и дешевой квартиры. Первоначально Д.Дорошенко с женой поселился в деревне Добриховице у лесничего Либла под Прагой, жил в других местах, в пригороде чеш. столицы, затем, не выдержав борьбы с бытовыми неудобствами, мук с транспортом и отрыва от библиотек, переехал в пансион на окраине Праги (район Бубенеч, ул.Брафова, д.601, кв.387), где жили и другие украинские эмигранты. Переехал, хотя любил природу, ценя ее красоту и осознавал всю тяжесть жизни в "душной, прокуренной дымом и порохом Праге"⁸.

Но для морального самосознания эмигранта, может быть, бытовые и материальные лишения не играли первенствующей роли: "Материальной нужды мы пока не терпим, - писал он Гринченко. - Но моральное состояние тяжелое, и, признаваясь, все время чувствую себя угнетенным тем, что живу на чужой кошке, с чужой жалости. Горек хлеб подавания"⁹. Поэтому ученый пытался реализовать себя как личность, оправдать свое вынужденное изгнание напряженной и интенсивной научной работой: "Душой я всегда с Вами... Уже восьмой год я на чужбине и вся Украина начинает мне снится... Мне кажется, что я родного края никогда больше не увижу... только хочется, сколько смогу, сделать побольше, чтобы мое пребывание тут на чужбине оставило какой-нибудь след для род-

ного края, чтобы, коли тут пропаду, было чем меня помянуть. Пишу сколько есть духу, сил и мочи...¹⁰.

И надо отдать должное мужеству и целеустремленности Д.И.Дорошенко, который сумел выйти победителем в борьбе с трудными обстоятельствами и достойно реализовать свой богатый научный потенциал во всех сферах научной и культурной жизни, используя те выгоды духовной свободы, которые предоставляли эмигрантам ЧСР и другие страны Центральной и Юго-Восточной Европы по сравнению с СССР.

Историограф украинской эмиграции С.Наряжный по этому поводу справедливо писал: "Нам никто не навязывал своих концепций и не принуждал нас работать на заведомо ошибочных основаниях. Мы были вольны в выборе тем и методов, имели возможность объявлять себя сторонниками тех философских теорий, которые казались нам правильными, стоять на тех позициях, которые отвечают на критику аргументами, а не обосновываются административными приказами". Но за академическую свободу эмигрантам приходилось расплачиваться постоянными финансовыми затруднениями: "...мы не распоряжаемся тут и минимально необходимыми материальными ресурсами, нужными для нашей работы"¹¹.

Новое самостоятельное государство на карте Европы - Чехословакия, - основанное в ноябре 1918 г., сразу же стало одним из крупных центров эмиграции из бывшей Российской империи после октябрьского переворота 1917 г.: русской, украинской, белорусской, а также грузинской, армянской и пр. Президент ЧСР Т.Г.Масарик и чехословацкое правительство, провозгласив защиту идеалов свободы и демократии, выделили на "акцию помощи" эмигрантам из России довольно значительные (но как оказалось впоследствии далеко недостаточные) финансовые средства. Свою долю помощи получали и представители украинской интеллигенции, волею судеб оказавшейся в Праге и других городах ЧСР¹².

В частности, при поддержке чехословацкого правительства в Праге в 1921 г. был открыт Украинский свободный (т.е. не государственный. - М.Д.) университет. Он был основан в Вене Союзом украинских журналистов и писателей в январе

1921 г. на общественных началах. Ректором его был избран М.С.Грушевский. Вскоре в среде профессуры университета возникли разногласия о его профиле. М.С.Грушевский ратовал за курсы необязательных лекций, не требовавших ни наличия квалифицированного профессорского состава, ни гимназического ценза для слушателей. Большинство преподавателей поддержало профессора А.Колессу, который предлагал в качестве образца организации украинского университета взять Карлов университет. На первых порах Украинский свободный университет (далее - УСУ) имел 90 слушателей на двух факультетах: философском (65) и юридическом (25). Лекции читали 12 профессоров и 3 доцента¹³. Поскольку центр студенческой эмиграции вскоре переместился в Прагу, руководство УСУ после семестра работы начало переговоры с МЦДом ЧСР о переводе университета в Прагу. Переговоры закончились успешно, и уже 23 октября 1921 г. состоялось торжественное открытие УСУ в Праге. Ему были выделены некоторые помещения Карлова университета. Ректором УСУ был избран А.Колесса. (М.С.Грушевский временно остался в Вене и возглавил там Социологический институт). В 1921/22 учебном году в составе УСУ было 16 профессоров, 4 доцента и 1 лектор. В их числе был и Д.И.Дорошенко.

О статусе УСУ Д.Дорошенко сообщал следующее: "Тут в Праге действует не Украинский филиал Чешского университета, а вполне самостоятельный Украинский университет. Он организован на основе статута Чешского университета и пользуется его аудиториями и библиотекой. Наш университет состоит из двух факультетов: философского (с отделениями историко-филологическим и естественнонаучным) и юридического ("права и общественных наук"), имеет свыше 30 профессоров и доцентов, в нем записано около 500 студентов. Большая часть студентов одновременно записана и в чешские высшие школы. Наш университет имеет право присваивать степень доктора по западноевропейскому образцу. Уже с десяток молодых людей сладо у нас докторат, между ними: Левко Чикаленко, Ник.Зелизняк, Клунный и др."¹⁴

В письме от 24 мая 1923 г. Д.Дорошенко назвал остав профессоров УСУ: "Там из наших людей (надднiпрян. — М.Д.) читают: Д.В.Антонович, А.И.Лотоцкий, А.Ф.Оларченко, В.А.Биднов, Ф.П.Швец, П.Е.Андриевский, В.М.Шербаковский, А.Я.Шульгин, Р.М.Лященко, К.Ц.Лоский, О.О.Эйхельман, Ф.А.Шербина, а из галичан: Лозинский, Колесса, Днистрiянский, Смаль-Стоцкий, Рудницкий, Горбачевский и др."¹⁵

Преподавательская нагрузка самого Дорошенко в УСУ (он читал лекции по истории Украины) была "5 часов в неделю о семинаром"¹⁶. В 1922/23 учебном году и 1933-1936 гг. он избирался деканом историко-филологического факультета УСУ.

За первые десять лет своего существования УСУ выпустил 12 монографий объемом в 125 печатных листов и 11 печатных изданий и сборников объемом 185 печатных листов. Во многих из них активно участвовал Д.Дорошенко, о чем будет сказано далее. В эти годы в УСУ обучалось 7702 слушателя¹⁷.

Преподавание в УСУ было сопряжено с рядом трудностей как научного, так и финансового порядка, о чем подробно сообщал в своих письмах Дорошенко. Прежде всего остро ощущалось отсутствие необходимой литературы: "Хотя чешское правительство сделало все возможное, чтобы облегчить украинцам ведение научной работы, но работать очень тяжело, главным образом, украинистам: в здешних библиотеках очень мало необходимых книг, и если есть один какой-нибудь экземпляр, то его рвут на части. Я уже не говорю про то, что никто не имеет, как у себя на родине, своей подручной библиотеки, и за каждой мелочью, за каждой справкой, приходится обращаться в общие библиотеки. Правда, украинские высшие школы обзавелись и собственными библиотеками, но набор книг очень случайный. Достаточно сказать, что на всю Прагу нет полного комплекса "Киевской старины". Есть только за 1889-1894 годы в Национальной библиотеке, есть за 1900 год в Университетской библиотеке. Купили во Львове за 1882, 1904, 1905 годы... Что говорить про другие издания! Есть тут более или менее в комплекте лишь галицкие издания. При таких условиях писать научные работы... читать строго научные курсы в Университете требует очень большой работы.

Приходится нелегально выписывать наиболее необходимые книги из Львова: там кто-то из знакомых выписывает на свое имя книгу из библиотеки Научного общества им. Шевченко и почтой высылает ее заказчику, "нелегально", ибо библиотека Научного общества им. Шевченко официально книг за границу не высылает, ибо немало книг, высланных таким образом пропало"¹⁷. Требовательный к качеству своего научного труда Д.Дорошенко, может быть, преувеличенно жаловался, что его лекции в таких условиях работы "поневоле носят поверхностный, популярный характер, с такими лекциями, например, в Киеве, - писал он М.Н.Гринченко, - я бы выступать постыдился"¹⁸.

К тому же финансовое положение УСУ год от года ухудшалось. Д.Дорошенко писал: "Не так крепко обстоит дело с Украинским университетом: он не имеет нового приема (речь идет о 1924 г. - М.Д.), не имеет собственных студентов (ибо все его студенты должны быть записаны и в чешский университет), к тому же число слушателей у нас с каждым годом все меньше, хотя профессиональный коллектив понемногу комплектуется и, например, наш юридический факультет имеет замещенными все кафедры"¹⁹. Нестабильное финансовое положение УСУ отражалось и на жалованьи профессоров. "Я набрал много лекций, 12 часов в неделю в университете и пединституте. Нам уменьшили плату, возмещаю числом часов", - читаем в письме Д.Дорошенко от 1 ноября 1924 г.²⁰

Субъективное ощущение тревоги и неуверенности Дорошенко в будущем УСУ вполне подтверждается объективными данными о его финансовом положении. По сведениям С.Наризного в 1921/22 учебном году субсидии МИД ЧСР на содержание УСУ сократились с 100 тыс. крон до 65 тыс. крон в месяц, в 1924/25 - до 60 тыс. крон, в 1927 г. до 45 тыс. крон. Превидентские субсидии составляли в 1927 г. - 12 тыс. крон, в 1930 г. 10 тыс. крон, позднее 10 тыс. крон в месяц. В 1928 г. УСУ из ведения МИД ЧСР перешел в ведение МП, которое уменьшило его бюджет до 500 тыс. крон в год. Для спасения УСУ попытались создать Общество друзей УСУ, которое оказывало поддержку университету в течение нескольких лет²¹.

Поддерживал УСУ и президент республики Э.Бенеш. "Из материалов совещания министров, состоявшегося 18 декабря 1936 г. следует, что из фонда президента республики была выделена субсидия в размере 90 тысяч крон ежегодно"²². Таким образом, УСУ, вопреки пессимистическим прогнозам Д.Дорошенко, просуществовал в Праге до 40-х годов.

УСУ провел существенную работу по воспитанию и образованию кадров украинской интеллигенции за границей. Только в первые 10 лет его существования в нем обучалось 7 702 студента (причем не только украинской национальности)²³. Принимая во внимание, что в 1920 г. был закрыт Киевский университет, а затем и другие университеты на территории советской Украины, а "Львов не пускает украинскую молодежь в университет", вынуждая украинских профессоров и студентов уйти в подполье²⁴, сам факт существования Украинского свободного университета в Праге воспринимался как возможность дальнейшего развития украинской науки и культуры. В меморандуме 1923 г. недаром говорилось: "УСУ поднимает теперь знамя культуры украинского народа за границей..." и как "единственный университет в мире... служит родному народу и краю, организуя научную работу, чтобы дать нашим профессорам и доцентам возможность и за границей продолжать свои специальные исследования, готовить и поддерживать научные силы"²⁵.

Другим местом работы Д.Дорошенко был Украинский высший педагогический институт им. М.Драгоманова (далее УНИ), основанный Украинским общественным (громадским) комитетом в Праге 7 июля 1923 г. Первым директором его стал профессор истории украинской литературы Л.Т.Билецкий, преподававший ранее в Каменец-Подольске и во Львове (в нелегальном украинском университете). Его сменил в 1926-1930 гг. В.Симович. Первоначально УНИ имел 2-х годичный курс обучения, затем 3-х годичный, а в 1925/26 учебном году - 4-х годичный. Сначала в нем было 3 отделения: литературно-историческое, естественно-географическое и физико-математическое, затем два последних были объединены, а в 1924 г. открылось новое музыкально-педагогическое отделение.

При основании Института в нем было 23 кафедры, на которых преподавалось 118 предметов, и 7 языковых лекторатов.

В Уставе Института было сказано, что он предназначен "готовить учителей для украинских сельских школ и организаторов школьного дела и народного просвещения"²⁶.

Среди профессоров Института были известные украинские ученые, представлявшие различные отрасли науки: философию – Д.Чижевский, право – С.Шелухин, историю – М.Терлецкий, И.Шульгин, С.Нарижний, Л.Чикаленко, археологию – В.Шербаковский, историю литературы – М.Славинский, Л.Билецкий, историю укр. языка В.Симович и т.д. Г.Омельченко преподавал историю славянских литератур, Ф.Слюсаренко – историю славян.

Д.Дорошенко читал здесь лекции по истории Украины и славяноведению – 6 часов в неделю в 1924–1926 гг.²⁷ В письме М.Н.Гринченко он жаловался: "На это идет очень много времени и энергии. Плохо тут с книжками – ничего нет из источников. Если бы у меня была тут под рукою моя киевская библиотека, то я чувствовал бы себя счастливым"²⁸.

Д.Дорошенко казалось, что положение ВУПИ более надежно и стабильно, чем университета, в чем убеждал его новый прием в институт в 1925 г. В письме от 1 ноября 1925 г. он сообщал: "В Институте был новый прием, ибо министерство выделило 30 новых студенческих стипендий"²⁹. Однако в 1929 г. прием был прекращен окончательно и Институт постепенно был ликвидирован в 1931–1933 гг., так и не сумев преобразоваться в научно-исследовательский институт. За это время его успели кончить 178 студентов³⁰.

Институт жил интересной полнокровной жизнью, издавая монографии своих преподавателей и сборники их трудов. (Первый сборник "Праці" вышел в 1929 г., второй в 1933, одновременно с "Драгоманівським збірником"). После ликвидации ВУПИ его богатые книжные собрания, включавшие в себя 9.830 названий книг (в II тыс. томах), были переданы в Славянскую библиотеку в Праге и библиотеку Украинской гимназии в Модржанах³¹.

В отенах ВУПИ отмечались юбилеи известных украинюких деятелей науки и культуры. Д.Дорошенко принял деятельное участие в организации одного из них — юбилея Б.Д.Гринченко. 6 мая 1925 г. исполнялось 15 лет со дня его смерти. О ходе подготовки торжественного заседания, посвященного памяти ученого, Д.Дорошенко сообщал вдове Гринченко в нескольких письмах. 5 января 1925 г. он писал: "Весной думаем отметить 15-летие со дня смерти Бориса Дмитриевича: инициативу берет на себя пед. институт и хочет провести "академию", как здесь говорят. Будет выступление мое, Л.Т.Терлецкого и еще одно или два. Может быть, издадим сборник на память о нем"³². В конце концов определялись докладчики и темы докладов: "Б.Д.Гринченко как литератор и общественный деятель" (Д.Дорошенко); "Б.Д.Гринченко как писатель и этнограф" (Л.Т.Билецкий) и "Б.Д.Гринченко как филолог" (В.Симович). А.Мотоцкий хотел поделиться своими личными воспоминаниями о покойном³³. В переписке о подготовке "академии" встал вопрос о недостатке некоторых книг о Б.Д.Гринченко. Вдова ученого прислала для Л.Т.Терлецкого книгу С.А.Ефремова о Гринченко /С.Ефремов. Борис Гринченко. СПб. 1913/ и отзыв Гринченко о сочинении Малинки, в котором ученый "высказал свои взгляды на методы этнограф. науки". Дорошенко просил также прислать фотографию могилы Б.Д.Гринченко. "Академию" два раза откладывали: то по совпадению годовщины о Пасхой, то из-за болезни докладчиков. В конце концов она состоялась 13 июня 1925 г. и была подробно описана в заметке С.Сирополко (газета "Вперед" от 20 июня 1925 г.), вырезку из которой Д.Дорошенко прислал вдове ученого³⁴.

В Праге в 1923—1938 гг. существовало также Украинское историко-филологическое общество, активным участником и одним из организаторов которого был Д.Дорошенко. В его состав в основном входили преподаватели УСУ и УНШ. Основано общество было 30 мая 1923 г. В тот день профессора УСУ П.Антонович и Д.Антонович, В.Биднов, Д.Дорошенко, А.Колесса, В.Щербакювский, П.Андриевский после очередного заседания историко-филологического факультета зашли в морав-

скую "винарну" под названием "Орлички" (Прага II, ул. Палацкого) и в непринужденной обстановке обговорили условия основания Общества (далее УИЗО) и тематику его первых заседаний³⁵.

Уже 7 июня состоялось первое заседание УИЗО в присутствии 60 членов и гостей. Были заслушаны доклад Д.Дорошенка "Памяти О.И.Левинского и И.М.Каманина" и доклад В.Биднова "Устное повествование запорожца Н.Л.Коржа, его происхождение и значение". В члены Общества в тот день было принято II человек. На следующем заседании 13 июня было избрано руководство УИЗО: председатель Д.Антонович, зам. председателя А.Колесса и секретарь В.Биднов. В деятельности Общества участвовали лучшие научные силы украинской эмиграции ЧСР из УСУ, УИИИ, Украинской хозяйственной академии в Подебрадах и других учебных заведений, Общество объединило специалистов-гуманитариев: историков, филологов, археологов, этнографов и пр. За 15 лет деятельности УИЗО провело 404 научных заседания (в среднем по 30-40 в год). Постепенно Общество консолидировало украинских ученых из центральной Украины, Буковины, Галичины, и даже эмигрантов из Америки, Африки пр., став в определенной мере всеукраинской организацией³⁶.

Д.Дорошенко принимал самое активное участие в деятельности общества, что было отмечено избранием его в 1932-1935 гг. заместителем председателя. Доклады, прочитанные им на заседаниях, касались проблем истории Украины и украинской историографии. Много раз выступал он с докладами, посвященными памяти видных украинских ученых и общественно-культурных деятелей. В письме М.Н.Гринченко он писал: "Действует тут и Украинское историко-филологическое общество. Как раз одно его заседание было посвящено памяти А.А.Руссова, 10-летию со дня его смерти. Я сделал доклад, Ф.А.Шербина и Д.В.Антонович поделились воспоминаниями"³⁷.

В УИЗО торжественно было отмечено 25-летие научно-литературной деятельности Д.Дорошенко. Такая честь была оказана из членов общества только академику С.Смаль-Стоцкому по поводу 40-летия его ученой деятельности и профессорам

А. Колессе, А. Лотоцкому, протоиерею Е. Сицинскому³⁸.

Общество выпустило в свет два тома трудов ("Праці", 1926, 1939), в которых были напечатаны некоторые из докладов, прочитанных на заседаниях Общества. Д. Дорошенко, в частности, опубликовал в I-м томе статью "Академик Николай Сумцов", а во 2-м томе, посвященном 60-летию председателя УИЮ Д. Антоновича, работу "Степан Опара, недавний гетман Правобережной Украины".

Одновременно с работой в УСУ, УНИ и УИЮ Д. Дорошенко начал преподавание в Карловом университете (с 5 марта 1928 г.). Он был приглашен туда в качестве профессора истории Украины ("на договоре") одновременно с А. А. Кизеветтером, специалистом по истории России. Д. Дорошенко существенно активизировал деятельность кафедры украиноведения, основанную А. Колессой 16 декабря 1926 г. В 1928 г. он читал здесь общий обзорный курс истории Украины, рассматривая отдельные вопросы украинской историографии. В отличие от чешского профессора Я. Бидло и его учеников, изучавших историю Восточной Европы в целом, Д. Дорошенко, как и А. Кизеветтер, особо выделяли историю славян с упором на национальную украинскую или русскую историю³⁹.

В письмах М. Н. Гринченко Д. Дорошенко сообщал о проекте создания Украинского научного института в Берлине. Так, 1 ноября 1924 г. он писал: "Последнее время говорят о создании Украинского научного института в Берлине как научного, а не учебного учреждения, состоящего из 6 научно-исследовательских кафедр украиноведения... Этот Институт хочет основать "Украинское общество Красного креста в помощь беженцам". Председатель Общества пани А. Скоропадская (жена гетмана). Кажется, этот институт не стоит на религиозной почве и с начала 1925 г. начнет свою работу. Институт имеет целью установить связи с научными учреждениями на Украине, помогать им печатать книги, материалы и пр."⁴⁰

Институт был основан только в ноябре 1926 г. по инициативе бывшего гетмана Украины П. Скоропадского при прямом содействии нового президента Германии маршала Гинденбурга. Фундатором общества действительно стало Украинское общество

во помощи беженцам во главе с А.Скоропадской. Первым директором Института был приглашен Д.Дорошенко, который возглавлял его до 1931 г. Он же стал первым редактором основных изданий УНИ: "Записок" (Abhandlungen) и "Известий" (Mitteilungen).

Направление и цель Института были несколько другими, чем вначале представлялось Дорошенко. По замыслу создателей он должен был содействовать укоренению украинской науки и культуры в немецкой среде, усилению научно-культурных связей между Украиной и Германией, а также "опеке украинской молодежи, обучающейся в Германии". И действительно УНИ со временем стал значительным центром украинистики в Европе⁴¹.

Одновременно с основанием Украинского научного института в Берлине украинские эмигранты предпринимали попытки организовать подобный институт и в Варшаве. Д.Дорошенко писал М.Н.Гринченко 26 февраля 1926 г.: "Надежды на основание Украинского института в Польше... отложены в долгий ящик. Вообще Польша покровительствует украинцам только тогда, когда сама терпит бедствие. Но пока она еще не погибла, следовательно, и не ощущает потребности идти украинцам на какие бы то ни было уступки. Я особенно не удивляюсь тому, что положение украинцев под властью Польши не так безнадежно, ибо они большей частью полагались на свои собственные силы, на самих себя. Это только ее давняя Галиция все еще надеется на чудо, полагаясь всегда на силу: хоть на кесаря, хоть на белого царя или кайзера, на Антанту, теперь вот на Советский Союз"⁴². Это высказывание интересно как выражение давнего недоверия к Польше, исторически сложившегося в кругах украинской интеллигенции начиная с ХУПв., со времен борьбы Украины за независимость. Тем не менее связи Польши с украинской эмиграцией в межвоенный период успешно развивались. Названный Институт был основан здесь в 1930 г. (директор А.Лотоцкий). А до этого в Варшаве при университете был открыт Православный теологический факультет, куда приглашались видные украинские ученые. 26 февраля 1926 г. Д.Дорошенко писал: "А.Лотоцкого пригласили в

Варшавский польский университет на кафедру католического права на Православном теологическом факультете, недавно основанном там. Читать лекции надо на польском языке"⁴³. Скептически относясь к возможности работать в Варшаве, Д.Дорошенко, как и ранее Лотоцкий, вместе с В.Бидновым, В.Зайкиным и И.Огиенко в 30-е годы принял приглашение тамошнего университета и преподавал там в 1935-1939 гг. Главной причиной была надежда на твердый заработок в годы углублявшегося экономического кризиса 30-х годов.

В 20-30-е годы Прага стала местом проведения многих славянских мероприятий, съездов, конференций ученых самых разных специальностей. В некоторых из них активное участие принимал Д.Дорошенко. 4-8 июня 1924 г. здесь состоялся первый съезд славянских этнографов и географов. На него прибыло более 400 участников, причем более 150 из-за границы. На съезде рассматривались вопросы антропологии, славянского музейного дела, взаимоотношений географии и этнографии, социального расслоения, предисторической этнографии славянских народов и пр. Из представителей эмиграции в работе съезда приняли активное участие И.Панкевич, А.Колесса, Е.Ляцкий, П.Богатырев и др.⁴⁴ В письме от 24 июня 1924 г. Д.Дорошенко сообщал: "Недавно в Праге состоялся большой съезд славянских этнографов и географов. Украинцы приняли в нем живое участие и имели успех. Было много наших докладов. Из Львова приезжали Студинский и Раковский. Ждали из Киева Кутковского, а из Екатеринослава - Яворницкого, но они не приехали. Был лишь Карский из Петербурга. Съехались со всех славянских земель более 400 делегатов"⁴⁵.

1 ноября 1925 г. Д.Дорошенко писал М.Н.Гринченко: "Если состоится съезд украинских ученых в Праге, то я прочитаю там доклад по подготовленной мной работе о Бантыш-Каменском - очерк из украинской историографии"⁴⁶. Указанный съезд состоялся 3-7 октября 1926 г. Он был созван по инициативе Украинского академического комитета. Во главе оргкомитета съезда стоял академик И.Горбачевский. Материальные средства на проведение съезда были найдены благодаря взносам УСУ, УНИИ, Хозяйственной академии в Подебрадах, а также вступи-

тельным взносам в 50 крон от всех участников съезда. В большом зале Географического факультета Карлова университета на его открытие собрались деятели украинской и чешской науки, а также представители национальных колоний в Праге: грузинской, армянской и белорусской. Д.Дорошенко сделал доклад "Развитие украинской науки за последние 50 лет". Затем работа съезда проходила в 4-х секциях; историко-филологической, права и общественных наук, естественных наук и физико-математических наук. Организацию работы первой секции взяло на себя УИЭО. Всего было проведено 41 заседание, на которых заслушано 154 доклада. В одной из аудиторий Клементинума была устроена выставка украинской научной продукции, выпущенной в свет в эмиграции за 10 лет (1917-1926)⁴⁷.

Второй украинский научный съезд состоялся 20-24 марта 1932 г. в Праге. Его вел академик С.Смаль-Стоцкий. Открытие съезда произошло в большой аудитории Филологического факультета Карлова университета. Его участников приветствовали представители факультета, недавно открытого Славянского института в Праге, Научного общества им. Шевченко во Львове, украинских научных институтов в Берлине и Варшаве, Греко-католической академии во Львове, Военно-исторического общества в Варшаве и др. Торжественное открытие съезда было завершено докладом Д.Дорошенко "Организация украинской научной работы в эмиграции и ее результаты в последнее десятилетие". В 4-х секциях съезда с 10 подосекциями было прочитано 159 докладов 104 участниками из разных городов Чехословакии, а также Берлина, Варшавы, Вены, Галле, Кракова, Львова, Франкфурта-на-Майне. Научной деятельности украинской эмиграции специально было посвящено 18 докладов, опубликованных затем в сокращенном виде в изданиях съезда. Среди них необходимо упомянуть доклады Д.Дорошенко "Работа украинской эмиграции в области исторической науки", В.Симовича "Обзор лингвистических работ украинской эмиграции", В.Щербакоского "Работа... в области археологии", Д.Антоновича "Работа... в области искусства", Д.Чижевского "Работа... в области философии"⁴⁸.

Кроме того, Д.Дорошенко участвовал в работе УП Международного съезда историков в Варшаве (21-27 августа 1933 г.) и УШ съезда в Цюрихе (28 августа - 4 сентября 1938 г.). Но это уже выходит за рамки его переписки с М.Н.Гринченко.

Но более всего кипучая энергия Д.Дорошенко проявлялась в его обширной научной продукции. В каждом письме М.Н.Гринченко он подробно сообщал об изданных им в эмиграции книгах. И это наряду с тяжелыми бытовыми условиями, загруженностью работой в УСУ, ВУПИ, Карловом университете, УИФО, участием в съездах и т.д. В письме от 24 мая 1923 г. он писал: "Из моих книжек тут вышли: "Курс украинской истории" (1926, Вена и 1923, Берлин); "Славянский мир, энциклопедия славяноведения" в 3-х томах (Берлин, 1922); вышла моя брошюра про белоруссов (еще в Каменце, 1919); "Краткая история Подолии" (Там же., 1919); про Угорску Украину (Прага, 1919); в Черновцах в 1920 г. "Указатель новой украинской литературы 1798-1897 в России (помечено 1917-м годом)"⁴⁹. О последней работе впоследствии он писал: "В Праге теперь печатается доработанный мною труд, над которым я работал еще в Киеве: "Указатель новой украинской литературы в России 1798-1897". Она вышла еще в 1917 г. в Черновцах, но в очень плохом виде, без моей корректуры. Весь тираж погиб под властью румын; я об этом только-только примирился. Теперь я это уже пережил и переделал заново"⁵⁰. Почти в каждом из писем М.Н.Гринченко упоминалось о работе над этим важным трудом. В письме от 24 июня 1924 г. Д.Дорошенко сообщал: "За последний год из моих работ вышли: 1) "Обзор украинской историографии" (Прага, 1923, 220 с.); "Пантелеймон Кулиш" (Берлин, 1923, 208 с.); 3) "Краткий курс истории Украины" (Лейпциг, 1923, 228 с. 2 изд.); 4) "Мои воспоминания о недавнем прошлом" 4 книги (Львов, 1923-1924, 131, 96, 122 и 102 страницы); 5) "Война и революция на Украине". - "Историк и современник" (Берлин, 1923, кн. IV, 1924, кн. V)". В этом же письме он упоминал о выходе в свет в Берлине переиздания его книги о Н.И.Костомарове, об издании под его редакцией "Исторических воспоминаний" П.Кулиша (Берлин, 1923), работы Н.И.Костомарова "Две русские народности" (Берлин, 1923),

ряда статей информационного характера в разных заграничных изданиях и в том числе "Обзор украинской историографии последнего десятилетия" в лондонском журнале "Slavonic Review" 1924; кн. VI⁵¹.

С лета 1924 г. Д.Дорошенко взялся за большую книгу, первоначально названную им "История 1918 г. на Украине", при написании которой использовал "интересные материалы Венского и Берлинского архивов, целый ряд воспоминаний деятелей 1918 г., комплекты "Державного вісника" из библиотеки Рубакина в Лозанне. Работу написал на 45-50 листов, переписал ее на белом, но нет денег печатать. Рукопись лежит. Устал страшно"⁵². Книга вышла в свет под заголовком "История Украины 1917-1923 гг." (1 т. - "Период Центральной Рады", 2 т. - "Украинская гетманская держава 1918 г." Ужгород, 1930-1932). В настоящее время она переиздана.

В переписке упоминалось также о ряде других небольших статей Д.Дорошенко, разбросанных по различным изданиям Варшавы, Львова, Виннипега, Берлина, Ужгорода⁵³.

Обширная научная деятельность Д.Дорошенко не могла проходить вне связи с различными издательствами, с руководителями которых он завязал тесные дружеские отношения. В переписке с М.Н.Гринченко он упоминает о работе трех из них. 24 июня 1924 г. он писал: "Теперь в Праге главенствуют два украинских издательства: одно от нашего украинского университета. Оно издало 5 томов научных работ и напечатало под моей редакцией "Научный сборник". Кроме того, оно издает монографии, вышло более 10 книг, преимущественно это курсы лекций, читаемые в университете. Другое издательство называемое "Общественный фонд" издает подручные и научно-популярные книги. Заведует издательством Е.С.Вировий. Осенью выйдет в свет первый десяток книг. Кроме того Украинская сельско-хозяйственная академия в Подебрадах тоже издает книги, преимущественно оvoid курсы и лекции"⁵⁴.

Тесные контакты были у Д.Дорошенко также с берлинским издательством Я.Оренштайна. В частности, оно, по свидетельству ученого, выпустило в свет "Историю украинской

письменности" С.А.Ефремова в 2-х томах, серию "Литературные характеристики украинских писателей" и др.⁵⁵

Дорошенко надеялся, что исследования украинской эмиграции и его собственные научные работы рано или поздно попадут на родину, поэтому в письмах М.Н.Гринченко давал подробную информацию о выходящих здесь книгах. "Правда, все, что печатается ... мало доходит до наших земель, как на территорию Польши, так и на Украину едва ли что попадает", - с горечью писал ученый в письме от 4 мая 1923 г., а в письме от 5 января 1925 г. продолжал эту тему: "Румыния кроме некоторых украинских изданий ничего не пропускает к себе, в Советскую Украину ничего не проходит на продажу. В Америке у публики очень неразвитый вкус, а эмигранты не имеют денег покупать. Но, кажется, в плохих времена начинается какой-то просвет. Главным образом в Галиции и на Волыни книга понемногу пошла"⁵⁶.

Из писем Д.Дорошенко видно, что несмотря на негативное отношение к Советской власти, украинские эмигранты делали попытки установить книгообмен с Украиной: "Мы исправно посылаем наши издания в Академию, и почему они не доходят - не понимаю"⁵⁷. В то же время в Прагу приходили некоторые книжные посылки от М.Н.Гринченко и известного историка украинской литературы С.А.Ефремова: "За "Украину" спасибо Вам и Сергею Александровичу. Получил "Записки" (АН) кн.У, VI от Сергея Александровича... С любовью и радостью читаю академические издания",⁵⁸ - писал Дорошенко, а в письме от 28 июня 1925 г. он сообщал: "Получил от С.А. посылку книг. Там новые книги о Нечуе⁵⁹, сборник "Шевченко и его время" 2 тома (Летописи) Величко. Радость большая!"⁶⁰ Значительным событием для Д.Дорошенко и его коллег было получение из Киева нового издания "Словаря украинского языка", составленного в 1907-1909 гг. Б.Д.Гринченко. "Словарь я получил и очень за него благодарен. Его у меня просто из рук рвали, и теперь он ходит по рукам. Разумеется, как не специалист, я не могу судить, насколько он с научной точки зрения точный, верный, новый и т.д., но как на читателя, он произвел на меня солидное впечатление"⁶¹.

Судя по переписке, все же прямые связи с учеными Советской Украины Д.Дорошенко установить не удалось, железный занавес уже начал медленно опускаться, отделяя СССР от Европы. Многие книги, посланные им коллегам в Киев, почта возвращала⁶². Тем не менее он взял на себя миссию посредника в литературно-издательских связях между Киевом и Львовом. Особо тесные отношения связывали Д.Дорошенко с секретарем НТШ, фольклористом и этнографом В.М.Гнатюком (1871-1926), профессором Львовского университета В.В.Дорошенко, педагогом и общественным деятелем А.Барвинским (1847-1927). М.Н.Гринченко он сообщил о намерении В.М.Гнатюка издать свою переписку с ее покойным мужем (58 писем от Б.Д.Гринченко), отложенным в виду "издательского кризиса" во Львове⁶³. Ей же он передал предложение В.М.Гнатюка издать воспоминания о муже, а также прислать "что-нибудь готовое для издания для детей" - оригинальное или в переводе⁶⁴. Кроме того, В.М.Гнатюк предлагал некоторые львовские издания (например "Старая Украина") в обмен на киевскую "Молодую Украину"⁶⁵, намеревался через Д.Дорошенко получить от киевлян в "Литературно-научный вестник общества им. Шевченко" рецензию на сочинения украинских ученых, которых во Львове нет⁶⁶.

Как о большом событии в культурной жизни Праги Д.Дорошенко писал (1 июля 1925 г.) о "выставке книг, изданных на территории СССР. Там есть и украинские книги, все издания Академии"⁶⁷, - подчеркивал он.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о внутреннем положении украинской эмиграции, которое вырисовывается из писем Д.Дорошенко к М.Н.Гринченко. Здесь видится несколько проблем.

Украинские эмигранты из интеллигенции жили в Праге своим особым замкнутым кругом, большей частью общаясь между собой. В конце концов Д.Дорошенко поселился с женой в дешевом пансионе, где снимали квартиры и другие его коллеги. "В общем, как ни оглянуться вокруг себя, чудно отановится: здесь на чужбине, в Праге, вижу вокруг себя цвет украинского общества, своих людей; немалая часть Киева пересели-

лась каким-то чудом сюда! Вижу перед собой всех как бы киевлян... Кажется, что сидим на собраниях киевской "Просвещения" или Украинского клуба... Тут в Праге создан какой-то украинский микрокосм, и правда чудно, что он не у себя дома, на родной земле, где предназначен для культурной работы"⁶⁸. В другом письме он продолжал: "Кругом много наших людей: половина бывшего украинского Киева! Как в Новом ковчеге все "чистые" и "нечистые" звери собраны на корме. Одни живут хуже, другие лучше. Проживают Шелухины, Мирные, Лосские, Сямоничи, Сядинские"⁶⁹.

С чешским окружением у пражских "киевлян" установились отношения делового сотрудничества. Они приглашались в качестве преподавателей в Карлов университет, становились членами Славянского института, активно участвовали в многочисленных съездах и конференциях, проходивших в то время в Праге, и в то же время приглашали чешских коллег на все своих культурно-научные мероприятия. Не говоря уже о том, что каждый из эмигрантов получал какое-то пособие от чешского правительства.

Примечательно, что в предельно откровенных письмах к М.Н.Гринченко Д.Дорошенко ни разу не упомянул о своих контактах с представителями многочисленной русской эмиграции в Праге, которые работали с ними бок о бок, например, в стенах Карлова университета (Русский свободный университет), участвовали в работе съездов и конференций. Возможно внимательный читатель заметил, что при перечислении гостей украинских научных съездов в Праге не было упомянуто о русской делегации. Вероятно, обособленность украинской эмиграции от своих бывших сограждан из России отражает идеологические и политические взгляды части украинской интеллигенции, стремившейся к достижению полной самостоятельности Украины, ставшей реальностью в наше время. На рубеже 10-20-х годов эта независимость ассоциировалась с Центральной радой и даже кратковременным гетманством П.Скоропадского, которым сочувствовали многие будущие украинские эмигранты. В то же время процесс разъединения с русской культурой и языком был для многих украинцев дос-

таточно сложным и продолжался и за границей. Д.Дорошенко признавался после получения "Словаря украинского языка" Б.Д.Гринченко: "Сам я редко заглядываю в словарь украинского языка, когда пишу на украинском языке: если встречается трудное слово, стараюсь заменить его другим (как перевозку). Но я вижу, как люди накиннулись на Ваш словарь, значит он нужен!"⁷⁰

Хотелось бы отметить, что письма Д.Дорошенко свидетельствуют о том, что и украинская эмиграция в Праге не была едина. Ученый абстрагировался от политических разногласий, но констатировал исторически сложившиеся различия в менталитете выходцев с Западной и Центральной Украины. Особенно ясно он подчеркивал особенности галичан: "Влияние экспансивной природы галичан уже сказывается. Только теперь, поживя и поработавши с ними, я увидел, какая большая разница между нами и ими, разница жизни, культуры, мировоззрения... Думаю, что и в Киеве тоже так думают"⁷¹. В письмах М.Н.Гринченко ученый всегда подчеркивал, кто из украинских эмигрантов "наши", а кто из Галиции. Сказывались, несомненно, и языковые различия, разные подходы к кодификации украинского языка. Позиция Д.Дорошенко в отношении языковой реформы ясно выражена в следующих словах: "Нашего старого /С./ Стоцкого, - писал он 1 ноября 1925 г., - пригласили в Харьков на совещание по корректировке правописания. Но он не хотел ехать, сказав, что стар и болен, однако написал для Харькова трактат о правописании. Разумеется, он стоит за Ї (цї, мї, яї и т.д.) и прочую галицкую тарабарщину. Может быть, его не послушают, но боюсь, что все вместе заведут какие-нибудь новшества, например, "драгомановку" (доля, кову, жіхав). Сам бы я отоял за нашу реформированную "кулишовку", она лучше"⁷².

Любопытно известие Д.Дорошенко о метаморфозах в мировоззрении украинских эмигрантов, произошедших при смене подданства. В письме от 10 февраля 1925 г. он сообщал: "Знаете, о кем я тут завязал переписку? С Михаилом Владимировичем Стороженко, бывшим черносотенцем и украинофобом, а теперь записным украинским патриотом! ... Он живет в

Кго-Славни, среди россиян, где не может со своим украинophilством слишком выпячиваться". Несколько ироничное отношение к новоявленному украинскому патриоту не помешало Д.Дорошенко всячески содействовать ему в получении необходимой информации из Киева о подготовке к изданию там Академией наук фамильного архива А.П. и М.И.Стороженко, в "Записок" АН, где во втором и третьем томах была опубликована его статья о переписке с П.Кулишом⁷³.

С годами Д.Стороженко стал сентиментален и, сильно тоскуя по родине, с особым пиететом относился ко всему, что оставляло память о ней. Истинной отрадой для его души было сообщение С.А.Ефремова о сохранении его архива в Киеве⁷⁴ "неизвестным доброхотом". С огромной благодарностью он воспринял присылку ему фотографии родителей 1885 г., засушенного барвинка с могилы отца. "Никакая фотография, - писал он, - никакое письмо так выразительно и живо не вызывает перед очами образ родной земли со всем, что есть на ней нежно любимого и дорогого"⁷⁵. Все это однако находило практическое применение.

"В Праге с месяц существует "Музей освободительной борьбы Украины". За короткое время он собрал много ценных вещей и материалов. Я подарил туда фотографию могилы Бориса Дмитриевича (Гринченко) ... Директор Дмитрий Владимирович Антонович очень горячо взялся за дело и хорошо его поставил",⁷⁶ - писал он М.Н.Гринченко.

Перед глазами читателей был развернут эпизод из жизни видного украинского историка, связанный с его пребыванием в Праге. Но он вместил многое из того, чем жила украинская научная эмиграция в 20-30-е годы. Крайне удивительно, что несмотря на трудные материальные и бытовые условия, Д.Дорошенко проявил поистине кипучую энергию, деятельно участвуя в главных научных центрах украинской науки, расположенных в Праге, проходящих там съездах и конференциях. Ему удалось установить не вполне устойчивые научные контакты с киевской Академией наук и даже служить посредником в связях с ней ученых из Львова и других мест. К сожалению, в то страшное время тесное сотрудничество ученых Советской

Украины и зарубежья было невозможно по идеологическим причинам, и потому современная отечественная наука лишилась многих могучих талантов. В настоящее время имя Д.Дорошенко начинает получать все более заслуженное признание на родине, о чем свидетельствует выпущенное массовым тиражом переиздание его двухтомной "Истории Украины 1917-1923 гг."

Вместе с тем кипучая деятельность Д.Дорошенко демонстрирует патристическую работу украинской эмиграции по сохранению и приумножению научного потенциала отечественной интеллигенции. Безусловно, хоть и с большим опозданием, все выдающиеся научные сочинения эмигрантов должны быть возвращены на родину и стать достоянием современной науки и культуры Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Украинской академии наук (далее - ОР ЦНБ). Ф.170. № 309-318. Письма Д.И.Дорошенко к М.Н.Гринченко (24.V.1923 - 23.II.1926).
2. Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů do r.1760. Biograficko-bibliografický sborník. Praha, 1972. S.95-97.
3. См. следующие работы Д.Дорошенко: Обзор української історіографії. Прага, 1923; Пантелеймон Куліш. Літературні характеристики українських письменників. Львів, 1923; Драгоманів і українська історіографія // Праці Українського висового педагогічного Інституту в Празі. Прага, 1931; Володимир Антонович. Його життя й наукова та громадська діяльність. Прага, 1942; и др.
4. Названия статей приводятся в переводе на русский язык. Названия в подлиннике ом.: Československé práce... S.96-97.
5. ОР ЦНБ. Ф.170. № 312. Письмо от 5.I.1925. Л.6 об.
6. Там же. № 309. Л.1 об. Письмо от 24.V.1923.
7. Там же. № 317. Л.23 об. Письмо от I.XI.1925.
8. Там же. № 315. Л.15 об. Письмо от I.VI.1925.
9. Там же. № 310. Л.3 об. Письмо от 24.VI.1924.
10. Там же. Л.2.
11. Наріжній С. Українська еміграція. Культура праці української еміграції між двома світами війнами. Прага, 1942. С.209.
12. Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Сов. славяноведение. 1991. № 6. С.24-36.
13. Наріжній С. Українська еміграція... С.119; ОР ЦНБ. Ф.170. № 309. Л.1 об. Письмо от 24.V.1923.
14. Там же. № 315. Л.16 об. Письмо от 24.V.1925.
15. Там же. № 309. Л.1 об. Письмо от 24.V.1923.
16. Там же. № 310. Л.2 об. Письмо от 24.VI.1924.
17. Там же. № 315. Л.17. Письмо от I.VI.1925.

18. ОР ЦНБ. Ф.170. № 309. Л.1. Письмо от 24.V.1923.
19. Там же. № 311. Л.4 об. Письмо от 1.XI.1924.
20. Там же. Л.4.
21. Наріжний С. Українська еміграція... С.134.
22. Сладек Э. Русская и украинская эмиграция... С.30.
23. Наріжний С. Українська еміграція... С.133.
24. Львовский "тайный" университет был основан в начале 1921 г. в ответ на запрещение польских властей принимать в местный университет студентов украинского происхождения. Просуществовал до 1925. Среди профессоров университета выделялись: В.Шурат (ректор), И.Крипякевич, Ф.Колесса, М.Возняк, И.Свенцицкий.
25. Наріжний С. Українська еміграція... С.135-136.
26. Там же. С.172-173.
27. ОР ЦНБ. Ф.170. № 310. Л.2 об. Письмо от 24.VI.1924.
28. Там же.
29. Там же. № 317. Л.23 об. Письмо от 1.XI.1925.
30. Наріжний С. Українська еміграція... С.179.
31. Там же. С.178.
32. ОР ЦНБ. Ф.170. № 312. Л.9. Письмо от 5.I.1925.
33. Там же. № 315. Л.17 об. Письмо от 1.VI.1925.
34. Там же. № 314. Л.13 об. Письмо от 10.III.1925.
35. Наріжний С. Українська еміграція... С.176.
36. Там же. С.201-202.
37. ОР ЦНБ. Ф.170. № 317. Л.23 об. Письмо от 1.XI.1925.
38. Наріжний С. Українська еміграція... С. 203.
39. *Československa slavistika v letech 1918-1939. Praha, 1977. С.66.*
40. ОР ЦНБ. Ф.170. № 311. Л.4 об. Письмо от 1.XI.1924.
41. Наріжний С. Українська еміграція... С.210-219.
42. ОР ЦНБ. Ф.170. № 318. Л.26. Письмо от 16.III.1926.
43. Там же. Л.25 об.
44. Наріжний С. Українська еміграція... С.126-127.
45. ОР ЦНБ. Ф.170. № 310. Л.3. Письмо от 24.VI.1924.
46. Там же. № 317. Л.24. Письмо от 1.XI.1925.
47. Наріжний С. Українська еміграція... С.246.
48. Там же. С.247-248.
49. ОР ЦНБ. Ф.170. № 309. Л.1. Письмо от 24.V.1923.
50. Там же. Л.2 об.
51. Там же.
52. Там же. № 317. Л.24. Письмо от 1.XI.1925.
53. См.: Там же. № 309, 310, 311, 312, 315.
54. Там же. № 310. Л.3. Письмо от 24.VI.1924.
55. Там же. № 311. Л.5 об. Письмо от 1.XI.1924.
56. Там же. № 312. Л.8. Письмо от 5.I.1925; № 309.
- Л.1. Письмо от 24.V.1923.
57. Там же. № 312. Л.8 об. Письмо от 5.I.1925.
58. Там же. № 317. Л.24. Письмо от 1.XI.1925. Д.Дорошенко связывали с С.А.Эфремовым непростые отношения, сложившиеся еще во время их совместной деятельности в президиуме Центральной рады (оба были заместителями /товарищами/ ее председателя М.С.Грушевского; С.А.Эфремов был еще секретарем ТУПа (товариства українських поступовців), умеренно-либеральной партии украинских федералистов, по инициативе которых Центральная рада и была соз-

дана). Тот факт, что Ефремов остался в Киеве и был "потерян" для украинской эмиграции воспринимался последней с осуждением. Д. Дорошенко должен был даже оправдываться в этом в письме М.Н. Гринченко от I.XI.1924: "...не подумайте, что я бойкотирую С.А. Я уважаю его до сих пор" (# 311. Л.5) Впоследствии в 1930 г. С.А.Ефремов был репрессирован в связи с громким процессом над т.н. "Совюзом освобождения Украины".

59. Нечуй-Левицкий И.С. (1838-1918) - украинский писатель демократического направления.
60. ОР ЦНБ. Ф.170. № 316. Л.2 об. Письмо от 28.VI.1925.
61. Там же. № 312. Л.6. Письмо от 5.I.1925.
62. Там же. № 317. Л.17 об. Письмо от I.XI.1925.
63. Там же. № 316. Л.20 об. Письмо от 28.VI.1925.
64. Там же. № 313. Л.11. Письмо от 10.II.1925.
65. ОР ЦНБ. Ф.170. № 312. Л.9. Письмо от 5.I.1925.
66. Там же. № 310. Л.3. Письмо от 24.VI.1924.
67. Там же. № 315. Л.15. Письмо от I.XI.1925.
68. Там же. № 318. Л.30 об. Письмо от 26.II.1926.
69. Там же. № 310. Л.3 об. Письмо от 24.VI.1924.
70. Там же. № 312. Л.6. Письмо от 5.I.1925.
71. Там же. № 310. Л.3 об. Письмо от 24.VI.1924.
72. Там же. № 317. Л.24 об. Письмо от I.XI.1925.

Проволя в середине XIX в. реформу украинского языка П.Кулиш пытался найти средний путь между фонетическим и "историческим" правописанием. Его последователи, особенно из Галиции, стремясь сблизить правописание с произношением, ввели ряд новых знаков, непризнававшихся "надднiпрянами" в Киеве. В 1927 г. в Харькове Наркомпрос провел специальную конференцию по украинскому правописанию с приглашением ряда известных западноукраинских ученых. После долгой дискуссии был достигнут определенный компромисс и утверждены языковые нормы, действующие и поныне (см.: Українська загальна енциклопедія. Львів, 1932. Т.3. С.579-583).

73. Там же. № 313. Л.11. Письмо от 10.II.1925.

74. Там же. № 314. Л.13. Письмо от 10.III.1925.

75. Там же. № 315. Л.15. Письмо от I.VI.1925.

76. Там же. № 317. Л.24 об. Письмо от I.XI.1925.

СУДЬБЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ ГЛАЗАМИ УЧЕНОГО (По письмам Г.А.Ильинского)

История отечественного славяноведения 20-х – начала 30-х годов составляет особый, можно сказать трагический период существования этой науки. В начале XX в. славистика была развитой и постоянно прогрессирующей областью русской гуманитарной науки, имевшей безусловное признание как в стране, так и в Европе. Инициатива созыва международных съездов славистов исходила от русских ученых, идея создания серии научных трудов в рамках монументальной "Энциклопедии славянской филологии", выдвинутая В.Ягичем, должна была быть реализована прежде всего в России. Крупнейшие зарубежные слависты разных поколений во многом связывали свою судьбу о научной работой в России. Так, уже упоминавшийся В.Ягич не только был академиком Императорской Академии наук, но и публиковал здесь многие свои исследования, А.Мазон начинал свою научно-преподавательскую деятельность также в России.

Первая мировая война, а затем революция и гражданская война в России прервали естественный процесс развития науки. Огромные материальные трудности начала 20-х годов весьма существенно оказывались на нормальном функционировании как науки вообще, так и славистики в частности. И не только они, но в значительной степени совсем другие факторы стали в этот период определяющими в судьбе отечественного славяноведения¹. С возникновением тоталитарного государства, в котором обязательным условием было господство одной определенной идеологии во всех сферах жизни страны, в том числе и в науке, для славяноведения наступили тяжелые времена. Следует отметить, что в этот период оно понесло большие кадровые потери. Среди умерших, например, в начале 20-х годов был выдающийся ученый и организатор, председательствовавший в ОРЯС, являвшемся центром славистических исследований в Академии наук, А.А.Шахматов. Счень многие ученые покинули страну. Ученые старшего по-

коления, оставшиеся в России, оказались в новой, непривычной для них обстановке.

История всякой науки складывается как из истории различных идей, концепций и научных организаций, так и из судьбы отдельных ученых, на которые влияют не только особенности названных областей науки, но и жизнь общества в целом. Именно поэтому исследование жизненного пути виднейших славистов послереволюционного периода заслуживает особого внимания. Чрезвычайно ценным источником для воссоздания истории отечественного славяноведения 20-х - начала 30-х годов является материал личных архивов и прежде всего переписка ученых. Именно переписка таких людей, как Г.А.Ильинский, во многом позволяет воссоздать атмосферу, существовавшую в среде русских славистов старшего поколения, в ней нашли отражение и проблемы научного творчества, организации славистической науки, ситуации в Академии наук, в общественной и политической жизни государства.

Г.А.Ильинский - известный специалист в области славянской филологии, автор более 500 работ, погиб в 1937 г. в лагере. Архива ученого не сохранилось, погибли и архивы многих его коллег, в которых, без сомнения, содержались письма ученого, поэтому невозможно восстановить его переписку в полном объеме. В лучшем случае мы располагаем его письмами в нескольких фондах его адресатов, избежавших его печальной участи, переписка остается односторонней. Совершенно особое место занимает переписка Ильинского с академиком Б.М.Ляпуновым. Она охватывает десятки лет и содержит сотни писем. Волновавшие Ильинского проблемы в письмах настолько переплетены, что как-либо разделять их не представляется целесообразным. Из писем Ильинского мы можем почерпнуть не только обширную информацию, но и составить представление о личности самого ученого. Ранее исследователи его жизни и творчества отмечали, что Ильинский был "необычайно мягкий и корректный" человек, но "он становился резким, когда речь шла о принципиальных вопросах науки"². Письма Ильинского Ляпунову подтверждают скорее вторую характеристику. Перед нами возникает образ челове-

ка решительного в суждениях, страстно желавшего процветания русской науки и славистики в первую очередь, клеймившего фальшь и приспособленчество, проникавшие в среду ученых, хотя иногда Ильинский проявлял в своих оценках и чрезмерную субъективность.

Революцию Г.А.Ильинский встретил без особого восторга и даже спустя девять лет, в декабре 1926 г., он в письме М.Н.Сперанскому мог лишь констатировать – "разразилась октябрьская катастрофа"³. И надо сказать, что у ученого было много оснований так вспоминать названное событие. Советизация всей жизни в стране, связанное с ней вмешательство властей в область науки и преподавания чрезвычайно раздражали Ильинского еще в бытность его профессором Саратовского университета. В нескольких письмах 1924 г. он сообщал Б.М.Ляпунову об усилении гнетущей обстановки в университете: "И у нас в Саратове жизнь становится все тяжелее и тяжелее, – писал ученый в апреле. – Жалованье не только не увеличивается, но даже кое в чем урезают. К материальным невзгодам присоединяются моральные. Увы! И у нас начинает развиваться научная проституция, которая отплясывает сейчас такой канкан в обоих столичных университетах. Да! Я начинаю мучительно завидовать тем нашим сотоварищам по специальности, которые устроились в южно- и западно-славянских университетах!"⁴. Но с начала нового учебного года легче не стало: "С осени у нас замечается много симптомов ухудшения политической ситуации. Между прочим, мы получили официальное предписание читать лекции, не исключая и лингвистических, в марксистском духе. Так, мой коллега, А.С.Мальцев должен начать курс "Русского синтаксиса" "с указания на отражение истории развития процесса труда на формах речи" (!!); "Физиологии русской речи" предписано "придать материалистический характер, поставив проблемы звуковой филологии (*sic!*) в связи с общей психофизиологией и теорией условных рефлексов". Итак. Все это было бы смешно, если бы не было грустно..."⁵.

В декабре того же года Ильинский, выражая свое глубокое

соболезнование Б.М.Ляпунову по случаю смерти его брата, композитора С.М.Ляпунова (1859-1924), профессора Петербургской консерватории, рассматривал это печальное событие в контексте общего положения культуры в стране: "Но это горе не только Ваше, но и всех, кто следит за развитием русского национального искусства, в частности любителей народной музыки и песни. Случись кончина Вашего брата в нормальное время, без сомнения, она вызвала бы тысячу откликов в русской печати. А теперь? Но что об этом и говорить в момент жестокого похода на русскую культуру"⁶. Здесь же ученый обратил внимание коллеги на новый шаг властей в области, так сказать, правил орфографии: "Кстати, не удивляйтесь, что я не прислал Вам отдельного оттиска этой статьи: по новому закону, в СССР запрещен ввоз изданий, напечатанных старым правописанием; вследствие этого посланные мне отдельные оттиски были возвращены в Прагу обратно, а "Slavia" по той же причине, как пишет мне Murko (Мурко), принуждена отныне печатать русские статьи исключительно новым правописанием"⁷. Безусловно, умысел нового закона заключался прежде всего в том, чтобы дать "объективный" критерий для запрещения ввоза в страну какой-либо эмигрантской литературы, печатавшейся по правилам дореволюционной орфографии. Решение же, принятое чешскими учеными, можно рассматривать как жест солидарности с их советскими коллегами. Они заботились не только о том, чтобы международный славистический журнал попадал в библиотеки Советского Союза, но и стремились дать возможность авторам из России увидеть свои статьи напечатанными и безбоязненно их распространять.

Ильинского в этот период жизни от одиночества и окончательного упадка духа спасала, как он сам писал, "только любовь к славистике"⁸. Некоторые надежды на возрождение славяноведения появились у Ильинского после переезда в Москву. Он сразу же поделился этой новостью с Ляпуновым:

"Позавчера у нас состоялось первое деловое заседание Института славяноведения. Из коллективных работ намечили со-

оставление хрестоматии из произведений славянских классиков и этнографические и политические карты современного славянства"⁹. В письме отразилась не столько реальность, сколько мечта многих славистов-филологов о необходимости создания специального научно-исследовательского института славяноведения. Каково было действительное положение дел, мы узнаем из письма Ильинского М.Г. Попруженко в Болгарию: "У нас в Москве наблюдается сейчас маленькое оживление в области славянознаний. Кроме расширения преподавания славистики в университете, кое-что делает в этом отношении Секция славяноведения Исследовательского института языка и литературы. Председателем ее является А.М. Селищев, прочитавший недавно доклад о болгарском поэте Михайловоком. Теперь эта Секция приступает к составлению этнографической и политической карты современного славянства"¹⁰. Ученый явно был очень увлечен возможностью заняться любимым делом и поэтому через два месяца вновь писал о делах в институте: "Я не помню, писал ли я Вам, что Секция славяноведения здешнего Исследовательского института языка и литературы получит около 1000 р. на издание Этнографической карты славянства". Но спокойно возрождать и разрабатывать славистические изыскания ученым, приверженцам традиционного славяноведения было не дано. Новое поколение их классово зорких коллег внимательно следило за соотношением сил на научном фронте. Через месяц после написания цитированного письма Ильинский не только сообщал о продвижении работ Секции славяноведения, но и писал о злоключениях возглавлявшего ее Селищева: "Мы уже приступили к составлению Этнографической карты славянства. Здешние коммунисты травят книгу А.М. Селищева об языке революционной эпохи. Несмотря на поразительную объективность автора, один рецензент даже осмелился обвинить А.М. в "тоске по старому дворянскому языку" (sic !!!)"¹¹.

С приближением года "великого перелома", положение в академической науке и в сфере высшего образования стало стремительно ухудшаться. Ильинский не мог не отреагиро-

вать на начавшуюся кампанию по покорению Академии наук. "У нас злорадия, — писал он еще летом 1928 г. Попруженко, — выборы в Академию наук. На днях должен появиться список кандидатов в академики, намеченных разными организациями и учреждениями. Из них громадное большинство марксисты или примыкающие к ним"¹². И вновь менее чем через две недели: "У нас злорадия дня выборы новых 40 академиков, т.н. общественные организации выставляют преимущественно коммунистов и марксистов"¹³. Откровенный нажим власти, добивавшейся проведения "своих" кандидатур, вызвал отпор со стороны группы академиков, возглавленной В.И.Вернадским. Жесткая реакция последовала незамедлительно, свои впечатления о ней Ильинский в феврале 1929 г. описывал Ляпунову: "На меня крайне удручающе подействовала травля Академии наук — только за то, что часть ее наиболее достойных членов позволила себе в совершенно законных рамках "сметь свое суждение иметь". Вчера мы здесь торжественно отпраздновали 100-летие смерти Грибоедова, но имели ли мы на это нравственное право, когда производство Фамусовых и Молчалиных достигло у нас фабричных размеров и когда даже Академия наук лишена права свободно высказывать свои мнения?"¹⁴.

За ущемлением свободы науки последовала "революционизация" преподавания, сведенная к его упрощению. Это уже непосредственно ударило по старым профессорским кадрам. Весной того же года Ильинский, поздравляя Ляпунова с Пасхой, сообщал: "Вообще в здешних академических кругах царит сейчас очень тягостное настроение: предстоящие пере- выборы профессуры, слухи о реформе РАНИОНа, новый натиск марровских молодцов, усиление общего политического нажима — все это создает скорее "страстное" настроение, чем "пасхальное". Никто не знает, что день грядущий нам готовит"¹⁵. Новыи реформы больно задели целые отрасли знания, и славяноведение сразу же оказалось в немилости. В декабре 1929 г. Ильинский с грустью писал Ляпунову: "И у нас, в Москве, происходят невеселые вещи. Еще среди осени, на полном ходу занятий, на нашем факультете закрыли "Славянский цикл", на который я собственно и был приглашен из

Казани; но все-таки почти все курсы перевели в Восточнославянское отделение, и мы надеялись просуществовать по крайней мере до лета. Но теперь в связи с немедленной перестройкой четырехгодичного курса на трехгодичный, производится грандиозное сокращение учебного плана. Одной из первых жертв оказалась славистика: из многих курсов оставлен только польский язык, чего, конечно, недостаточно даже для одного штатного слависта. Поэтому, если постановление комиссии будет утверждено деканом и если трехгодичная учеба будет введена уже с 1 января, то до нового года мне придется начать хлопоты о переводе меня на пенсию. Так, наш "Славянский цикл" отжил, не успевши расцвести..."¹⁶.

Ильинский на собственной судьбе и на судьбе славяноведения ощутил решительные шаги советской культурной революции. Волею за перевыборами профессуры вскоре последовали новые акции по выталкиванию профессионалов старой школы, цвета оставшейся в стране профессуры из высшей школы. О развитии событий в Московском университете Ильинский в марте 1930 г. писал Ляпунову в Ленинград: "Хуже дело обстоит с нами. Как я писал Вам, с введением трехгодичного курса славистика в I МГУ подверглась полному разгрому, но все-таки была бы полная возможность дотянуть до осени, если бы не следующее обстоятельство: со второй половины марта здесь начинается великий поход против "нейтральности" и "аполитичности" научных работников и вслед [за] этим великая инквизиция их убеждений. Из страха, что на этом "суде" публично начнут трепать мое имя, чтобы затем лишиться меня пенсии, на которую дает мне право моя почти 32-летняя академическая деятельность, и я решил подать в отставку ... в ближайшие недели"¹⁷.

Коллеги-филологи высоко ценили научные заслуги Ильинского. Еще в августе 1929 г. академик В.Н.Перетц, рассуждая в письме академику М.Н.Сперанскому о трех возможных кандидатурах на академическое звание среди филологов, отдавал предпочтение Ильинскому: "... а Гриша - хоть и чудак, но звезда, затмевающая их обоих по части изобрета-

тельности"¹⁸. В трудное время, наступившее для ученого, академики-слависты решили его поддержать, выдвинув в качестве кандидата на очередных выборах в Академию наук. Ляпунов в марте 1930 г. сделал Ильинскому соответствующее предложение. Ильинский, посоветовавшись со Сперанским, решился принять предложение, хотя и не питал особых надежд. Однако абсурдность ситуации заключалась в том, что ученый был вынужден всерьез думать о составе списка своих научных работ, учитывая при этом идеологические пристрастия партийных надзирателей над наукой. Он писал: "При сем прилагаю описок работ. Но не хочу скрывать от Вас моих опасений, - не поверит ли он мне? Когда тов. коммунисты увидят в нем всякие евангелия, апостолы, служебные мишеи, Афоны и пр., то, пожалуй, они придут в ужас и вообразят во мне пропагандиста религии. Поэтому я ничего не буду иметь против, если Вы сократите этот список по Вашему личному усмотрению. Мы, конечно, не откажемся вновь переписать его, если потребуются. Я, конечно, заранее знаю, что Марр скорее нагромоздит Пеллон на Осиз, чем допустит мою кандидатуру"¹⁹. Через несколько дней Ильинский вновь писал Ляпунову: "Конечно, я знаю, что предстоящие выборы представляют лотерею, где 99% билетов - черные, но мне все равно нечего терять: с 1 июля не только "Славянский цикл", но и все "Этнографическое отделение" Историко-философского факультета (а по другим сведениям, даже всего Историко-философского факультета I МГУ) прекращает свое существование; и мне во всяком случае придется перейти в совершенно новые условия жизни..."²⁰.

К концу апреля 1930 г., учитывая складывающуюся обстановку, Ильинский принял окончательное решение: "В пятницу на прошлой неделе я подал прошение об освобождении меня от должности профессора I МГУ с 1 июля. Другого выхода не было, т.к. окончательно выяснилось, что в будущем учебном году от славистики останутся только "ножки да рожки", т.е. (с ?) 2 часа польского языка. Ну, а этого мало даже для одного А.М.Селищева. Вместе со мною выйдут в ти-

рах преподавателя П.П.Свешников (ученик Щепкина) и А.И.Павлович (ученик Францева), а также лекторы польского языка (Розенталь), чешского (Грулин), сербского (Добровольский) и болгарского (Калинкоева). Все они взяты были в свое время из Интернационала.

С мая и мне придется начать хождение по пенсионным мукам. Что касается моих перспектив в Академии наук, то я, конечно, сам смотрю на создавшуюся ситуацию трезво и несколько не самообольщаюсь напрасными надеждами [...]. Но меня удивляет одно: если при выборе действительных членов в Академию общественная деятельность кандидатов играет большую роль, чем научные заслуги, то почему не переименуют Академию наук в "Академию общественной деятельности"? Это было бы последовательнее и ... честнее²¹. В мае Ляпунов составил необходимую для баллотировки в академию записку об ученых трудах Ильинского, ее подписали также академики Е.Ф.Карский, В.М.Истрин и В.Н.Перетц²². Уйдя из университета, Ильинский даже испытывал определенное облегчение, кроме того, его академическая пенсия превосходила размеры прежнего заработка. "Таким образом, - писал он в августе Ляпунову, - материально я даже выигрываю, но еще более я выигрываю морально. Ведь в последнее время преподавание в вузе стало котинной мукой, и, по существу, уже давно превратилось из научной лаборатории, какой оно должно быть в идее, в самое грубое и поверхностное натаскивание. Теперь, пользуясь полным досугом, я получаю возможность всецело отдаться научной деятельности, которая остается единственным утешением в суровые дни нашей жизни"²³.

Обстановка, складывавшаяся вокруг выборов в Академию, все больше подталкивала ученого к выходу из этой игры. Ильинский писал 14 сентября Ляпунову: "Я твердо решил еще до конца этого месяца отказаться (письменно) от своей кандидатуры в Академию наук, только не знаю, на чье имя я должен послать свое отречение, на имя ли Волгина или избирательной комиссии. Конечно, очень грустно открывать дорогу таким беспардонным карьеристам, как Державин, но что делать! В наше время только таким людям честь и место!

А мне добиваться этой чести это значит "преть против рожна"²⁴. Ляпунову удалось уговорить Ильинского повременить, уверенность Ляпунова хотя и не убедила ученого, но произвела на него сильное впечатление. Уже 29 сентября Ильинский отвечал: "Я до глубины души тронут, дорогой Борис Михайлович, что Вы все еще не отказываетесь от явно безнадежного дела провести меня в Академию. Ведь нет никакого сомнения, что у меня явятся сильнейшие противники не только в самой Академии, но и вне ее, и что последние только ждут случая, чтобы начать травлю против меня. Начало ее уже положил один из здешних марровских "молодцов" "кавказовед" Н.Ф.Яковлев, который еще в августе напечатал в газете "За коммунистическое просвещение" возмутительную статью, призывая сторонников марксизма и яфетизма сплотиться против индоевропейцев и начать персональную атаку на них, как "подкулачников" (!!!). В частности, он задел в этой статье М.Петерсона, Д.Бурриха и особенно меня"²⁵. Ильинский оказался прав в своих предчувствиях. В конце года в Москве состоялось обсуждение кандидатур в академики и в результате, как писал Ильинский, "отвели и меня, как "ярого индоевропейца", "игнорирующего социологический метод" и "нежелакшего перестраиваться на новые рельсы" [...]. После этого судилища мне стало окончательно ясно, что выборы новых академиков будут представлять одну недостойную комедию. Если я не снимал до сих пор своей кандидатуры, то лишь потому, что у меня была надежда, что Волгин сохранил еще искру совести и не будет мне, по крайней мере, мешать. Но после Вашей последней открытки я и здесь убедился в своей наивности. Поэтому третьего дня я послал на имя В.П.Волгина официальное заявление об отказе от своей кандидатуры. Согласитесь, настаивать теперь на своих правах значило бы только "прать против рожна" и причинять лишние неприятности и себе, и тем, которые имели великодушные выдвинуть меня в число кандидатов. Так как будущие новые академики (и Подхалюзины от науки) Каринский, Деркавин и Орлов не станут ратовать за "Праславянскую грамматику", то

мне придется в ближайшее время вытребовать ее обратно"²⁶.

В данной публикации мы не будем касаться всех перипетий многолетней безуспешной борьбы Ильинского за издание его "Прославянской грамматики" – это специальная большая тема, к тому же в общих чертах уже описанная²⁷. Очень глубоко были принципиальные разногласия Ильинского и главы маркочотской лингвистической науки академика Н.Я.Марра. Очевидно, последний знал о той личной неприязни, которую испытывал к нему Ильинский. Ученый не считал нужным скрывать свое мнение о "новом учении о языке", самого же Марра он оледующим образом характеризовал в письмах Ляпунову: "Это не вице-президент, а какой-то турецкий паша в своем папашке!"²⁸.

Образование под руководством Н.С.Державина Института славяноведения не улучшило положения в области славянской филологии, традиционно остававшейся основой этой отрасли гуманитарного знания. Заметим, кстати, что при специальном обсуждении в Институте славяноведения 18 ноября 1931г. вопроса "о приглашении к сотрудничеству в Инславе русских славяноведов Селищева и Ильинского" было принято решение: "От приглашения к сотрудничеству в Инславе и его трудах славяноведов Селищева и Ильинского воздержаться"²⁹. Искоренение славянской филологии продолжалось. "Как Вы, вероятно, уже знаете по рассказам М.Н.Сперанского, славистика в здешнем университете окончательно погибла. Вследствие поднятой против него дикой травли А.М.Селищев принужден был недавно оставить университет", – писал Ильинский Ляпунову весной 1932 г. Летом того же года дал весьма нелестную оценку одному из ведущих сотрудников Института славяноведения. Думая о судьбе славистики, Ильинский размышлял о той пагубной роли, которую могут играть подобные люди для науки: "В успехи занятий Кораблева славистикой я не верю. Человек, который еще недавно состоял окретарем ультра-монархического Славянского благотворительного общества, а также помощником главного редактора Правительственного вестника, человек, воевавший даже с неославизмом, как со слишком либеральным движением, объявляет те-

перь себя чуть [ли не] стопроцентным марксистом и собирается в этом диаметрально противоположном своим прежним убеждениям направлении разрабатывать вопросы славистики! Мне кажется, что с таким прошлым и с такой психологией можно только насиловать науку, а вовсе не двигать ее вперед!"³⁰

Свое же положение ученый описывал следующим образом: "Не удивляйтесь моей продуктивности: я ведь в настоящее время нигде не служу, и весь свой досуг (который остается после стояния в разных очередях, разысквания продуктов и т.п.) могу всецело отдавать научной деятельности, в которой к тому же нахожу некоторое забвение от тяжелых переживаний нашей жестокой действительности"³¹. Кстати заметим, что Ильинский в 1930-1931 гг. на родине смог опубликовать только 5 работ, за границей же - 33, в 1932-1934 гг. в СССР не вышло ни одной его статьи, за рубежом - 20.

Многие коллеги Ильинского в эти годы или были уволены с работы, или вынуждены были хлопотать о выходе на пенсию. Наука несла невозполнимые потери. Неустроенность жизни, постоянная травля ускорили конец многих выдающихся ученых-славистов. Смерть известного русского лингвиста А.М.Пешковского вызвала горестные размышления Ильинского о судьбе отечественной гуманитарной науки. В письме 31 марта 1933 г. он писал Ляпунову: "Грустно видеть, как ветераны нашей науки уходят один за другим со сцены, оставляя после себя буквально пустое место. Если так будет продолжаться дальше, то скоро наша наука фактически вымрет"³². Русское славяноведение ожидали тяжелейшие удары, ускорившие его (во всяком случае его лингвистической части) почти полное уничтожение. Тогда же начались аресты по сфабрикованному ОПУ делу "Русской национальной партии", получившему название "дело славистов". Сам Ильинский был арестован 11 января 1934 г., из заключения он уже не вернулся.

Судьба Г.А.Ильинского, его взгляды 20-30-х годов - наиболее яркий пример во многом типичного положения ученых-славистов старой школы и восприятия ими трагического периода в истории русского славяноведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Робинсон М.А. Государственная политика в сфере науки и отечественное славяноведение 20-х годов // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, М., 1991. С.111-134.
2. Куравлев В.К. Григорий Андреевич Ильинский (1876-1937). М., 1962. С.
3. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ФФ АРАН). Ф.172. Оп.1. Д.130. Л.6.
4. Там же. Ф.752. Оп.2. Д.117. Л.103, 103 об.
5. Там же. Л.106.
6. Там же. Л.109.
7. Там же. Л.110. 110 об.
8. Там же. Л.120.
9. Там же. Л.162.
10. Българо-руски научни връзки XIX - XX век. Документи. София, 1968. С.135.
11. ФФ АРАН. Ф.752. Оп.2. Д.117. Л.171, 174 об., 173 об.
12. Българо-руски научни връзки... С.138.
13. Там же. С.139.
14. ФФ АРАН. Ф.752. Оп.2. Д.117. Л.197.
15. Там же. Л.208 об.
16. Там же. Л.242, 242 об. Об истории "Славянского цикла" см.: Горяинов А.Н. Цикл южных и западных славян МГУ (1927-1930) // Пятьдесят лет исторической славистики в Московском государственном университете. М., 1989. С.13-33.
17. ФФ АРАН. Ф.752. Оп.2. Д.117. Л.254 об., 253 об.
18. Там же. Ф.172. Оп.1. Д.226. Л.237.
19. Там же. Ф.752. Оп.2. Д.117. Л.258-259.
20. Там же. Л.260, 261.
21. Там же. Л.267, 267 об.
22. Куравлев В.К. Григорий Андреевич Ильинский... С.32.
23. ФФ АРАН. Ф.752. Оп.2. Д.117. Л.279.
24. Там же. Л.283, 283 об.
25. Там же. Л.285 об.
26. Там же. Л.295 об. - 296 об.
27. Куравлев В.К. Григорий Андреевич Ильинский...; Он же. Из неопубликованной "Праславянской грамматики" Г.А.Ильинского // Вopr. языкознания. 1962. № 5. С.122-129.
28. ФФ АРАН. Ф.752. Оп.2. Д.117. Л.337 об.
29. Там же. Ф.220. Оп.1. Д.7. Л.17 об.
30. Там же. Ф.752. Оп.2. Д.117. Л.359-359 об.
31. Там же. Л.353.
32. Там же. Л.375.

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ К.А.ПУШКАРЕВИЧА

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (прежде - Ленинградском отделении Архива АН СССР) в фонде академика Н.С.Державина хранится черновик неопубликованной статьи слависта Константина Алексеевича Пушкаревича "Славянские языки в ЛИФЛИ" (Ф.827. Оп.5. Д.133. Л.1-5). Автор статьи занимался славянской историей и филологией, читал лекции на филологическом факультете ЛГУ, затем в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики, являлся сотрудником Института славяноведения АН СССР в Ленинграде (1931-1934)¹. В статье подчеркивается культурно-политическое значение изучения славянских языков в СССР. Но для более точного понимания содержания статьи очень важно правильно определить дату ее написания. В архиве этот документ датирован началом 1930-х годов, однако имеющиеся в нем сведения позволяют несколько уточнить период его составления.

На первый взгляд датировка статьи началом 1930-х годов вполне оправдана, так как логично было бы предположить, что она написана сразу после создания института для ознакомления научной общественности с задачами нового учреждения. Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ) возник на базе историко-лингвистического факультета ЛГУ в 1930 г. До открытия осенью 1931 г. Института славяноведения АН СССР славянские дисциплины присутствовали только в программах ЛИЛИ. Именно так могут быть истолкованы слова статьи о том, что Ленинградский историко-лингвистический институт "единственный центр изучения и преподавания славяноведения". Это высказывание на первый взгляд подтверждает раннюю датировку документа. Однако нужно учитывать следующие обстоятельства. Как следует из приписки, сделанной рукой академика Н.С.Державина в конце текста², статья предназначалась для "Известий Академии наук СССР" по Отделению общественных наук. Но данное издание с подзаголовком "Отделение общественных наук" начало выходить

в 1932 г. Аббревиатура "ЛИФЛИ", указанная в заглавии статьи, появилась еще позже, в 1933 г., после включения в институт философского факультета³. Следовательно, датировка статьи отодвигается к 1933 г. Но и она вряд ли может считаться окончательной.

Частично приведенная выше фраза о том, что "ЛИФЛИ становится и единственным центром изучения и преподавания славяноведения", с большой вероятностью может восприниматься как написанная после закрытия в июне 1934 г. Института славяноведения в Ленинграде, но до организации в сентябре того же года в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ) литературно-лингвистического факультета, где изучались и славянские языки. Тем, что в области славяноведения ЛИФЛИ старался воспринять и воплотить идеи ликвидированного Института славяноведения, объясняется, по всей вероятности, повторение в статье Пушкаревича некоторых положений из статей Н.С.Державина об организации советского славяноведения⁴.

Учитывая приведенные выше аргументы, можно предположить, что наиболее вероятное время написания статьи К.А. Пушкаревича - лето 1934 г.

Автор статьи был славистом новой, послереволюционной формации, разделявшим господствовавшие в науке и обществе представления. Отсюда понятна идейно-политическая окраска и традиционная для того времени фразеология.

Публикация подготовлена Е.П.Аксеновой

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ЛИФЛИ

ЛИФЛИ является единственным в Союзе высшим учебным заведением, где среди прочих языков народов СССР и зарубежных стран изучаются языки и славянских народов — польский, болгарский, сербский и др.⁶ Учебные планы ЛИФЛИ предполагают включение в круг изучаемых языковых дисциплин не только языков живых славянских народов, но и их литератур. Польская литература и сейчас является предметом преподавания.

Таким образом ЛИФЛИ становится и единственным центром изучения и преподавания славяноведения, т.е. изучения группы славянских народов в их языковых, литературно-художественных, бытовых и социальных проявлениях.

После империалистической войны интерес к изучению славянства замечается почти во всех странах Европы. Организуются для этой цели специальные институты во Франции, Германии, Италии, при соответствующих факультетах университетов создаются кафедры славяноведения — в Англии, Испании, в Колумбийском университете С.А.С.Ш.⁷ (Л.І). Интерес буржуазной науки на Западе к вопросам славяноведения понятен в политической обстановке послевоенной Европы. В результате империалистической войны и последовавших за ней революций образовались новые самостоятельные политические единицы — Польша, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев — нынешняя Югославия, которые в сложной политической и экономической обстановке, в условиях мирового кризиса капитализма ищут ориентации на ту или иную "великую" державу. Последние, в свою очередь, стремясь расширить сферу своего влияния, втягивают в орбиту своих интересов новообразовавшиеся славянские политические единицы. Интерес к изучению языков и литератур славянских народов таким образом понятен само собой. Все усиливающаяся мощь Советского Союза и то громадное и пристальное внимание, с которым следят за жизнью нашего Союза на Западе, успехи нашей внешней политики привлекают симпатии и интерес широких

кругов общественности в Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии. Русский язык начинает усиленно изучаться. В нелегальных рабочих кружках Югославии изучается (л.2) русский язык и литература.

Изучение славянских языков у нас в Советском Союзе приобретает громадное культурно-политическое значение, в особенности в данный момент. Буржуазная наука на Западе, до сих пор не вышедшая из круга формально-филологических изучений⁸, переживает в области лингвистики, как и в других областях, затяжной кризис. Целый ряд данных неопровержимо свидетельствует об интересе среди революционно настроенных кругов буржуазной интеллигенции на Западе, не говоря уже о славянских странах, к советской науке, к ее громадным достижениям, к марксистско-ленинскому методу, применение которого создает новую эру и в лингвистике, и в литературоведении⁹.

Таким образом, введение в круг изучаемых в ЛИФЛИ дисциплин славянских языков имеет громадное политическое значение. Не нужно забывать, кроме того, что на территории Советского Союза живут поляки - 782.334 ч. по последним статистическим данным, болгары - III.296 ч., чехи и словаки - 27.123, изучение языка которых помимо чисто научного интереса имеет (л.3) и значение для строительства новой жизни¹⁰.

Царское правительство игнорировало, не замечало славян, живущих в пределах России, хотя представители славяноведения и патриотически настроенные публицисты не переставали призывать к защите "братьев славян"¹¹. Октябрьская революция освободила многочисленные народы, населяющие Россию. Политика Советской власти в области национального вопроса дала мощный толчок к развитию национально-культурной жизни народов бывшей царской России и успехи, которые сделали они, руководимые партией и в единении с пролетариатом всех братских республик Советского Союза, в области культуры ярки и ощутимы.

Изучение славянских языков в нашем Институте несомненно создаст новые кадры лингвистов-славистов, которые своим знанием живых славянских языков, вооруженные марксистско-

ленинским методом, расчистят пути для новой науки о языке¹² в таких областях лингвистики, которые особенно были засорены мертвым хламом филологического формализма, и помогут тем самым славянским народам Союза в их культурном строительстве (л.4).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее о К.А.Пушкаревиче, его жизненном и научном пути см.: Аксенова Е.П., Горяинов А.Н., Молок Ф.А. Константин Алексеевич Пушкаревич // Славяноведение (в печати).
2. "Бусыгин дал очень лестный отзыв о статье Пушкаревича, но она не была помещена в Известиях ООН" (имеется в виду "Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук" // ПСА РАН. Ф. 827. Оп. 5. Д. 133. Л. 5. А.А.Бусыгин был членом редколлегии данного издания. В 1936 г. он был объявлен "врагом народа" // Вестник АН СССР. 1937. № 1. С.7.
3. См.: Логачев К.И. Славистика в Петроградском-Ленинградском университете в годы советской власти // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межузовский сборник. Вып. VI. Л., 1988. С.53.
4. Ср., например: Державин Н., Кораблев В. Институт славяноведения (Инслав) // Вестник АН СССР. 1932. № 1. стлб. 37-40.
5. Автор статьи не указан. Атрибуция проведена на основании приписки Н.С.Державина (см. сноску 2).
6. К началу 1930-х годов прекратилось преподавание славистических дисциплин на гуманитарных факультетах университетов и сами факультеты были закрыты.
7. Северо-Американские Соединенные Штаты.
8. Стремясь к созданию методологически новой науки, но при этом зачастую отстаивая позиции вульгарного социологизма в изучении языков и литератур, многие советские ученые, не признавая достижений формально-филологического метода, отрицательно относились к дореволюционной отечественной филологии, а также к "формалистическим" исследованиям западных ученых в этой области.
9. Упрощенно понятая марксистско-ленинская методология в филологии чаще всего связывалась с внедрением в славистику "нового учения о языке" Н.Я.Марра, которое нанесло немалый вред развитию научных знаний. Подробнее об этом см: Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
10. Имеется в виду культурная революция, затрагивающая интересы национальных меньшинств СССР и связанная с вопросами национальных языков, литератур, школ, изданием словарей, азбук и т.п.
11. Советские слависты ставили перед собой задачу переосмысления достижений старого славяноведения, которое, по их мнению, обслуживало "реакционную" славянскую политику самодержавия (см.: Державин Н. Институт славяноведения Академии наук СССР (Итоги научно-исследовательской работы) // Борьба классов. 1934. № 2. С.115; Державин Н. О филоло-

гическом формализме и марксистско-ленинской методологии // Вестник АН СССР. 1931. № 10. Стлб. 42-44; Димитров Д. Славянская филология на путях фашизации // Язык и мышление. 1935. № 5. С. 126.

Между тем Пушкаренич здесь занимает явно более благожелательную позицию по отношению к русским славяноведам и части публицистов.

12. Имеется в виду языковедение, основанное на теориях Н.Я.Марра.

13. Статья осталась ненапечатанной. По всей вероятности, ее опубликование казалось "несвоевременным" в период преследований славистики и славистов (см.: Горяинов А.Н. Славяноведы - жертвы репрессий 1920-1940-х годов: Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Сов. славяноведение. 1990. № 2. С. 78-89).

ДОКУМЕНТЫ К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
40-Х ГОДОВ XX В.

Ниже публикуются отчеты В.И.Пичеты о работе возглавлявшегося им Сектора славяноведения Института истории АН СССР за 1943, 1944 и первое полугодие 1945 г. о дополняющим их отрывком из отчета за январь-июнь 1945 г. и развернутым планом на 1945 г., а также отрывок из письма одного из ближайших сотрудников академика Н.С.Державина В.Т.Дитякина к своему руководителю от 25 октября 1946 г. Рукописи отчетов хранятся в архиве Института славяноведения и балканистики РАН в коллекции материалов, относящихся к деятельности В.И.Пичеты; письмо В.Т.Дитякина - в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН /Ф.827. Оп.4. Д.185. Л.4-6об./.

Отчеты написаны от руки характерным, весьма неразборчивым почерком В.И.Пичеты, синими чернилами, на оборотных сторонах четвертушек использованных ранее бумажных листов. Отдельные слова разобрать не удалось, что каждый раз отмечается в тексте и оговаривается в примечаниях. В примечаниях указаны и явные фактические ошибки, вкравшиеся в отчеты; в текстах эти ошибки в большинстве случаев публикаторами исправлялись. В рукописи отчета за 1943 г. отсутствует несколько страниц, что также оговорено в примечаниях.

Предлагаемые вниманию исследователей документы существенно дополняют разрозненные публикации источников о состоянии советского славяноведения в годы Великой Отечественной войны и непосредственно после ее окончания. Подробно раскрывая деятельность ведущего центра советских славистических исследований военных лет - Сектора славяноведения Института истории и давая представление об истории организации московского Института славяноведения, они позволяют понять, какая связь существовала между послевоенной и довоенной советской славистикой. Вместе с тем на основании публикуемых документов можно составить довольно полное представление о той напряженной научной и публицистической работе, которая велась славистами в годы войны, о кадрах работавших в СССР славяноведов, о роли

В.И.Пичеты в развитии советского славяноведения. Именно тогда определялась будущая тематика Института славяноведения, основные методологические подходы со всеми присущими тому времени идеологическими недостатками.

Из документов видно, как В.И.Пичета сумел объединить в Секторе славяноведения историков разных национальностей, в том числе зарубежных исследователей из Чехословакии, Польши, Югославии. Они показывают, что в сложнейших условиях Великой Отечественной войны руководитель Сектора сумел создать в своем коллективе действительно творческую атмосферу, в которой в тяжелые военные годы успешно росли и развивались ученые, составившие впоследствии костяк Института славяноведения или успешно трудившиеся в зарубежных славянских странах.

Весьма любопытны отразившиеся в документах характерные детали быта ученых военных и первых послевоенных лет, взаимоотношений в научном мире того времени. Публикуемые документы содержат упоминания о большом числе исследований, подготовленных крупными историками-славистами, но не вышедших по разным причинам в свет и неизвестных славяноведам. Публикаторы надеются, что представленные документы привлекут внимание специалистов и историков науки к этим работам. Наконец, совершенно неизвестен зафиксированный в письме В.Т.Дитякина факт поездки советских ученых в поверженную Германию для отбора "трофейных" материалов в архивах и библиотеках. Кроме того, письмо освещает закулисную подоплеку основания Института славяноведения. В случае подтверждения другими архивными материалами из широко открывшихся в последнее время хранилищ, оно сможет внести значительный вклад в выработку нового взгляда на вопросы истории организации Института славяноведения в Москве.

Публикация подготовлена А.Н.Горяиновым и М.Ю.Досталь

О Т Ч Е Т
о деятельности Сектора славяноведения
за 1943 год

Выступая перед Сектором славяноведения с годовым отчетом о работе его научных сотрудников, я прежде всего хочу отметить, что с момента его образования в 1938 г. Сектор славяноведения много сделал для возрождения в нашем Союзе изучения истории славянских народов. Сектор оправдал свое существование уже тем, что с начала второй Отечественной войны принял деятельное участие в большой работе по популяризации в советской общественности знаний по истории славянства. В этом отношении сотрудниками Сектора славяноведения выполнена громадная работа. С одинаковым усердием сработали как Московская группа под руководством З.Р.Неедлы, так и Ташкентская группа под руководством В.И.Пичета. Рассматривая работу Сектора в течение прошедших четырех лет, я не могу не отметить большую научную деятельность З.Р.Неедлы. Его пребывание в Советском Союзе было для нашего небольшого Сектора очень ценным. З.Р.Неедлы был нашим другом и помощником в нашей начавшейся работе по изучению истории славян. Я думаю, что Сектор славяноведения выполнил с честью то доверие, которое ему было оказано Президиумом Академии Наук СССР и Дирекцией Института Истории АН СССР.

Наш небольшой крошечный сектор не был "пустым" билетом в течение истекших четырех лет с момента его возникновения. Я с полной ответственностью заявляю, что Сектор славяноведения заложил фундамент для того, чтобы советское славяноведение могло в дальнейшем развиваться и крепнуть.

Я с радостью отмечаю, что общая обстановка на фронте позволила обеим группам Сектора славяноведения объединиться и продолжить совместно свою большую и полезную работу. Мой отчет за 1943 год наглядно свидетельствует о той большой работе, которая была выполнена Сектором славяноведения.

1. Состав Сектора

В 1943 г. в состав научных работников Сектора славяноведения входили: член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета, профес/cop, действительный член Пражской АН З.Р. Неедлы, кандидат исторических наук Д.С. Густинчич, Р./К./ Караколов, Б.Т. Горянов, Н.С. Лебедев, Л.В. Разумовская, исп/ольняющий/обязанности/ научного работника Д.И. Влахов, д/октор/р Ж.М. Корман, аспиранты: тт. В./Д./ Королук, Г./Э./ Санчук, А.К. Целовальникова, Н./П./ Франич, /С.Ш./ Гринберг, Ф./Т./ Константинов и докторант /С.И./ Зинич. В работах Сектора славяноведения принимали деятельное участие ак/адемик/ Ю.В. Губье, член-корреспондент АН СССР С.К. Богоявленский, доктор истор/ических/ наук М.Н. Тихомиров, канд/идат/ истор/ических/ наук М.А. Тихонова, член-корреспондент АН СССР Е.А. Коосминский, действительный член научно-исследовательского института в Молдавии тов. /Н.А./ Нарцов².

До половины июня 1943 г. Сектор славяноведения по месту нахождения его научных работников был разделен на две группы - Ташкентскую и Московскую. Во главе первой стоял В.И. Пичета, вторая возглавлялась З.Р. Неедлы. С момента объединения обеих групп руководителем Сектора славяноведения был утвержден Дирекцией Института Истории В.И. Пичета, а его заместителем З.Р. Неедлы. Объединение двух групп, несомненно, позволило усилить работы Сектора славяноведения.

II. Плановая работа

Научные сотрудники Сектора славяноведения работали над двумя плановыми темами - "Балканские государства между двумя войнами" и "Ужные славяне и Россия в их культурных и политических отношениях".

В первом сборнике, о балканских государствах, общее руководство которым было возложена на З.Р. Неедлы, принимали участие: З.Р. Неедлы, Р./К./ Караколов, Н./П./ Франич, Д.И. Влахов и тов. /А.Ф./ Миллер из состава сотрудников ташкентского Института. В настоящее время все статьи за исключ/ением/ статьи о Турции отданы мне и находятся на

редакции З.Р.Неедлы. Статья эта будет подготовлена в конце декабря тов. А.Ф.Миллером.

Второй сборник был начат в Ташкенте. Его план был разработан в Москве московской группой и был пересмотрен и дополнен в иле 1943 г. после состоявшегося объединения обеих групп.

В сборнике статей "Южные славяне и Россия" приняли участие все сотрудники Сектора: В.И.Пичета, Р.К.Караколов, Н.П.Франич, тов. С.Ш.Гринберг, тов. С.И.Зинач, Д.И.Влахов, Д.С.Густинчич при содействии гг. С.К.Богоявленского, М.Н.Тихомирова, докт/оранта/ С.А.Никитина, ак/адемика/ Н.С.Державина и др. Часть статей уже поступила. Около 20-х чисел декабря все статьи будут представлены авторским коллективом.

Статьи для обоих сборников следует причислить к научно-исследовательским, так как тематика статей совершенно новая, почти совсем не разработанная в советской исторической литературе.

Третья плановая работа - это "История Польши" т.П, с 1799-1863 гг., 26 п.л. К концу декабря 1943 г. вторая часть "Истории Польши" будет полностью закончена.

Таковы итоги основных плановых работ Сектора славяноведения.

Ш. Кадрн Сектора славяноведения

Кадрн Сектора славяноведения совершенно недостаточны. В случае отъезда на родину ряда товарищей - З.Р.Неедлы, Д.С.Густинчича, Д.И.Влахова Сектор лишится крупных специалистов, а молодых заместителей по их специальности в Секторе, к сожалению, не имеется. Необходимо увеличить кадры аспирантов по истории южных славян. Посл/едние/ представлены в Секторе крайне недостаточно.

В начале 1943 г. получили ученые степени кандидата исторических наук после защиты диссертаций следующие старшие научные работники: Д.С.Густинчич, Л.В.Разумовская, Б.Т.Горянов, Н.С.Лебедев. В их лице Сектор славяноведения приобрел вполне квалифицированных работников по истории славян южных и западных и Византии (Б.Т.Горянов и Н.С.Лебедев).

IV. Научные доклады

Большое место в своей работе Сектор славяноведения уделял научным докладам и подробному рассмотрению работ, подготовленных научными работниками Сектора славяноведения.

Тематика докладов была оледующая:

I. Задачи советского славяноведения

З.Р.Неедли

2. Прохождение Югославии

Н.П.Транич

3. Обсуждение диссертации Д.С.Густинича

В.И.Пичета и Е.И.Рубинштейн

4. Обсуждение диссертации Б.Т.Горянова

В.И.Пичета, Е.А.Косминский,

М.А.Тихонова, Н.С.Лебедев (два заседания)

5. Обсуждение диссертации Н.С.Лебедева

В.И.Пичета, С.К.Богоявленский,

М.А.Тихонова

6. О работе Д.С.Густинича "История Хорватии"

В.И.Пичета

7. О работе Б.Т.Горянова "Очерк по истории Черногории"

В.И.Пичета и С.К.Богоявленский

8. Бисмарк и польский вопрос

Ак/адемик/ К.В.Готье

9. Обсуждение диссертации Н.С.Лебедева

В.И.Пичета, С.К.Богоявленский

10. Васильевский В.Г. как историк южнославянско-византийских отношений

Н.С.Лебедев

II. Развитие польской исторической науки

В.И.Пичета

12. Вступительная глава к сборнику "Балканские государства между двумя империалистическими войнами"

З.Р.Неедли

13. Пруссия и польское восстание 1832-1834 гг.

В.И.Пичета

14. Аграрный вопрос по Сталину
Ц.С.Телицына
15. Византия, положение в XI в.
Н./В.Лигулевская
16. Карл Гавличек
А.К.Целовальникова
17. Классовая борьба в Византии в VII в. (совместно с Сектором истории средних веков)
Н./В.Лигулевская
18. Немецкая агрессия в славянском фольклоре
М.Гринолат
19. Обсуждение статьи Н.П.Франича "Югославы"
Д.С.Густинич, Д.И.Влахов, Э.Р.Неелдн
20. Обсуждение статьи Д.И.Влахова "Албания"
Э.Р.Неелдн, Н.П.Франич, В.И.Пичета, Р.К.Караколов
21. Обсуждение статьи Д.И.Влахова "Греция"
Э.Р.Неелдн, Н.П.Франич, Д.С.Густинич
22. Обсуждение статьи Р.К.Караколова "Болгария"
Э.Р.Неелдн, Н.П.Франич, Д.С.Густинич
23. Македония и македонский вопрос (до воссоединения)
Д.И.Влахов
24. Балканский союз
Д.С.Густинич
25. Открытый доклад аспиранта Ф./Т.Жонстантинова "Тринвальдская битва 15.VII.1410 г. (историографический обзор)
26. Происхождение Молдавского государства
т/ов./ Н.А.Нарцов
27. Обсуждение программы диссертации докторанта тов. Зинича "Иллиризм"
28. Сербия во второй половине XIX в.
С.К.Богоявленский

У. Производственные совещания

Производственные совещания были посвящены: а) обзору работ московской и ташкентской группы в первой половине

1943 г.; б) обсуждению программы сборника "Византиноведение и Византия"; в) обсуждению пятилетнего плана Сектора славяноведения; г) обсуждению годового отчета о деятельности Сектора славяноведения за 1943 год; д) обсуждению текущих производственных вопросов.

VI. Напечатанные работы Сектора славяноведения

1. Вековая борьба южных и западных славян с немецкими агрессорами по ред/акцией/ З.Р.Неедлы (выходит на днях)³.
2. "Образование государств славянских народов" под ред/акцией/ З.Р.Неедлы и В.И.Пичета со статьями акад/емиков/: Б.Д.Грекова, Ю.В.Готье, Н.С.Державина, З.Р.Неедлы, В.И.Пичета⁴.

VII. Общественная работа Сектора славяноведения

Следует также отметить, что научные сотрудники Сектора славяноведения вели большую общественную работу: ими было прочитано много лекций в воинских частях и других учреждениях, написаны статьи для передачи по радио. Они принимали участие в советской и заграничной славянской печати. Помимо этого они выполняли общественную работу по поручению партийной организации и Месткома.

Наконец, я должен отметить ту большую работу, которая была проделана М.Н.Тихомировым при подготовке к печати и при чтении корректуры сборника "Образование государств славянских народов".

VIII. Работы отдельных научных сотрудников

1. В.И.Пичета - подготовил труд "История Польши", ч. II (1795-1863).

Выполнены: "Юрий Крижанич".

"Южные славяне в русской историографии".

"Светозар Маркович и русские просветители"
(к концу декабря)

"Русский народ в борьбе с немецкой агрессией".
Предисловие к сборнику "Образование государств славянских народов".

"Югославия" для Ин/ститу/та этнографии.

"Борьба белорусского и украинского народа за свою свободу".

"Богдан Хмельницкий" для П/олитического/ у/п/ра/вления Красной Армии/.

"Богдан Хмельницкий" для Воен/ного/ Изд/атель-ства/.

"Критический отзыв о работе Б.Д.Грекова:

"Борьба Руси за создание своего государства".

"Даниил Романович" для ЦК ВКП(б).

Напечатано: "Богдан Хмельницкий". М., 1943⁵.

"Богдан Хмельницкий" (Спутник агитатора Красной Ар/мии, 1943/, № 31)⁶.

"Борьба украинского и белорусского народа за свою свободу" (Вестник Ака/демии/ Наук СССР, 1943/, № 9[-10]).

"Отзыв о книге Б.Д.Грекова "Борьба Руси за создание своего государства". М.; Л., 1942/. (Вест/ник/ АН СССР, 1943, № 11-12)⁷.

"Отзыв о книге "Нариси історії України". Уфа, 1942⁸.

"25-летие Советской Украины". (Истор/ический/ журнал, /1943/, № 10)⁹.

"Русский народ в борьбе с немецкой агрессией". (Вековая борьба...)"¹⁰.

Предисловие к сбор/нику/ "Образ/ование/ слав/янских/ госуд/арств"¹¹.

"Богдан Хмельницкий". Пропагандист Р.К.К.¹²

"Крах немецкой агрессии в 1918 г." (Моск/ов-ский/ бол/шевик/ от 14.XII.¹³

Статьи в сборнике "Вековая борьба"¹⁴.

"Образование польского государства" (Образование госуд/арств/ слав/янских/ народов)¹⁵.

"Отзыв о книге Брагина" (Знамя /1942, кн./ 1[-2])¹⁶.

Кроме того, были написаны:

отзывы о докторской диссертации Н.Г.Березкова, кандидатских: тов. Крастень, Л.С.Густинича,

Н.С.Лебедева, Б.Т.Горянова.

Помимо статей в воинских частях в Ташкенте, в Москве мною прочитаны следующие лекции:

1. Богдан Хмельницкий (Курсы политраб[отников] РККА).
  2. Борьба славян с немецкой агрессией. (В[оенно-п[олитическое] уч[илище]).
  3. Героическое прошлое русского народа (В[оенно-п[олитическое] уч[илище]).
  4. Гринвальдский бой (Выс[шие] парт[ийные] курсы).
  5. Богдан Хмельницкий. (Ц[ентральный] Д[ом] К[расной] А[рмии]).
  6. Борьба славян с немец[кой] агрес[сией] (2[и]л[ет] Д[ома] К[расной] А[рмии].)
  7. Борьба славян с немец[кой] агрес[сией] (Военное училище, Подольск).
  8. Борьба славян с немецкой агрессией (Воен[ная] школа - Курьяново).
  9. Две (Три) лекции о Богдане Хмел[ьницком] (Харьков).
  10. Три (Две) лекции "Вековая борьба славян с немецкими агрессорами" (Харьков)¹⁷
- [II]. "Александр Невский" (Курсы полит[ических] работ[ников] Р[абоче-]К[рестьянской] К[расной] А[рмии]).
Доклады.

Помимо докладов в Секторе славяноведения В.И.Пичета сделал доклад в "Отделении истории и филологии" АН СССР а) 25-ая [Годовщина] Советской Украины (Ташкент).

- б) Борьба белорусского народа за свою свободу (Ташкент).
- в) Богдан Хмельницкий (Москва).

Отредактированы

- а) "История Хорватии" Д.С.Густинича;
  - б) "История Черногории" Б.Т.Горянова;
  - в) "История Сербии" С.К.Богоявленского;
  - г) "Образование государств славянских народов" совместно с З.Р.Неедлы.
2. З.Р.Неедлы, будучи руководителем московской группы Сектора славяноведения, был инициатором и редактором сборника "Вековая борьба восточных и западных славян с немец-

кими агрессорами". Им же составлена и программа этого сборника, на днях выходящего в свет. З.Р.Неедлы был одним из редакторов журнала "Славяне" и в нем он напечатал несколько статей. Им же была опубликована интересная и ценная работа о Яне Колларе по случаю сто/пятидесяти/летия со дня рождения знаменитого видного деятеля чешско-славянского возрождения¹⁸. В сборнике "Вековая борьба" З.Р.Неедлы принадлежит ряд статей на ответственные темы, в частности "Гитлеризм [-злейший враг славянства]" и статья "Дранг нах Остен", в которой изложены [...]¹⁹ немецких захватчиков, начиная с УШ века. З.Р.Неедлы напечатал много статей в чешской газете, издаваемой в Москве²⁰. Им написано много статей для радио. В "Историческом журнале" З.Р.Неедлы напечатал ценное исследование о происхождении словаков²¹. В сборнике "Балканские государства между двумя войнами"²² З.Р.Неедлы принадлежит выдающаяся вводная статья, в которой автор раскрыл свои огромные знания о положении государств славянских народов на Балканах. З.Р.Неедлы выступал неоднократно о лекциями. Его доклад в Отделении истории и философии о значении музыки в истории русской культуры привлек к себе внимание советской общественности. Интересен и важен доклад З.Р.Неедлы "Задачи советского славяноведения".

3. С.К.Богоявленский, хотя и не является научным работником Сектора славяноведения, также принимал большое участие в работах Сектора: редактировал работу Б.Т.Горянова - "Очерк истории Черногории", Н.С.Лебедева - "В.Г.Васильевский об истории русско-византийских отношений" и принимал участие в качестве оппонента при защите Н.С.Лебедевым кандидатской диссертации. При этом С.К.Богоявленский написал следующие работы:

"Очерк истории Сербии" - 15 п.л.

"Россия и Сербия во второй половине ХУП в."

"Россия и Сербия в ХУШ веке" [...]²³.

5. Д.И.Влахов выполнил следующие работы:

а) по плану для сборника "Балканские государства между

двумя войнами" написал две статьи: "Албания" и "Греция".

Вне плана:

б) подготовил к печати исследование о характере общественного развития и революционных движений македонского народа.

Доклады:

В Секторе славяноведения был прочитан доклад "Македония и македонский вопрос" [...]²⁴.

8. Л. В. Разумовская подготовила к печати:

"Очерк истории прибалтийских славян";

"Хроника славян Гельмольда как исторический источник" (диссертация).

Кроме того, Л. В. Разумовская перевела на русский язык диссертацию Д. С. Густинича.

9. Н. С. Дебелев написал диссертацию на тему "В. Г. Васильевский об истории византийско-русских отношений" и сделал доклад на тему "Борьба болгар за свою свободу и культуру", "В. Г. Васильевский о русско-византийских отношениях".

IX. Аспирантура

В настоящее время Сектор славяноведения располагает группой аспирантов в составе: Н. П. Франича, В. Д. Королюка, Г. Э. Санчука, тов. С. Ш. Гринберг, А. К. Целовальниковой, т/ов. Ф. Т. Константинова, руководителями которых были проф/ессор, акад/емик З. Р. Неедлы, акад/емик Н. С. Державин и В. И. Пичета. Кроме того, в составе Сектора славяноведения имеется и докторант тов. С. И. Зинич.

Тов. Н. П. Франичем была выполнена значительная работа, когда он еще состоял в Секторе славяноведения как научный работник:

1) Написана статья в сборник "Балканские государства" Югославия - 4 п. л.

2) Написана статья в сборник "Взаимоотношения России и южных славян во второй мировой войне" - 2¹/₂ п. л.

3) Рецензирование трех статей для сборника "Балканские государства".

4) Сделан доклад на Секторе на тему "Образование Югославии" в марте месяце 1943 г.

5) Работал над своей диссертацией, собрал материал и написал 5 п.л.

Внеплановая работа. Мног²⁵ написаны:

- 1) Статьи в советскую энциклопедию "Югославия".
- 2) [Статья в советскую энциклопедию] "Хорватия".
- 3) Статьи для Славянского комитета "Пленум".
- 4) [Статья для Славянского комитета] 25 лет Югославии.
- 5) Статьи для фронтовых газет "Образование Югославии".

Тов. В.Д. Корольки приступил к своей аспирантской работе с I.X.1943 г. Он работал над темой "Хроника Мартина Галла", об источнике для изучения истории Польского государства в период раннего средневековья. В конце декабря на Секторе славяноведения тов. Корольки сделал свой отчетный доклад. Кроме того, тов. Корольки подготовил работу "Государство Готшалка XI в." на основе тщательного изучения хроники Гельмольда и Адама Бременского. Работа будет доложена в Секторе в январе 1944 г.

Г.Э. Санчук приступил к работе с I.XI.1943 г. Вместе с руководителем разработа[на] программа его аспирантского задания. Намечены следующие вопросы:

- 1) Хроника Козьмы Пражского как источник для изучения истории Чехии в период раннего средневековья.
- 2) "Majestas Carolinae".
- 3) Фрич Анджей Моджевский²⁶ и его социально-политическая программа.
- 4) Крестьянская реформа в Польше в 1864 г.
- 5) Феодальные отношения в Сербии в XIV в. ("Законник Стефана Душана").

Тов. С.Ш. Гринберг работал над своей диссертацией и подготовил для сборника "Россия и южные славяне" статью: "Россия и Болгария после Берлинского конгресса".

А.К. Целовальникова работала над своей диссертацией и выявила находящиеся в наших библиотеках источники и литературу вопроса. Т/ов. Ф.Т. Константинов прочел в Секторе доклад "Гринвальдский бой" (обзор историографии и источников).

Докторант С.И. Зинич оставил программу своей диссертации, которая будет в ближайшее время рассмотрена и утверждена Сектором.

Х. Общие итоги²⁷

Подводя итоги годовой работы Сектора славяноведения, я должен отметить, что плановая работа сектором выполнена. Я должен также отметить, что несмотря на неблагоприятные условия (реэвакуация) и разные бытовые неурядицы, сотрудники Сектора все же преодолели все препятствия, и их работа должна быть признана весьма плодотворной. Отмечая работу отдельных научных сотрудников, я должен в первую очередь отметить большую организационную, общественную, практическую и научную работу акад/емика/ проф/ессора/ Э.Р. Неелды, который заслуживает не только признания "ударником", но и денежного поощрения.

Хотя М.Н. Тихомиров не состоит сотрудником Сектора славяноведения, но им был вложен громадный труд в подготовку к печати двух сборников нашего Сектора. Я полагаю, что за эту большую подготовительную работу М.Н. Тихомиров полностью заслуживает присуждения ему денежного поощрения.

Одновременно я должен также отметить и работу тов. Красных, как бригадира сборника "Вековая борьба славянских народов с немецкой агрессией". Я также считаю, что тов. Красных за большую работу по созданию вышеуказанного сборника заслуживает, чтобы и ему была присуждена денежная премия.

Я бы предложил материально поощрить Л.В. Разумовскую, которая в порядке общественного поручения перевела на русский язык диссертацию Д.С. Густинчича. Помимо этого ею написан "Очерк истории прибалтийских славян" и диссертация "Хроника славян Гельмольда как исторический источник". Эти работы были прекрасно выполнены Л.В. Разумовской, несмотря на все неблагоприятно сложившиеся для нее бытовые условия.

Д.С. Густинчич, несмотря на перенесенную очень тяжелую болезнь (двухстороннее крупозное воспаление легких) продолжал настойчиво работать. Им была разработана такая большая тема, как "Балканский Союз" 1912-1913 гг. и написана большая часть "Истории словенского народа", по которой нет

ни одной работы на русском языке. Д.С.Густинич много работал вне плана. Поэтому я полагаю, что тов. Густинич имеет все данные, чтобы ему было присуждено дирекцией денежное вознаграждение и почетное звание ударника.

Я должен отметить большую и плодотворную работу Н.П.Франича, который, несмотря на плохое состояние здоровья (тяжелое ранение) и неблагоприятные зимние бытовые условия выполнял по Сектору большую плодотворную работу. Я отмечаю, что тов.Франич также заслуживает денежного премирования и присуждения почетного звания "ударника".

Я должен также отметить большую работу Р.К.Караколова, что дает мне полное право поднять вопрос о его премировании и о его ударничестве.

Работа С.К.Богоявленского для Сектора тоже плодотворна. Его "История Сербии" и статьи для оборника "Южные славяне и Россия" представляют ценный самостоятельный труд. Хотя он не является сотрудником Сектора славяноведения, я считаю, что С.К.Богоявленский должен быть премирован.

Б.Т.Горянов со свойственной ему аккуратностью выполняет задания Сектора и усердно работает по истории Византии. Полагаю, что Б.Т.Горянов имеет все данные, чтобы ему было представлено звание ударника.

Наконец, я хочу отметить и работу тов. Д.И.Влахова, который несмотря на свою длительную болезнь и общее ухудшение здоровья все [же] продолжал работать в меру своих сил, поскольку ему позволяло его ослабевшее здоровье.

Руководитель
Сектора славяноведения
В.Пичета

О Т Ч Е Т

о работе Сектора славяноведения за 1944 г.

I. Состав сектора

Сектор славяноведения в 1944 г. работал в составе - руководителя и старшего научного сотрудника В.И.Личета и старших научных работников проф. З.Р.Неедлы, кандидатов исторических наук Д.С.Густинчича, Р.К.Караколова, Б.Т.Горякова, В.Н.Кондратьевой, М.В.Миско; младших научных работников Ж.М.Кормана и Б.М.Руколь²⁸. В течение года из состава Сектора выбыл Д.И.Влахов за отъездом на родину и проф. Ж.М.Корман за отъездом в Люблин. Вновь были приглашены на работу В.Н.Кондратьева, М.В.Миско, Б.М.Руколь. В составе Сектора работали аспиранты Н.П.Франич, С.Ш.Гринберг, А.К.Целовальникова, т/ов. Ф.Т.Константинов, Г.Э.Санчук, В.Д.Королек, тов. Ф.А.Грекул, Н.Д.Ратнер²⁹ и докторант С.И.Зинич³⁰.

II. Научные заседания Сектора славяноведения³¹

В течение года в заседаниях Сектора были заслушаны научные доклады как старших и младших научных работников, так и аспирантов и докторантов, а также и лиц, не работающих в секторе, но занимавшихся историей славянских народов. В течение года были заслушаны следующие доклады:

1. Мартин Галл как источник для изучения раннего польского средневековья /В.Д.Королек/.
2. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству /В.И.Личета/.
3. Болгария и освободительная русско-турецкая война 1877-1878 г. /Р.К.Караколов/.
4. Задачи советского славяноведения /З.Р.Неедлы/.
5. Издательская деятельность Иосафата Отризки /Г.И.Шкроб/.
6. План диссертации "Вступление Болгарии в мировую войну" /С.Ш.Гринберг/.
7. План "поправки" Польского государства Фрича Моджевского /Г.Э.Санчук/.
8. Россия и Сербия в первой мировой войне /Н.П.Франич/.
9. Т.Костышко /В.И.Личета/.

10. План диссертации Н.П.Франича "Происхождение Югославии" /Н.П.Франич/.
11. Балканский вопрос в 30-50-е гг. /С.А.Никитин/.
12. Русское византиноведение /Б.Т.Горянов/.
13. Метод библиографии истории рабочего класса в Польше в первой половине XIX века /А.М.Корман/.
14. Революционная деятельность Иосафата Огрызки /С.И.Шкроб/
15. Иван Грозный и Сербия /М.Н.Тихомиров/.
16. Вступление Италии в войну /Ф.И.Нотович/.
17. Германский империал [изм] и Болгария /тов. Топалов/.
- 18-19. Обсуждение доклада тов. Топалова³².
20. Балканский Союз и Россия /Д.С.Густинич/33.
21. Обсуждение доклада тов. Густинича.
22. Октябрьская революция и Болгария /Р.К.Жукараков/34.
23. Отношение гуситов и королевской власти по хронике Лаврентия из Бржезовой /Н.Д.Ратнер/.
24. Отчет аспирантки А.К.Целовальниковой о ее научной командировке в Ленинград.
25. Происхождение иллирийского движения в 30-40-е г. XIX века.
26. "Majestas Carolinae" как источник изучения земского чешского права /Г.Э.Санчук/.
27. Австрия и польское восстание 1863 г. /Б.И.Пичета/.
28. Краледворская рукопись³⁵ /З.Р.Неедлы/.
29. Итальянско-югославская граница /Д.С.Густинич/36.
30. Крестьянский вопрос в Литве и Белоруссии во время польского восстания 1863 [Г.] /В.Н.Кондратьева/.
31. Материалы для биографии А.А.Потебни, участника восстания 1863 [Г.] /С.И.Шкроб/.
32. Торжественное заседание, посвященное годовщине нападения гитлеровцев на Югославию.
33. Вступление Болгарии в войну /С.Ш.Тринберг/37.

III. Аспирантская научная сессия

В аспирантской научной сессии приняли участие аспиранты Сектора славяноведения Института истории [АН] СССР и Московского университета.

Научной сессии аспирантов были проведены три заседания, на которых были прочтены следующие доклады:

1. Хроника Козьмы Пражского и раннее чешское средневековье /Т.Э.Санчук/.
2. Бакунии и польский вопрос /И.М.Белявская/.
3. Сербия в период мировой войны /Н.П.Франич/.
4. Сташиц и польско-прусский союз /Д.С.Телицына-Бобинская/
5. Грамота Пражского архиепископа 1180 г. /В.Д.Королюк/.

Все доклады аспирантов были научно-исследовательскими.

IV. Производственные совещания

В течение года было восемь производственных совещаний, на которых обсуждалась текущая работа Сектора и внутренние организационные вопросы, в частности [состоялось] обсуждение перспективного плана Сектора и плана Сектора на 1945 г. Два производственных совещания были посвящены отъезжающим на родину Я.М.Корман и Д.С.Густинич[у], Н.П.Франич[у].

Таким образом, в течение года Сектор собирался для научных и производственных совещаний - 41 раз.

У. Аспиранты

Руководителями аспирантов Сектора славяноведения были З.Р.Неедли, акад[емик] Н.С.Державин и В.И.Пичета. Работа аспирантов выполнялась по плану, без перебоев, за исключением лишь заболевшей малярией тов. [Н.Д.]Ратнер и долго болевшей [А.К.]Целовальниковой. Работа аспирантов проверялась а) научными докладами, заслушанными в заседаниях Сектора славяноведения; б) аспирантской научной сессией; в) сдачей зачетов в комиссии. Во всех случаях на докладах аспирантов как письменных, так и устных, присутствовала Ф.А.Хайфец. Аспирант [А.К.]Целовальникова была командирована на два месяца в Ленинград для работы над диссертацией. Сектор вынес также решение о командировке в Ленинград тов. [С.И.]Занича. Кроме того, под руководством В.И.Пичета проводились специальные семинары. Всего в течение 1944 [г.] состоялось 18 заседаний. В семинарском кружке принимали [участие] также аспиранты исторического факультета Московского университета.

VI. Научная деятельность сотрудников

Разнообразная научная деятельность сотрудников Сектора славяноведения отражена:

- а) в докладах в Секторе и вне его;
- б) в исполненной плановой работе;
- в) во внеплановой работе, вызванной переживаемыми нами историческими событиями.

Работа отдельных научных сотрудников представляется в следующем виде:

I. В.И. Пичета прочел следующие доклады вне сектора:

- а) Византия и славяне /Сессия Отделения истории и философии/;
- б) Начало полонизации Галичины;
- в) 25-летие Советской Белоруссии;
- г) Государственно-правовое положение Украины на основе "Мартовских статей". Хмельницкого и других "дополнительных актов";
- д) К.В. Готье и его работы по истории славян, Литвы, Белоруссии и Украины;
- е) Июльская революция 1830 г. и вопрос о признании Россией Луи-Филиппа;
- ж) Европейские державы и польское восстание 1830 г.;
- з) Европейские державы и Краковская республика /1830-1846/;
- и) Русское славяноведение и его задачи;
- к) Польша и Советский Союз.

— Научно-исследовательская работа

- 1. Монография "Польский вопрос и европейские державы /плановая работа/³⁸.
- 2. Исторические границы Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы /для Ком/итета/ Оборон/ — 4 п.л.³⁹
- 3. Западная Белоруссия и Западная Украина — 7 п.л. (для Софинформбюро).
- 4. Исторический очерк славянских народов — 5 п.л. (для Ин/ститута/ этнографии).
- 5. Объединение белорусского народа в едином государстве — /Большевик, 1944, № 12/⁴⁰.

6. Некролог Ю.В.Готье /Вестник АН СССР, [1944], № 3/⁴¹.
7. Богдан Хмельницкий /Изв[ествия] Отделения истории и философии [АН СССР], № 2, 1944/⁴².
8. Богдан Хмельницкий /Журнал "Украина", 1944, № 2/⁴³.
9. Отзыв о книге "Наукові записки [АН УРСР], 1943/, т.І /Ист[орический] жур[нал], № 9, 1944/.
10. Критический обзор работы П.Петровского "Воссоединение украинского народа"/Пропагандист, № 22, 1944/⁴⁴.
11. Вытебок /"Красный воин" от 27.УІ.1944/.
12. Для Академии [Наук] БССР:
  - а) Борьба минчан с немецкой агрессией до ХУ в.;
  - б) Освободительная борьба белорусского народа в ХУІ-ХУІІ вв.;
  - в) Борьба белорусского народа со шведской интервенцией;
  - г) Белоруссия в 1812 г.
13. Ряд статей для Информбюро.
14. Ю.В.Готье, [Статья] для "Исторических записок".
15. Отзыв о докторской диссертации Н.М.Дружинина.
16. Отзыв о докторской диссертации В.Н.Бочкарева.
17. Отзыв о кандидатской диссертации М./В./Миско.
18. Отзыв о кандидатской диссертации С.И.Шкроба.
19. Белоруссия за 25 лет /[Статья для] БСЭ/.
20. Редакция сборника "Россия и южные славяне"⁴⁵.
  2. З.Р.Неелли а) работал над "Историей Чехии", которая будет закончена в 1945 г.; б) закончил работу над сборником "Балканские государства накануне второй мировой войны"⁴⁶;
  - в) написал для сборника статьи "Румыния" и "Попытки организации балканских государств"; г) переработал для сборника статьи "Албания" и "Греция"; д) написал ряд статей в чешской газете, в частности, большую статью "Русские в Чехии в 1812 г."⁴⁷
3. Д.С.Густинич работал над: а) "Историей Словении" - "Очерк политической истории словенского [Государства]". Написано около 4¹/₂ п.л. Работа не закончена за отсутствием материалов в библиотеках; б) написал для сборника "Россия и южные славяне" добавочную статью "Балканский Союз и Россия" - 2 п.л.; в) работал над диссертацией "Балканский Союз". Кроме того, им написана брошюра "Кто-

славия" - географическо-экономическо-исторический очерк Югославия /печатается/; написал для зарубежных газет более 20 разных статей; обработал брошюру "Хорваты и национальная их политика" (3 п.л.)⁴⁸.

4. Р.К. Караколов выехал в Болгарию. Несмотря на неоднократные напоминания не считал нужным представить отчет⁴⁹.

5. Б.Т. Горьянов написал работу: а) Ф.И.Успенский и его значение в византиноведении (6 п.л.)⁵⁰; б) продолжал работать над диссертацией на тему: "Очерки по истории Византии в эпоху Палеологов". Изучены византийские историки - Иоанн Кантакузин, Никифор Григора, Дука, Георгий Сфрандзи и др.; изучал большое количество документов и актов поздневизантийского времени.

Внеплановая работа : а) Ф.И.Успенский и русское византиноведение /будет напечатано в Историческом журнале № 2 за 1945 г./⁵¹; б) "Болгария" /Исторический очерк. 1,5 п.л./ для Советской Энциклопедии; в) "Русское византиноведение" (2 л.) для сборника по истории русской науки /по поручению МГУ/.

6. В.Н. Кондратьева /с октября 1944 г./ работала над темой "Сербь при Милоше".

7. Руколь Б.М. /с 15 ноября/ работал над темой "Иероним Пражский".

8. Корман Ж.М. а) подготовила к печати монографию о Лелевеле; б) составила подробную критическую библиографию печатных работ по истории рабочего класса в Царстве Польском⁵².

У II. Научная работа аспирантов⁵³

1. Докторант С.И. Зинич /а/ работал над диссертацией на тему: "Иллиризм в 30-40-х годах"; б) написал вводную часть и первую главу диссертации; в) сделал доклад в "Славянской комиссии" - "Аграрное движение накануне 1848-1849 гг. в Хорватии".

2. Франич Н.П. /а/ работал над диссертацией и написал несколько глав. Для Славянского комитета написал брошюру "Югославия" и дополнительную статью для сборника "Россия и южные славяне".

3. Цедовальникова А.К. работала над диссертацией "Из истории чешского Возрождения 30-40-х годов", была командирована в Ленинград.
4. Гринберг С.Ш./а/ работал над диссертацией "Вступление Болгарии в первую мировую войну". Написал 6 глав; б/ изучал сербский язык, сдал экзамен с оценкой "отлично"⁵⁴; в) по заданию Сектора сделал два доклада; г) подготовил доклад на тему "Деятельность держав Антанты по вовлечению Болгарии в первую мировую войну"; д) написал для "Дипломатического словаря" 19 статей, связанных с историей Болгарии.
5. Санчук Г./э/ а) сдал четыре зачета из аспирантского минимума - из них 3 в виде научных докладов. Доклады и устный зачет признаны отличными; б) сдал экзамен по сербскому языку с оценкой "отлично".
6. Королев В.Д./а/ сдал пять зачетов из аспирантского минимума, из них три - в виде научных докладов. Доклады и устные зачеты признаны "отличными".
7. Ратнер Л.Д./а/ сделала доклад на тему "Отношение гуситов к королевской власти" по хронике Лаврентия из Бржезова. Доклад был признан отличным; б) работала над темой "Борьба чехов с Австрией в 60-х годах"; в) изучала польский и сербский языки.
8. Константинов В.Т./а/ закончил аспирантский минимум по специальности. Доклад "Юрий Крижанич" обстоятельно разработан, признан "отличным", а доклад "Славянское движение в России в начале XIX века" оценен "хорошо".

УШ. Общественная работа

1. В.И. Пичета в течение года в военных и общественных организациях ах/ прочел 30 лекций на темы:

1. Богдан Хмельницкий.
2. Польша - наш сосед.
3. Александр Невский.
4. Советский Союз и Польша.
5. Восточная и западная границы Польши.
6. Роль католического духовенства в государственной жизни Польши.

7. Польско-литовская интервенция в начале ХУП в.

8. Византия и славяне.

9. Политические партии в досентябрьской Польше.

2. З.Р.Неедлы а) многочисленные выступления по радио;
б) принимал участие в работах Всеславянского комитета;
в) Театрального Общества; г) читал лекции в военных и дру-
гих организациях.

3. Д.С.Густинчич а) исполнял обязанности профорга; б) прочел две лекции на тему "Югославия" в парткабинете в Кунце-
ве и в Лефортовской больнице.

4. С.И.Зинич⁵⁵ сделал 41 доклад в райкоме и обкоме.

5. Г.Э.Санчук сделал доклады в Лефортовской больнице.

6. В.Д.Королюк работал в организации "МОИР".

7. Н.П.Франич прочел несколько лекций в военных частях.

IX. Выполнение плана

Сотрудники Сектора, работая в течение года над плановы-
ми заданиями, выполнили их. К сожалению, Р.К.Караколов я
ничего [не] могу оказать. Сектор славяноведения на произ-
водственных совещаниях проверял работу каждого работника
в отдельности. Осталась лишь незаконченной редакция сбор-
ника "Россия и кимне олавяне".

26. XII. 1944.

Зав. сект./ором/
В.Пичета

ПЛАН СЕКТОРА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ на 1945 год

При оставлении плана на 1945 год Сектор славяноведения руководился теми общими соображениями, которые были намечены в общеинститутском плане, рассмотренном в Отделении истории и философии. Научно-исследовательское внимание Сектора славяноведения согласно перспективного плана должно быть сосредоточено на изучении следующих проблем:

- а) на истории образования славянских государств;
- б) на истории национально-освободительных движений в славянских странах;
- в) на истории дореволюционного славяноведения.

С этими тремя основными проблемами связан ряд вопросов, подлежащих исследованию, в особенности тех, которые сравнительно мало или совсем не рассматривались в европейской историографии. К ним относятся: а) история крестьянства; б) история средневекового города; в) история развития производительных сил; г) развитие капитализма; д) формирование рабочего класса и революционное движение.

Учитывая наличный состав Сектора славяноведения и научные интересы отдельных сотрудников, производственное совещание Сектора славяноведения при разработке плана наметило следующие работы:

- 1) "История Польши во второй половине XIX века и до наших дней", ч. III (первые две части уже были написаны, и третья часть будет скоро окончена перепиской)⁵⁶. Необходимость этой темы объясняется следующими соображениями: на польском языке имеется только одна общая работа проф. М. Бобржинского, касающаяся образования Польской буржуазной республики 1918 г. (1922)⁵⁷ и [книга] П. Галецкого, в которой дана также история Польши до 1939 г.⁵⁸; [эти труды] проникнуты идеологией пилсудчикства, враждебного к Советскому Союзу. Оба автора останавливают свое внимание на внутренних и внешних политических факторах, не касаясь развития капиталистических отношений, истории рабочего

класса и крестьянства, рабочего и аграрного движения, революционного движения и т.д. Работа эта будет написана В.И.Пичета в сотрудничестве с Ж.М.Корман, доктором философских наук, которая обязалась написать главы о развитии капитализма и образовании рабочего класса и рабочего движения. Хотя Ж.М.Корман не является в настоящее время сотрудником Сектора славяноведения и находится за пределами СССР, но будучи сотрудником сектора она подробно изучала эти проблемы и ее выполнена большая подготовительная работа. Вся работа будет охватывать 18-20 листов.

2. "История сербского феодализма" - тема почти не затронутая. Между тем уже опубликовано много нужных материалов. Изучение генезиса сербского феодализма и его дальнейшего развития в XIII в. приводит исследователя к изучению феодального сербского государства времени Стефана Душана, а изучение источников феодального периода позволяет определить основные источники Законника Ст.Душана, феодального кодекса половины XIV века. Эта новая тема будет разработана Б.Т.Горяновым. Размер работы - 6-8 п.л. Кроме того, Б.Т.Горянов будет работать над своей диссертационной темой: "Византийская империя периода Палеологов", где история отношений Византии к славянским государствам займет свое видное место.

3. "Балканские войны 1912-1913 гг." - важнейший момент в истории политико-экономического развития балканских славян. В советской науке они всесторонне не изучены: не были привлечены фонды бывшего МИД, архив посла Гартвига⁵⁹, русская журналистика. К вопросу оценки балканских войн не раз возвращался В.И.Ленин. Без балканских войн не может быть изучена роль славянских народов в первой мировой войне. Разработка этой темы перестепенной научной важности будет выполнена Д.С.Густиничем. Объем работы - 8-10 листов.

4. "История сербского национально-политического движения" - после заключения Парижского мира 1856 г. [и] до половины 70-х годов XIX столетия почти не изучена исследователями. В центре их научного внимания были обычно внеш-

не-политические факторы. Внутренняя история развития капиталистических отношений, формирование классов, положение деревни, история политических партий почти не изучены. В работе должен быть использован архив бывшего МД. Вся эта нужная в научно-исследовательском и политическом отношении тема будет разработана В.Н.Кондратьевой. Объем работы - до 8 листов.

5. История Чехии в XIX веке - история национально-освободительного движения чешского народа до сих пор не представлена ни в русской дореволюционной, ни [в] советской историографии. Разработка этой темы будет выполнена З.Неядлы.

6. За выездом из СССР Р.Караколова тема его научной работы не может быть определена. Она будет дополнительно намечена, когда тов. Караколов вернется в Москву.

Из состава Сектора славяноведения выбыли тов. Д.Влахов и И.М.Корман. Эти вакансии пока остаются свободными. После замещения свободных вакансий новыми научными работниками тема их плановой работы будет представлена дополнительно.

Руководитель Сектора
славяноведения, старший научный
работник В.Личета

30.X.1944

О Т Ч Е Т

Сектора славяноведения о работе за первое полугодие 1945 г.

I. Состав сектора

В течение первого полугодия в составе Сектора произошли значительные изменения, Сектор лишился так/их/ ценных научных работников, какими были З.Р.Неедлы и Д.С.Густинич. Оставили работу в Секторе за отъездом на родину Р./К./ Каракалов и Н.П.Франич. Умер докторант С.И.Зинич. На освободившиеся вакансии с 1 мая 1945 г. был назначен младшим научным работником С./Ш./Гринберг, а М./В./Миско - старшим научным работником.

II. Научные заседания Сектора

Сектор славяноведения почти каждую субботу [..] 60 Сектор придает огромное значение научным докладам, поскольку они отражают научное лицо Сектора и показывают способности его сотрудников к научно-исследовательской работе.

Тематика докладов была следующая:

1. Попытка держав Антанты втянуть Болгарию в войну
т/ов./ Гринберг
2. Борьба Австрии и Чехия в 60-х годах XIX ст./летия/
тов. Ратнер
3. Россия и польский вопрос (1799-1807)
т/ов./ Пичета
4. Россия, Франция и польский вопрос (1777-1812)
т/ов./ Пичета
5. Борьба за власть в восстании 1863 г.
тов. Корольк
6. Феодалное землевладение в Сербии (Законник Стефана Душана)
тов. Санчук
7. Восстание 1863 [Г.]
тов. Миско
8. Чехия в 1848 г.
тов. Неедлы

9. Вступление Болгарии в первую мировую войну
тов. Гринберг
10. Источники молдавской истории
тов. Нарцов
11. Австрия и польское восстание 1830-1831 гг.
тов. Пичета
12. Политические взгляды Голяковского⁶¹
тов. Целовальникова
13. Русско-польские отношения в X веке
тов. Королюк
14. Академия Наук и славяноведение
тов. Пичета

С особым вниманием Сектор славяноведения относился к докладам молодых его сотрудников - научных работников и аспирантов. Сектор внимательно обсудил основные принципы диссертации тов. Гринберг и признал ее вполне достойной того, чтобы она была представлена в Ученый Совет Института Истории в качестве диссертации на степень кандидата исторических наук. Отдельные доклады вызвали оживленные прения, так в интересном докладе тов. Миско был поставлен вопрос о движущих силах восстания 1863 г. [..]⁶², принявшие в обсуждении доклада отмечали, что "классовой сущностью восстания 1863 г." было шляхетство. Равным образом, вызвал оживленные прения интересный доклад тов. Королюка "Русско-польские отношения в X веке", в котором [автор]⁶³, сопоставляя летописное известие 981 г. о походе Владимира на Червень и Перемышль с данными Ибрагима ибн Якуба, *Dagome iudex*, отчасти Титмара Мерзбургского и др. [на основании которого]⁶⁴ автор приходит к выводу, что червенские города в X веке не входили в состав владений польских Пястов. Данные летописи тов. Королюк считает позднейшей интерполяцией. По мнению автора, князь Владимир, совершая в 981 г. свой поход, не входил в военный конфликт с Пястами, объектом его завоеваний явились независимые племенные государства восточно-славянских племен - хорватов и дулебов. Тов. Королюк реконструирует текст летописи следующим образом: "Иде Володимир на хорваты и дулебы". Можно отметить кое-какие

упущения в работе тов. Королюка, тем не менее, его попытка признать летописное известие 981 г. позднейшей интерполяцией должно привлечь к себе внимание исследователей. Ценны наблюдения А.К.Целовальниковой относительно политических взглядов Голяховского. В польской историографии о Голяховском этот вопрос до сих пор оставался открытым. Отмету еще талантливые доклады молодых исследователей — тов. Ратнер и тов. Санчука.

III. Сессия Ученого Совета

Сектор славяноведения с удовлетворением отмечает организацию заседаний, посвященных истории славянских народов. На заседании Ученого Совета были заслушаны доклады: М.Н.Тихомирова "Россия и князья славяне в XVI—XVII вв.", В.И.Пичета "Польский вопрос на Берлинском конгрессе 1815 г." и С.А.Никитина "Международное положение на Балканах в 50—60 гг. XIX века". К сожалению, не могло состояться заседание, посвященное обсуждению заслушанных докладов.

Сектор с удовлетворением отмечает, что аспирант С.Ш.Гринберг успешно защитил диссертацию на тему: "Вступление Болгарии в первую мировую войну" и был единогласно удостоен искомой ученой степени кандидата исторических наук.

Вместе с тем Сектор полагает необходимым просить Дирекцию Института Истории АН СССР, чтобы состоялось заседание Ученого Совета, посвященное памяти П.Шафарика и Л.Нидерле.

IV. Научные конференции Сектора славяноведения

Сектор славяноведения принял решение организовать две научные сессии: одну, посвященную Ф.Энгельсу под общим заглавием "Славянские народы и Энгельс", и вторую сессию — С.М.Соловьеву под общей тематикой "Польско-русские отношения в освещении С.М.Соловьева".

На сессии, посвященной Ф.Энгельсу, намечены следующие доклады:

1. Энгельс и оценка им Польши до конца XVIII в.
т/об/ Королюк

2. Энгельс и южные славяне
тов. Кондратьева
3. Энгельс и польский вопрос в XIII в.
т/ов/. Миско
4. Энгельс и Чехия
т/ов/. Целовальникова
5. Энгельс и Венгрия
т/ов/. Ратнер
6. Энгельс и молдаво-волошские княжества
тов. Грекул,
тов. Санчук
7. Энгельс и национально-освободительное движение болгарского народа
т/ов/. Гринберг

На Соловьевской сессии будут заслушаны доклады:

1. Польско-литовская интервенция и С.М.Соловьев
т/ов/. Пичета
2. Русско-польские отношения середины XIII в. и Соловьев
т/ов/. Санчук
3. Русско-польские отношения в период разделов
т/ов/. Миско
4. Русско-польские отношения при Петре I и Соловьев
т/ов/. Королук
5. Русско-польские отношения при Александре I и Соловьев
т/ов/. Пичета⁶⁵

У. Научно-исследовательская работа научных работников

1. В.И.Пичета написал лекцию по поручению Лекционного Бюро "Воссоединение исконных польских земель в одном государстве". Подготовил: 1) Сборник "Культурные и политические связи южных славян и России"; 2) по поручению ВЛКСМ написал статью "Русское славяноведение"; 3) по поручению редакции Вестника Академии Наук написал две статьи: "Академия Наук и славяноведение" и "Советское византиноведение"; 4) "Ю.В.Готье" для "Исторических записок"; 5) "Поли-

тические и культурные связи России и южных славян"; 6) Ленин о славянских народах (по поручению парткабинета МК), собирал материалы по истории Польши после 1863 г.; 7) Отзыв о книге академика Державина "Происхождение русокого, белорусского и украинского народов".

Им напечатаны: 1) Богдан Хмельницкий. Лекция⁶⁶.

2) Возрождение Украины и Белой Руси в XVI в. (лекция)⁶⁷.

3) Византия и славяне (лекция)⁶⁸.

4) Академия Наук и славяноведение⁶⁹.

5) Советское византиноведение⁷⁰.

6) Богдан Хмельницкий ("Красноармеец" [1944, №21-22]).

7) Рецензия на книгу Грацианского "Борьба прибалтийских славян против немецкой агрессии ("Исторический журнал", [1944, № 10-11])⁷¹.

Кроме того, на беседях в Московском Университете, посвященной "Феодалному городу", прочел доклад "Польский город в средние века".

2. С. Ш. Гринберг⁷² защитил кандидатскую диссертацию на тему "Вступление Болгарии в первую мировую войну" и изучал литературу по истории древней Болгарии, закончил статью Р.К. Караколова "Болгария и СССР", доведя ее до наших дней.

3. Б. М. Руколь⁷³ 1) работала над переводами документов к исследованию "Иероним Пражский" - и подготовила доклад "Обвинительные статьи против Иеронима Пражского как источник для изучения его деятельности", а также изучала литературу об Иерониме Пражском: Фр. Палацко, В. Томека, [..]⁷⁴ Тов. Руколь исчерпан 31 документ, извлеченный из различных изданий.

4. В. Н. Кондратьева собирала материалы в архивах для исследования внутривосточной деятельности и внешней политики Милоша Обреновича.

5. Б. Т. Горянов собирал материалы для диссертации на тему "История Византии в эпоху Палеологов" (историч. эпохи и документы, характеризующие поздневизантийский феодализм). Кроме того им сделаны доклады "Положение крестьянства в Византии в эпоху Палеологов и восстание зиготов", "Ф. И. Успен-

ский и его значение в мировом византиноведении". Б.Т.Горьнов закончил перевод греческого текста речи Гемиста Плифона "De rebus peloponnesiacis" и исследование его проектов социально-политических реформ. Помимо этого Б.Т.Горьновым отдана в печать статья "Ф.И.Успенский и его труды по истории славян" ("Славяне") и подготовлена к сдаче в лекционное бюро Комитета по делам Высшей Школы лекция на тему "Черногория в мировой истории", а также подготовлена для сборника трудов по славяноведению статья "Борьба варламитов и паламитов и ее отклики в славянских странах Балканского полуострова".

6. М.В.Миско составил библиографию и приступил к обзиранию материалов по теме: "Усстановление польского государства в 1918 г.", написал статью "Югославия во второй мировой войне", "Энгельс о польском вопросе в XIX в."

VI. Аспирантура

В составе Сектора аспирантуры в течение первого полугодия числились следующие аспиранты: тов. А.К.Целовальникова, Н.Д.Ратнер, В.Д.Королюк, Г.Э.Санчук, Ф.А.Грекул и Ф.Т.Константинов. Руководителем первых был В.И.Пичета, а Константинова был акад/емик/ Н.С.Державин.

Сдача аспирантского минимума проходила нормально.

В.Д.Королюк вследствие двухмесячной болезни задержал сдачу⁷⁵.

1. В.Д.Королюк - а) сдал аспирантский минимум по специальности; б) работал над русско-польскими отношениями X-XI вв. /и/⁷⁶ прочел доклад на эту тему; в) самостоятельно изучал палеографию. Экзамен по истории философии вследствие двухмесячной болезни будет сдан в конце июня.

2. Н.Д.Ратнер - сдала аспирантский минимум по польскому языку и по курсу диалектического и исторического материализма, была сдана также вторая тема кандидатского минимума "Национальное движение чехов в 20-х годах XIX века", работала над темой "Пангерманистическое движение в Венгрии в 80-х годах и славянские народы".

3. Г.Э.Санчук - а) окончил кандидатский минимум по специальности; б) сдал экзамен по французскому языку; в) под-

готовил сдачу экзамена по истории философии.

4. Ф.А.Трекул - а) сдал один экзамен аспирантского минимума; б) сдал экзамен по истории философии; в) работал над темой "Внешняя политика Стефана Великого".

5. А.К.Целовальникова - работала над документами и прочла в секторе две главы из подготавливаемой диссертации.

6. Ф.Т.Константинов - сдал экзамен по аспирантскому минимуму по специальности⁷⁷.

Сектор утвердил темы диссертаций - тов. В.Д.Королика - "Русско-польские отношения при Петре I", тов. Санчука Г.Э. "*Majestas Carolinae*", тов. Константинова Ф.Т. "Польско-белорусские отношения, 1918-1939".

Помимо личных встреч и бесед с аспирантами последние⁷⁸ принимали участие в кружке под руководством В.И.Пичеты. В течение первого полугодия состоялось 10 заседаний, на которых были заслушаны следующие доклады:

1. Б.М.Руколь. Ян Гус в историографии.
2. Н.Д.Ратнер. Чешско-немецкий конфликт в 1867 г.
3. В.Д.Королик. Внешняя политика революционного жонда.
4. Г.Э.Санчук. Феодалное землевладение в Законнике Стефана Душана.
5. И.В.Козьменко. Апрельское восстание 1876 г. в русской печати.
6. С.Ш.Гринберг. Болгарский народ во время вступления Болгарии в мировую войну.
7. Ир.М.Белявская. Русская революционная общественность и восстание 1863 г.
8. Ц.С.Телицына. Город и торговля в Польше XIII в. в освещении Сташица.
9. К.И.Козырина. Купечество и крестьянское восстание в Чехии в 17 веке.
10. Русские революционеры и восстание 1863 г.⁷⁹

В работе аспирантского кружка принимали участие и аспиранты Московского Университета, и младшие научные сотрудники Б.М.Руколь и В.Н.Кондратьева.

Аспиранты тов. Целовальникова и Константинов продолжали работать над своими кандидатскими диссертациями.

УП. Общественная работа

1. В.И. Пичета в течение первого полугодия прочел 27 лекций а) по поручению Лекционного бюро при К/омитете по делам В/ношей/ Ш/колы/; б) в Университете марксизма-ленинизма; в) в партийном кабинете М/осковского/ К/омитета партии/; г) на курсах Высшей партийной школы; д) в военных учреждениях; е) в О/бъединении/ Г/осударственных/ Из/дательств/.

Тематика лекций была оледующая:

1. Богдан Хмельницкий.
2. Воссоединение исконных польских земель в одном государстве.
3. Возрождение Украины и Белой Руся в XVI веке.
4. Казачье государство в XVII-XVIII вв.
5. Польско-литовская интервенция в начале XVII в.
6. Украина накануне восстания Б/огдана/ Х/мельницкого/.
7. Национально-освободительная борьба балканских славян.
8. Победа славян над немецкими захватчиками и немецкая агрессия.
9. Вопросы историографии [..] ⁸⁰ освободительной войны украинского народа во второй половине XVII века.
10. Ленин о славянских народах.
2. Б.Т. Горянов - выполнял обязанности профорганизатора по сектору.
3. В.Н. Кондратьева - выполняла обязанности Ученого секретаря Сектора.
4. Б.М. Руколь - выполняла обязанности страждегата и была техническим секретарем партбюро.
5. С.Ш. Гринберг - руководил кружком по изучению истории партии в Киевском отделении Госбанка, выполнял отдельные поручения РК ВКП(б), дважды выступал с докладами о жизни и деятельности В.И. Ленина к 75-летию со дня его рождения.
6. М.В. Миско прочел два доклада о Ленине в апреле (в Военном трибунале и в IВ типографии) и /проводил/ постоянные консультации на заводе и ХладокOMBинате.
7. Н.Д. Ратнер принимала участие в стенной газете Института Истории АН СССР и в организации научной аспирантской сессии к юбилею АН СССР.

8. В.Д.Королюк - работал в ячейке МОПР'а Института Истории.
9. Г.Э.Санчук - был лектором в подшефном Институте Истории Гастрономе.
10. А.К.Целовальникова - вследствие длительности болезни общественной работой не занималась. С 1 июня выполняет обязанности профорга Сектора.
11. Ф.А.Грекул⁸¹

УШ. Научный сборник статей

По согласованности с ученым секретарем Института Истории тов. Л.М.Ивановым Сектором подготовлен сборник статей по истории славянских народов следующего содержания:

1. Л.В.Разумовская. Крестьяне в Польше в XIV веке.
2. В.Н.Кондратьева. К вопросу об отношениях польских крестьян в восстании 1863 г.
3. Б.М.Руколь. Иоганн Гус в воспоминаниях современников.
4. В.Д.Королюк. Борьба полабских славян против немецкой агрессии. Государство Готшалка.
5. Г.Э.Санчук. Козма Пражский.
6. М.В.Миско. Восстание в Польше в 1863 г.
7. Б.Т.Горянов. Борьба варламитов и паламитов в Византии и ее отклики в странах Балканского полуострова.
8. Н.Д.Ратнер. Борьба чехов с немцами в 1867 г.
9. Д.С.Густинич. Борьба хорватского народа за свою государственность.
10. С.К.Богоявленский. Россия и Сербия в XVIII веке.
11. С.Ш.Гринберг. Попытки держав Антанты втянуть Болгарию в войну.
12. В.И.Личета. Россия, Франция и польский вопрос (1867-1872).

IX. Вопрос о сданных в Издательство работах

Еще в прошлом году в Издательство Академии Наук были сданы: "История Сербии" - С.К.Богоявленского и "Отношения России и Сербии в XVIII в." - его же, "История Хорватии" - Д.С.Густинича и "История Черногории" - Б.Т.Горянова. Судьба наших трудов неизвестна. Мы не получили на них отзывов и не знаем, у кого они находятся на складе. Считаю недо-

пустым подобное пренебрежительное отношение к трудам Сектора славяноведения, я полагаю нужным просить Дирекцию осведомляться о судьбе наших изданий, чтобы рассеять разные слухи, циркулирующие по этому поводу.

X. Выполнение плана

План Сектора выполнялся согласно план-карте.

XI. Итоги

Подводя итоги работе Сектора, можно сказать, что:

1) Сектор славяноведения работал удовлетворительно; 2) Доклады в Секторе стояли на должной научно-теоретической высоте и свидетельствуют о научной подготовленности аспирантов и научных работников к самостоятельной и плодотворной работе; занятия с аспирантами и их работу можно признать удовлетворительными. Однако отмечу, что несмотря на решение Сектора, чтобы аспиранты раз в три месяца делали доклад о состоянии своей диссертации, до сих пор это требование не было выполнено тов. [Ф.Т.] Константиновым⁸².

XII. Производственные совещания

В течение истекшего полугодия Сектор славяноведения организовал четыре производственных совещания, из которых два были посвящены обсуждению работы Сектора за первый квартал и первое полугодие. Сектор обсуждал все текущие вопросы, связанные с работой Сектора.

На производственных совещаниях были приняты решения - обязательное представление тезисов докладов с литературой вопроса. Без тезисов ни одно лицо не будет допущено к прочтению доклада.

В целях контроля над работой аспирантов над диссертациями Сектор вынес постановление, чтобы каждый аспирант раз в три месяца делал отчет о состоянии своей работы. Это требование было выполнено тов. Целовальниковой, но не было приведено в исполнение тов. Константиновым.

Производственное совещание Сектора обсудило вопрос о скорейшем окончании редакции сборника "Россия и южные славяне", поручило тов. [С.Ш.] Гринбергу и [М.В.] Миско доработать статьи Р. [К.] Караколова и С. [И.] Зинича.

Производственное совещание Сектора подвергло внимательному рассмотрению научно-исследовательскую деятельность научных сотрудников и аспирантов Сектора, ряд других текущих научно-организационных вопросов. Последнее производственное совещание было посвящено рассмотрению отчета руководителя Сектора за первое полугодие⁸³. Обсудив всесторонне производственную деятельность Сектора славяноведения за первое полугодие 1945 года, производственное совещание приняло следующее постановление...⁸⁴

ОТ РЫ В О К   И З   П И С Ъ М А

ОТВЕТСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ СЛАВЯНСКОЙ КОМИССИИ АН СССР
ВАЛЕНТИНА ТИХОНОВИЧА ДИТЯКИНА АКАДЕМИКУ НИКОЛАЮ
СЕВАСТЬЯНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ от 25 октября 1946 г.]

.....

9-го июля получил от Н.С.Пилипчука и Мочалова известие о необходимости приехать в Воеславянский комитет. Везом вручено было нам постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и Сов[ета] Мин[истров] СССР за подписью тов. Сталина о поездке в советскую зону Германии Комиссии по отбору в германских библиотеках и архивах книг и материалов по славяноведению в составе: В.И.Пичета (руководитель), меня и С.Н.Пилипчука.

Выехали мы 23/УП и приехали обратно 27/УП с.г.

Посетили Берлин, где пробыли почти 2 недели, затем Дрезден, Бауцен, Лейпциг, Галле, Веймар, Йену и еще некоторые мелкие города.

В общем выбрали до 20 тыс. книг; архивных материалов мало, они заключены в солидных папках и работать там долго очень трудно. Работали много и напряженно, в общем довольно дружно, но могли бы конечно сделать больше и лучше при другом руководителе. Встретили нас и всюду принимали исключительно хорошо, кормили по-генеральски, был у нас автотранспорт, прекрасные жилища. Отобранные книги в большинстве своем просто неизвестны у нас - издания 1915-1945 гг., есть очень много в том или ином отношении интересных. Большая часть по вопросам истории и международной политики,

по филологии совсем мало, так как Пичета не решился тронуть Институт Фасмера⁸⁵. Бывали у лужичан и поморян, [видели] как они живут.

Жили довольно дружно, но все время мы, я и С.Н., вспоминали нашего дорогого старшего друга и товарища, под руководством которого сделали бы во много раз больше.

По приезде в Москву сразу же приступил к лекциям в Университете. За Вами записано два спецкурса и руководство дипломными работами (их сейчас еще нет). Занятия начаты вовремя и идут аккуратно. Отношение слушателей хорошее. Кафедра заседала 3 раза. О работе ее Вам, вероятно, напишет Самуил Борисович [Бернштейн].

11 сентября меня, как секретаря Славянской комиссии⁸⁶, вызвал академик [Б.Д.] Греков и сообщил мне, что 7-8 сентября Совет министров СССР вынес постановление об организации Института славяноведения Академии Наук и назначил его дирекцию в составе [Б.Д.] Грекова, [С.П.] Обнорского и [В.И.] Пичеты. [Б.Д.] Греков просил меня дать ему списки работников по группе языка и литературы, принимавших участие в работе Славянской комиссии. Я, считая необходимым устроить в Институт славяноведения возможно большее число работников Славянской комиссии, дал ему список известных Вам 18 человек. Это — лишь материал для обоснования просимых штатов (на 73 человека с администрацией и техническими работниками). По его же просьбе я просмотрел составленный [В.И.] Пичетой список работников по сектору истории, там оказались только старые сотрудники Сектора славяноведения Института истории. Я предложил пополнить список товарищами Константиновым, Рудных, Горбуновым, но встретил, по существу, отказ.

Нечего говорить о том, в каком настроении мы все находимся. По договоренности с ближайшими товарищами, я бы старался провести больше своих, но до сих пор в этом отношении ничего не сделано. Институт начинает функционировать с 1 ноября, существуя пока, — до нового года, вероятно, со старым штатом сметных учреждений. Новые кредиты и прочее

едва ли будут раньше 1 декабря.

24-го октября меня вызвал [В.И.] Личета и предложил представить план работ на 1947 и 1947-50 гг. Я решил представить ему выписку из представленного нами и утвержденного Вами плана наших работ по Славянской комиссии. Рассуждал так. Я не знаю, как Вы относитесь к Институту славяноведения, будете ли Вы работать в нем и на какой должности. [Б.Д.] Греков показал мне списки, где Ваша фамилия стояла первой по сектору истории, но тут же при мне решил и перенес ее первой по сектору языка и литературы. Вчера [С.Б.] Бернштейн сообщил мне, что в Институт славяноведения передаются три единицы сектора славянских языков Института русского языка - Вы (зав. сектором), он и [А.Г.] Широкова. Раз это так, то я не вижу основания - не давать выписки из нашего плана; это, конечно, ни в какой степени не обязывает Вас ни к чему - список я дал по переходящим темам Славянской комиссии, как ее бывший секретарь.

Меня беспрерывно осаждают с звонками и разговорами о Вашем приезде и перспективах работы. Все до единого, работающие с нами в Славянской комиссии, недоумевают, волнуются и ждут Вашего приезда. Я еще не встречал человека, который не был бы возмущен совершенным и который бы не хотел бы немедленного приезда Вашего и взятия Вами дела в свои руки.

Ваши младшие товарищи предпринимают в этом отношении различные шаги, но, скажу прямо, Ваше отсутствие овязывает руки. Ведь и раньше Ваше позднее возвращение к работе сыграло свою отрицательную роль.

Как удалось выяснить, (не знаю, насколько это точно), представление об Институте подано было [Б.Д.] Грековым и [В.И.] Личетов в руководящие органы еще в конце февраля - начале марта с.г., то есть когда Вы еще не приступали к работе⁸⁷. Это "обстоятельство" было широко использовано. Решение руководящих органов было вынесено ими именно по этому представлению, а не по предложению Президиума АН 18 июня⁸⁸.

Но это история, которой я, как историк, несколько увлекся. Вас ждут как манна небесной. Дата приезда примерная. Стоит ли Вам ждать сессии, ведь президиум Академии уже начал работу. Кстати, постановление правительства было реализовано на Р/аспорядительном/ З[аседании/ 20.IX, о чем, правда, я официального извещения не имею. Как бы то ни было, о 20.IX нашей милой Славянской комиссии уже не существует!!

Том наших трудов⁸⁹ до сих пор все лежит в Издательстве, "в производстве". Собираются двинуть его, но что будет в действительности - сказать трудно...

Москва, 25.X.46.

Уважающий Вас В.Дяткин.

ИЗ О Т Ч Е Т А
о работе "Сектора славяноведения"
за первое полугодие 1944 г.

У. Аспиранты

Работа аспирантов протекала вполне удовлетворительно. Аспиранты Г.Э. Санчук и В.Д. Корольк сделали в Секторе совершенно оригинальные научно-исследовательские доклады. Кроме того В.Д. Корольк сдал зачеты и минимум по "Истории Чехии" в период раннего средневековья. Н.П. Франич и С.Ш. Гринберг подготовили тексты своих диссертаций, вызвавшие полное одобрение научных сотрудников Сектора. А.К. Целовальниковой, вследствие освобождения Ленинграда, пришлось изменить тему своей диссертации. Для выполнения ее тов. Целовальниковой необходима командировка в Ленинград. Аспирант Ф.Т. Константинов немного задержался с выполнением плана. На Секторе им был прочтен доклад историографического характера о Гринвальдской битве.

Думаю, что работа в журнале "Славяне" и в Белорусском Государственном Университете тормозит его работу. Потому что тов. Константинов редкий гость в Секторе, так что его научные доклады для тов. Константинова в значительной степени проходят бесследно. Между тем, насколько я могу судить, тов. Константинов не вполне усвоил методы и приемы научно-исследовательской работы. Основывая свой вывод на докладе тов. Константинова в Секторе. Правда, тов. Константинов обладает довольно бойким пером и принимает деятельное участие, как автор, в политико-публицистическом журнале "Славян(е)"⁹⁰.

Перехожу к аспиранту тов. Ф.А. Грекулу. Тов. Грекул прекрасно сдал один зачет по специальности, обнаружив знание источников и литературы вопроса, но ему придется еще много поработать над собой. Тов. Грекул - очень организованный и много работающий аспирант. В значительной степени он - самоучка, так как не имеет пока ни школы, ни на-

выков в научно-исследовательской работе. Тем не менее за три года своей аспирантуры тов. Ф.А.Грекул очень вырос, постоянно осваивая методы и приемы научно-исследовательской работы. Постоянное общение с аспирантами в их научном кружке и участие в заседаниях Сектора имело для Грекула положительное значение. Для того, чтобы способствовать росту аспирантов, В.И.Пичета организовал аспирантский научно-исследовательский кружок, на котором были прочтены и обсуждены 14 докладов на различные темы. Во время их критического разбора аспиранты имели полную возможность высказывать свои мнения. Руководитель кружка и студенты особенно обращали внимание на методологию научно-исследовательской работы. К участию в кружке были привлечены два университетских аспиранта. В общем, по справедливости, можно дать положительную оценку работы кружка. Работа аспирантов протекала под руководством В.И.Пичеты и З.Р.Неедлы.

В.И.Пичета руководил работой аспирантов тов. [Н.П.] Франич[а], [С.Ш.] Гринберг[а], [Г.Э.] Санчук[а], [В.Д.] Королж[а] и [Ф.А.] Грекул[а]. З.Р.Неедлы - тов. [А.К.] Целовальниковой и [Н.Д.] Ратнер, Н.С.Державин - тов. [Ф.Т.] Константиновым. Отмечу еще организацию аспирантской сессии, которая начнется 1 июля.

Докторант [С.И.] Зинич разработал план своей диссертации, который был подробно рассмотрен Сектором и одобрен. Тов. Зиничу было предложено несколько сократить работу.

VI. Вопрос об издании работ

Сектор, располагая рядом работ, нуждается в их опубликовании. Необходимо Сектору предоставить один том "Исторических записок", в состав которого должны войти: а) научно-исследовательские статьи и обзор исторической литературы по истории западных и южных славян примерно с 1935 года до 1944 года, что может быть выполнено силами Сектора. Опубликование славянской тематики и историографических обзоров, конечно, будет иметь не только научное, но и общественно-политическое значение для славянских народов. Для выполнения этой задачи Сектор располагает достаточными силами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Королик В.Д. Московский период в жизни Зденека Не-
едлого и развитие советского славяноведения // Зденек Не-
едлый - выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964;
Udalov I. Naš Zdeněk Romanovič // Na paměť Zdeněka Nejedlé-
ho. Praha, 1966; Nejedlý Z. Moje práce. Praha, 1973;
Бобиньская Ц. Воспоминания об учителе // Славяне в эпоху
феодализма: К столетию академика В.И.Пичеты. М., 1978;
Корманова Ж. Минуло 30 с лишним лет: (Воспоминания о про-
фессоре Владимире Ивановиче Пичете) // Там же; Белявский
М.Т. Учитель и ученики: (Из архива И.М.Белявской). Публич-
кация // Там же; Avdijev V.I. Slověk - to sni kvěd // Praha -
Moskva, 1978. № 1; Mironovova J.A. Několik sloy o Zdeněku
Romanoviči Nejedlém // Ibid.; Rukolova B.M. Naš Zdeněk Ro-
manovič // Ibid.; Zdeněk Nejedlý ve vspomínkách svých so-
větákyh žáků a spolupracovníků. Praha, 1978;
Пичета В.И. Для биографического словаря профессоров и пре-
подавателей Московского университета: (Публикация В.Г.Кара-
сева и Л.И.Уткиной) // Исследования по историографии славя-
новедения и балканистики. М., 1981. С.108-110; (Из пере-
писки Б.Д.Грекова, З.Р.Неедлы и В.И.Пичеты, 1942-1952 гг.:
Публикация Б.М.Руколь. // Исследования по истории и исто-
риографии феодализма. М., 1982. С.79-82; Руколь Б.М. Пере-
писка М.Н.Тихомирова с В.И.Пичетой (1941-1943) // Архео-
графический ежегодник за 1982 год. М., 1983; Кушева Е.Н.
О подготовке научных кадров в Институте истории Академии
наук СССР // История СССР. 1986. № 3; Письмо Зденека Не-
едлы из Куйбышева от 13 ноября 1941 г. В.И.Пичете (в Ташкент)
Публикация и примечания Б.М.Руколь // Вопросы историогра-
фии и истории славянских народов. М., 1987; Санчук Г.Э.
Разработка проблем феодализма в научном семинаре академика
В.И.Пичеты // 50 лет исторической славистики в Московском
государственном университете. М., 1989.
2. В рукописях "Отчетов" фамилия везде написана с оши-
кой: Норцов.
3. Точное название сборника - "Вековая борьба западных
и южных славян против германской агрессии". Сборник подпи-
сан к печати 13 дек. 1943 г., выходные данные: М., 1944.
4. Сборник в свет не вышел. Статьи, подготовленные для
него Ю.В.Готье, З.Р.Неедлы и В.И.Пичетой, были опублико-
ваны в 1947 г. в "Славянском сборнике".
5. Имеется в виду брошюра "Богдан Хмельницкий - вели-
кий украинского народа", вышедшая в свет в 1944 г.
6. Точное название издания: Блокнот агитатора Красной
Армии.
7. В рукописи ошибочно указан номер журнала: № 9.
8. Точное название рецензируемой книги: Нарис історії
України.
9. Статья вышла в свет под названием: Октябрьская со-
циалистическая революция на Украине.
10. Точное название статьи: Русский народ в борьбе с
германской агрессией и освободительное движение западных
и южных славян.

11. Имеется в виду не вышедший в свет сборник "Образование государств славянских народов".

12. Точное название статьи и журнала: Великий сын украинского народа - Богдан Хмельницкий // Пропагандист. 1943. № 23-24.

13. В газете "Московский большевик" за декабрь 1943 г. статья эта не напечатана.

14. Кроме статьи, указанной в примеч. 10, в сборнике были напечатаны следующие статьи В.И. Пичеты: Борьба западных славян против германской агрессии до начала X в.; Борьба Чехии и Польши против германской агрессии /X-XIII вв./; Наступление Австрии и Пруссии на славянские народы в XVI, XVII и XVIII вв.

15. Статья опубликована в "Славянском сборнике" /М., 1947/.

16. Имеется в виду рецензия на книгу М.Г. Брагина "Полководец Кутузов", озаглавленная "Великий полководец".

17. В скобках при п. 9 и 10 даны вписанные В.И. Пичетой в рукопись над строкой варианты количества лекций.

18. Имеется в виду публикация доклада З.Р. Неядлы на торжественном заседании Славянского комитета, посвященном этому юбилею: Nejedly Z. Jan Kollar // Nejedly Z., Padjjev A. Jan Kollar. M., 1943.

19. Не разобрано одно слово.
20. Имеется в виду газета "Československé listy", издававшаяся в 1943-1945 гг.

21. См.: Неядлы З.Р. История политического формирования словацкого народа // Исторический журнал. 1942. № 7. Данный номер подписан к печати 12 авг. 1942 г.

22. Сборник в свет не вышел.

23. В рукописи нет с. 28.

24. В рукописи нет с. 30-33.

25. Текст о работе Н.П. Франича представляет собой его отчет о правке В.И. Пичеты. Данное слово Пичетой ошибочно не вычеркнуто.

26. В рукописи написание имени и фамилии неточные - Франц Андрей Мордлевский.

27. В тексте номер главы дан ошибочно: IX.

28. В рукописи фамилия всюду дана неправильно: Руголь, Рудоль.

29. В рукописи всюду первый инициал дан неправильно: Д. Ратнер.

30. В "Отчете... за первое полугодие 1944 г." дополнительно отмечено, что в работе Сектора принимали также участие не входившие в его состав ученые С.К. Богоявленский, С.И. Шкроб, К.Д. Димитров, Топалов и др.; в "Отчете... за первый квартал 1944 г." упомянута также И.В. Козыменко.

31. Об издании трудов Сектора см. Приложение, разд. 6.

32. В "Отчете... за третий квартал 1944 г." уточнено, что обсуждалась диссертация Топалова. "Все выступавшие по докладу тов. Топалова - С.И. Зинич, Д.С. Густинич, тов. Г.Ш. Дринберг, Н.П. Франич, Р.К. Караколов отметили ряд существенных фактических и методологических ошибок. В заключительном слове В. Пичета, подводя итоги длительной дис-

куосия, отметил, в каком направлении должна быть переработана вся работа, чтобы она могла быть представлена в качестве диссертации. Впрочем, тов. Топалов отказался ее перерабатывать, считая, что выступавшие критиковали его работу с ошибочных позиций. Тов. Топалов имел поддержку в лице тов. К.Д. Дмитрова, научного сотрудника "Института мирового хозяйства /и мировой политики/", но следует отметить, что замечания тов. Дмитрова вызвали некоторое удивление со стороны Сектора".

33. В "Отчете... за третий квартал 1944 г." отмечено, что доклад представляет собой "интересное исследование, около 3 п.л., основанное на тщательном изучении официальных документов, а также современной печати разных партийных направлений; оно было предназначено для не вышедшего в свет сборника "Россия и южные славяне".

34. В "Отчете... за третий квартал 1944 г." доклад назван "Болгария и СССР". Отмечается, что "в распоряжении автора были ценные материалы" и что он впервые разработал эту тему; доклад также предполагалось опубликовать в сборнике "Россия и южные славяне".

35. В оригинале ошибка: рукопись названа Кларедворской.

36. Здесь в рукописи второй инициал дан неправильно: Д.Г. Густинич.

37. В "Отчете... за первое полугодие 1944 г." указано, кроме того, что Сектором славяноведения была подготовлена научная конференция "Россия и южные славяне", которая, однако, "по независящим от него обстоятельствам не могла состояться".

38. В "Отчете... за первое полугодие 1944 г." В.И. Пичета пишет о ходе этой работы более подробно. "Что же касается плановой работы, - отмечает он, - то мною написано несколько глав, в частности большая глава (4 п.л.) "Русско-польские отношения и польский вопрос в 1830-1831 гг."

39. В "Отчете... за первое полугодие 1944 г." отмечено, что работа выполнена по специальному заданию дирекции Института истории АН СССР.

40. Точное название статьи: Воссоединение белорусского народа в едином Белорусском советском государстве.

41. Название некролога: Академик Крий Владимирович Готье.

42. Точные данные: Богдан Хмельницкий - дипломат и стратег // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1944. № 2. В "Отчете... за первое полугодие 1944 г."

В.И. Пичета отметил, что это - "переработка доклада".

43. Точные данные: Богдан Хмельницкий - стратег // Украина, 1944. № 2.

44. Рецензия опубликована под заглавием "Книга о борьбе украинского народа за воссоединение в едином Украинском советском государстве". В рукописи ошибочно указан номер журнала: № 12.

45. Сборник в свет не вышел.

46. Вариант названия не вышедшего в свет сборника (см. с. 107).

47. См. примеч. 20. Статья - в № 22 за 1944 г. и № 1 за 1945 г.

48. Брошюра печаталась в Госполитиздате ("Отчет... за первое полугодие 1944 г."). В свет она не вышла. В "Отчете..." упомянуто также о написании Д.С. Густиничем статьи "Традиции совместной борьбы чехов и южных славян" и о переводе им на словенский язык ряда "важнейших документов нашей жизни" (Приказы И.В. Сталина, Конституция СССР и т.д.)

49. В "Отчете... за первое полугодие 1944 г." сказано, что Р.К. Караколов "прочел доклад в Славянской комиссии об Освободительной войне 1877-1878 гг. и значении ее для южных славян. По плановой работе им написана одна глава и представлен доклад, который выйдет как составная часть плановой работы. Помимо этого им написаны три статьи для заграничной печати".

50. Здесь опущено сообщение "Отчета... за первое полугодие 1944 г." о прочтении Б.Т. Горяновым на сессии Отделения истории и философии АН СССР доклада "Русское византиноведение". "Следует отметить, - сказано в "Отчете...", - что подобной работы до сих пор не было в советской исторической науке. Кроме того, им прочитан доклад "Андроник Комнин" (группа византиноведения)". Что касается научно-исследовательской работы, - продолжает "Отчет...", - то она выразилась в составлении Б.Т. Горяновым главы для монографии о Ф.И. Успенском "Вопрос о Византии и славянах в работах Ф.И. Успенского".

51. См.: "Исторический журнал", 1944, № 12.

52. В "Отчете... за первое полугодие 1944 г." В.И. Пичета писал, что "большую работу вела Ж.М. Корман, младший научный сотрудник, доктор философских наук Варшавского университета. Я должен отметить образцовое выполнение написанной тов. Корман работы". Далее цитируется отчет Ж.Кормановой, из которого видно, что она работала над польскими учебниками, читала командному составу Польской армии в СССР лекции по истории Польши, писала статьи для печатавшихся в Советском Союзе русских и польских изданий и т.д. Одновременно в "Отчете... за первое полугодие 1944 г." дана оценка уехавшего на родину в то же время, что и Корманова, Д.И. Влахова, который подготовил диссертацию "Македония и македонский вопрос", написал ряд статей в журналах "Большевик" и "Славяне", но не сдал запланированную ему статью по сектору; в "Отчете..." прямо указано, что "для Сектора славяноведения им не было сделано ничего".

53. См. Приложение, разд. 6.

54. Пункты а) и б) в оригинале ошибочно поставлены после слов "диссертация" и "сербский язык".

55. Здесь в рукописи второй инициал дан неправильно: С.П. Зинич.

56. Имеется в виду труд по истории Польши В.И. Пичеты, упоминаемый в отчетах за 1943 и 1944 гг.

57. Имеется в виду работа: *BobrŹynski M. Wskrzeszenie paŹstwa polskiego. Krakow, 1920-1925. T. 1-2.*

58. *Halecki O. The history of Poland. London, 1942.*

59. Гартвиг Николай Генрихович (1855-1914), с 1909 г. - русский посланник в Сербии.

60. Не разобрано два слова, их предположительное прочтение: "заскивал/ся/ допоздна".

61. По-видимому, речь идет об одном из видных польских деятелей, носивших фамилию Голуховский (*Goluchowski*). "Polski słownik biograficzny" (Wrocław i l. 1959) дает справки о девяти лицах с этой фамилией, живших в XV - 20-х годах XX в.

62. Не разобрано три слова.

63. Слово, ошибочно не вычеркнутое В.И. Пичетой.

64. Слова, ошибочно не вычеркнутые В.И. Пичетой.

65. Далее зачеркнуто: "6. Б.Т. Горянов. Борьба южнорусов с варягами и отражение ее в славянских отрядах".

66. Имеется в виду брошюра: Пичета В.И. Богдан Хмельницкий - великий сын украинского народа: Стенограмма публичной лекции... М., 1944.

67. Точное название и выходные данные: Возрождение Украины-Руси и Белой Руси в XVI - начале XVII в.: Стенограмма лекции... М., 1945.

68. Точное название и выходные данные: Славяне и Византия: Стенограмма лекции... М., 1945.

69. См.: Вестник АН СССР. 1945. № 5-6.

70. См.: Там же.

71. Точное название и выходные данные книги Н.П. Границкого: Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века: Пособие для преподавателей. М., 1943.

72. Здесь и далее в рукописи второй инициал дан неправильно: С.М. Гринберг.

73. Здесь и далее в рукописи второй инициал дан неправильно: Б.Д. Руколь.

74. Не разобрана одна фамилия.

75. Далее в тексте рукописи сделана вставка, а затем следует зачеркнутое окончание данного абзаца: "аспирантского зачета по философии до конца июня. По тем же соображениям была отложена сдача аспирантского зачета по философии Г.Э. Санчука. Тов. Ф.Т. Константинов выполнил всю аспирантскую программу. Равным образом протекала успешно и сдача аспирантского зачета Ф.А. Грекулум.

76. В рукописи вместо и ошибочно написано: в.

77. Далее зачеркнуто: "напечатал в Белоруссии две статьи: "Восточные славяне - предки белорусского народа" (Большезвик Беларусі, 1945. № 1-2. На белорусском языке) и "Происхождение белорусского народа" (Полымя, 1945. № 1)" и несколько статей в газетах".

78. Кто имеется в виду под "последними", не ясно.

79. Вопросительный знак в рукописи поставлен другим почерком и другими чернилами.

80. Не разобрано одно слово.

81. Далее в рукописи оставлено свободное место; текста, относящегося к Ф.А. Грекулу нет.

82. Далее зачеркнуто: "который вообще, как живущий больше в Минске, в работе Сектора участия не принимал".

83. Далее зачеркнуто: "Обсудив всесторонне его работу, производственное совещание приняло следующее постановление:".

84. На этом рукопись обрывается.

85. Имеется в виду основанный в 1926 г. известным немецким филологом-славистом М. Фасмером Славянский институт при Берлинском университете.

86. Славянская комиссия при Президиуме АН СССР была организована Н.С.Державиным в 1943 г.; Институт славяноведения, согласно постановлению Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г., создавался на базе Комиссии, а также славистических секторов Института истории и Института русского языка.

87. Видимо, имеется в виду серьезная болезнь Н.С.Державина — 28 мая 1945 г., находясь в Болгарии, он перенес микроройноуль с порезом левой части лица и смог вернуться в СССР лишь 25 октября 1945 г., после чего долго лечился.

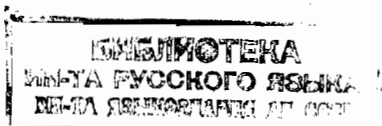
88. Этот документ в архивах пока не обнаружен.

89. Труды Славянской комиссии изданы не были.

90. Здесь в рукописи журнал ошибочно назван "Славянство".

СОДЕРЖАНИЕ

Е.П.Аксенова. Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды по истории славяноведения в конце 1930-х - начале 1940-х годов).....	3.
А.Н.Горяинов. Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934-1941 гг.).....	28.
М.Ю.Досталь. Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр).....	38.
М.Ю.Досталь. Д.И.Дорошенко в Праге в 1920-е годы (Страница из жизни украинской эмиграции).....	53.
М.А.Робинсон. Судьба славянской филологии глазами ученого (По письмам Г.А.Ильинского).....	78.
Публикации	
Из научного наследия К.А.Пушкаревича (Публикация Е.П.Аксеновой).....	91.
Документы к истории отечественного славяноведения сороковых годов XX в. (Публикация А.Н.Горяинова и М.Ю.Досталь).....	97.

Редактор

Н.В. Павлова

Славянотика СССР и русского зарубежья 20 - 40-х годов
XX в. Сб. статей и материалов. - М., Институт славянове-
дения и балканистики РАН. 1992. 145 с.

Подписано в печать 24.II.92. Формат бумаги 60x90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. 7,7. Уч.-изд. 7,6. Тираж 200экз.
Заказ 8 . Цена договорная

Отпечатано на ротапринтере ВНИИСтатИнформа Госкомстата РФ

300 = 00